Сергей Николаевич Куликов

В ГОСТЯХ У ТИМОФЕЕВЫХ-РЕСОВСКИХ

СТИХИ

Сергей Николаевич Куликов

В ГОСТЯХ У ТИМОФЕЕВЫХ-РЕСОВСКИХ

СТИХИ

2021

УДК 82-1
ББК 84
К90

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Куликов Сергей Николаевич
К90 В ГОСТЯХ У ТИМОФЕЕВЫХ-РЕСОВСКИХ : СТИХИ / Сергей Николаевич Куликов. — [б. м.] : [б. и.], 2021. — 296 с.
[б. н.]

Посвящается семье Тимофеевых-Ресовских и столетию со дня рождения Димитрия Николаевича Тимофеева-Ресовского (Фомы).

Имя великого русского ученого Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского (1900—1981) широко известно, как одного из основателей современной биологии, биофизики, радиационной генетики, радиоэкологии, микроэволюции и синтетической теории эволюции. Он является героем книги Д. А. Гранина «Зубр», кинотрилогии режиссера Е. С. Саканян «Рядом с Зубром», «Охота на Зубра», «Герои и предатели», а также автором «Историй, рассказанных им самим...». Был репрессирован в 1945 и реабилитирован в 1992 году.

Елена Александровна Тимофеева-Ресовская (1898—1973) — выдающийся ученый-радиобиолог. В семье было два сына: старший Димитрий, которого все звали Фомой (1923—1945), и младший Андрей (1927—2014).

Старший сын был арестован гестапо в 1943 году за антинацистскую деятельность в составе подпольной организации «Берлинский комитет ВКП (б)», осужден, отправлен в концлагерь Маутхаузен и расстрелян в концлагере Эбензее (Австрия) 01.05.1945. Автор обращается в Администрацию Президента РФ о посмертном награждении героя-антифашиста Димитрия Тимофеева-Ресовского государственной наградой России.

На обложке детские рисунки Фомы, с изображениями отца и матери.

Светлая память!

УДК 82-1
ББК 84

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Сергей Николаевич Куликов, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДОМ И СЕМЬЯ 5
ДРУЗЬЯ 41
СВОБОДНАЯ ГЕНЕТИКА СТУДЕНТАМ-МЕДИКАМ 101
ТРИНАДЦАТЫЙ ЛАУРЕАТ 109
БИОСТАНЦИЯ МИАССОВО (1955-1977) 125
ЧТО ТАКОЕ «ВАЖНО В-ПЯТЫХ»? 195
ХОДАТАЙСТВО О НАГРАЖДЕНИИ ГЕРОЯ-АНТИФАШИСТА
Д.Н.ТИМОФЕЕВА-РЕСОВСКОГО (ФОМЫ) 277
МОИ БЛАГОДАРНОСТИ 294

ДОМ И СЕМЬЯ

Торхауз в Берлин-Бухе (фото на стр. 38).
В этом доме с 1931 по 1947 год жила семья Тимофеевых-Ресовских. Возле этого дома 30 июня 1943 года Фома был арестован гестапо. 13 сентября 1945 года отсюда начался путь Н.В.Тимофеева-Ресовского на Лубянку.
Рисунок Екатерины Осиной.

Москва — Берлин — Бух — предприятие п.я. 0215 или Лаборатория "Б" Атомного проекта СССР (ныне город Снежинск) — Свердловск (ныне Екатеринбург) — биостанция «Миассово» в Челябинской области — Обнинск — Москва, — такова рабочая география Тимофеевых-Ресовских. А сколько интересных событий, испытаний и встреч вместила их жизнь, в полной мере, отразив турбулентности XX века!

Елена Александровна и Николай Владимирович
Тимофеевы-Ресовские. Берлин-Бух, 1930-е.

Русский дом в Берлин-Бухе

Елене Александровне
Тимофеевой-Ресовской (1898—1973)
на день рождения и светлой памяти
21.06.2014

> ***«Многие называли её Святой Еленой,***
> ***именно так мы представляем себе святых»,-***
> **Андрей Тимофеев, младший сын.**

Двадцать первый век. День погожий.
Миг рождения — радуйся, свет!
Продолжается жизнь, похоже, —
Горя не было, смерти нет.

Мир, в котором мы вместе когда-то,
Мама с нами, всё главное в ней,
Довоенные годы, ребята,
Окружение близких, друзей,

Разговоры и песни ночные,
Крики сонные дальней совы,
И внезапно проснувшийся ливень,
Шёпот листьев, запах травы…

Каждый был там по-своему счастлив,
Общей радостью полнился дом.
Неизменной, возвышенной статью,
Мама первенствовала во всём.

Голоса и чувства знакомы,
Память вечную Вам хор поёт.
Аромат блинов Русского дома,
Хлебосольный, из детства плывёт.

Все уходим, кто раньше, кто позже,
Оставляя молитвенный след.
«В этом мире я только прохожий…», —
Как сказал знаменитый поэт.

Елена Александровна Тимофеева-Ресовская вела научную работу с 20-х по 70-е годы XX века. Она исследовала влияние радиационного облучения на основных уровнях организации живого: генетическом, организменном, популяционном и биоценотическом. В 50-е выполнила первые в мире научные работы по радиобиологии водных экосистем, участвуя в Атомном проекте СССР.

Н.В.Тимофеев-Ресовский. Берлин-Бух, 1930-е.

Имени Твоему

Николаю Владимировичу
Тимофееву-Ресовскому (1900—1981)

> *«Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей.»*
> *Библия. Ветхий завет. Псалтырь. Псалом 113.*

Судьба — мишень, где в центре сущность жизни, —
Есть главное, достойное того,
Чтоб Имя Твое, творчество и мысли
Нам помнить вечно было суждено.
Есть совесть — это слышный голос Бога,
Наука — дорогая сердцу страсть,
К Спасению небесному дорога, —
Не выпить Чашу — сути не понять.

В душе любовь, в любви родные люди,
Растущий на стене иконостас.
Мы с теми, кого любим, вместе будем
Навеки, — ведь, любовь сильнее нас.
Таланты в жизни — от любви награда,
Не стоимости мера, а души;
Любовь живет в картинах Леонардо,
И в миассовско-буховской глуши.

Вперед! Искать, найти и не сдаваться!
Держаться цели из последних сил!
Только своих грехов надо бояться,
Молить, чтобы их Бог не допустил.
Живем пока, в несовершенном мире,
Но чувствуем божественность его,
Где Ваше Имя, творчество и мысли
Нам помнить вечно будет суждено!

Автопортрет Леонардо

Ты остался один, Старик,
Иногда говоришь ерунду.
Заговаривается язык, —
Не пойму я тебя, не пойму.
    Вместе с телом, уходит в песок
    Что любили мы в жизни с Тобой.
    Только образы наших снов
    Не желают идти на покой.
Горе — слалом с вершин любви, —
Это, как падение вниз.
Догорают глаза Твои,
Разлетается, искрами, жизнь...
    Всё такой же упрямый рот,
    Благородством, исполнен лик.
    Старость — это судьбы поворот,
    Наизнанку из детства, Старик.
Волны белых Твоих волос
За рисунка уводят край.
Если будешь грустить — не всерьёз,
Только радость нам дарит рай...

Лапы век укрывает снег,
Прозреваешь, что — впереди…
С монитора Твой автопортрет
Пять столетий со мной говорит…

О. Александр Мень о личности Н.В.Тимофеева-Ресовского, с которым встретился во время исповеди и причащения: «Должен сказать, что это был человек совсем не уходящий, не угасающий. Наоборот, мощь его натуры проявилась в ту нашу встречу во всей её красоте и полноте. Подобные люди рисуются нам, когда мы вспоминаем эпоху Возрождения, это титанические фигуры.

Размах его мысли, размах его интересов, юмор, что-то богатырское, и можно понять, что именно такой человек способен был пройти столь сложную жизненную дорогу и сохранить не только человеческое достоинство, а раскованность, свободу, полноту.

Его одухотворенность и вера — не что-то ущербное, наоборот, — это что-то, восполнявшее полноту его жизни. Он глубоко и обоснованно верил в бессмертие души. Это философски продуманное им и внутренне пережитое убеждение. Ведь в это верят все люди, но бессознательно, инстинктивно. А он верил продуманно, пропустив глубину интуиции через фильтр своего мощного разума.

Это фигура, которая независимо от его заслуг в науке, независимо от его места в истории российской интеллигенции, сама по себе, как личность — это потрясающая скульптура, которая может украсить собор Святого Петра.

Он сохранил себя личностью, могучей, независимой, светлой, утверждающей личностью. Вот мне представляется, что таким должен быть христианин. В нем было смирение большого ученого и открытость человека, который многое пережил. Колесо истории прошло по нему, но неспособно было раздавить его, — *таких* оно не может раздавить.

Он был действительно тот светлый христианин, который нам рисуется, когда мы думаем о самых крупных личностях в истории» (из интервью Елене Саканян в январе 1990 года).

Е.А.Тимофеева-Ресовская с сыновьями. Берлин, 1928.

Фома

Димитрию Николаевичу
Тимофееву-Ресовскому (1923—1945)

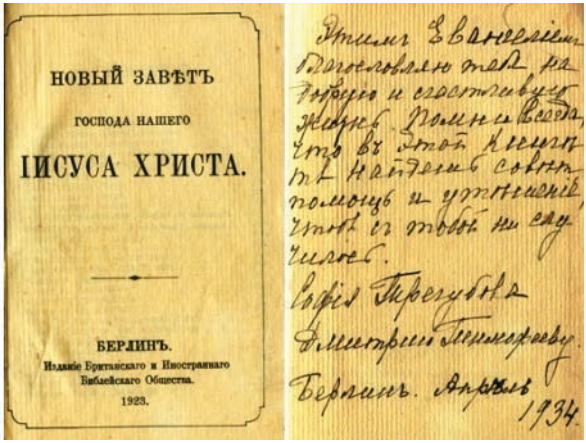
Отцу не верил в маленький обман:
В какой руке лежала погремушка,
И сам её усиленно искал
Меж пальцами, и звук ловил на ушко.
Так, стал Димитрий попросту Фомой, —
Он верил дальше только звуку сердца.
Эта струна звала его домой:
Россия снилась, данная в наследство.

Димитрий (Фома) и Андрей Тимофеевы. Берлин-Бух, 1929.

Димитрий и Андрей (1-й и 3-й) с друзьями перед Торхаузом.
Середина 1930-х.

Димитрий и Андрей Тимофеевы. Конец 1930-х.

Димитрий и Андрей. Берлин-Бух, 1930-е.



НОВЫЙ ЗАВѢТЪ

ГОСПОДА НАШЕГО

ІИСУСА ХРИСТА.

БЕРЛИНЪ.

Изданіе Британскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества.

1923.

Этимъ Евангеліемъ благословляю тебя на добрую и счастливую жизнь. Помни всегда, что въ этой книгѣ ты найдешь совѣтъ, помощь и утѣшеніе, чтобы съ тобой ни случилось.

Софія Трегубова

Димитрию Тимофееву.

Берлинъ. Апрѣль 1934.

Из Нового Завета, подаренного Димитрию на Пасху Софьей Максимилиановной Трегубовой (фон дер Остен-Сакен).

Фома Тимофеев на велосипеде.

Фома Тимофеев на лыжах.

Шло детство, интересное в раю,
На острове любви и понимания,
Но юность встретил он в святом бою
И в мученическом испытании.
Он не поверил в то, что был убит, —
Ты жив, Фома, не надо ставить точку…
Украсил мрамор памяти гранит,
Твой личный подвиг — героизм бессрочный!
Забвению есть тысячи причин,
И многим еще жертвам множить горе,
Пока не просияет Божий Сын,
Возлюбленный, всем сердцем, на Фаворе!

Фомино воскресение

Эбензее — концлагерный ужас,
Преисподни низвергнутый ад, —
Был Фома на него осУжден
И погиб много лет назад.
Он боролся, как мог, с нацизмом
В свои юные двадцать лет,
И, наивностью детских мыслей,
Верил: смерти на свете нет.

Жизнь его начинали гены
Рюриковичей, — они были слышны,
Кудеярову песню пели
И Победную весть несли…
Горе горькое стало причиной
Ожидания каждый день.
Мама тихо молилась за сына,
Узнавала за окнами тень…

Рассылали родители письма,
Поиск вёлся десятки лет.
Не хватило им срока жизни

На последний ему привет.
Опоздал документ конечный, —
Установлен могильный знак.
Грустно плакали в доме свечи,
Брат сжимал свой стакан в кулак…

Жил достойно, боролся достойно,
Непостыдною смертью, ушел…
Вся семья уже упокоена…
Вдруг Фому я на снимке нашел —
После даты указанной смерти!
Показалось… моя вина…
За слезинку ребенка, поверьте,
Будет проклята эта война!

Герой нашего времени

По документу, он погиб,
Но достоверных фактов нету.
Доска в концлагере висит, —
Спасибо Австрии за это.
Сыновью, к Родине любовь
Он с детства впитывал, корнями.
России честную историю
Ему рассказывал Селаври.
Преподавал русский язык
В стихах, не докучал СелИнов.
Оазис был всея Руси,
Тогда, в тридцатые, в Берлине.
Разные страны посетил,
Наверно, видывал немало.
К своим неполным двадцати
В Русском театре выступал он;
На балалайке виртуоз,
Спортсмен, хорош собою, статный,
В любви, среди друзей он рос…

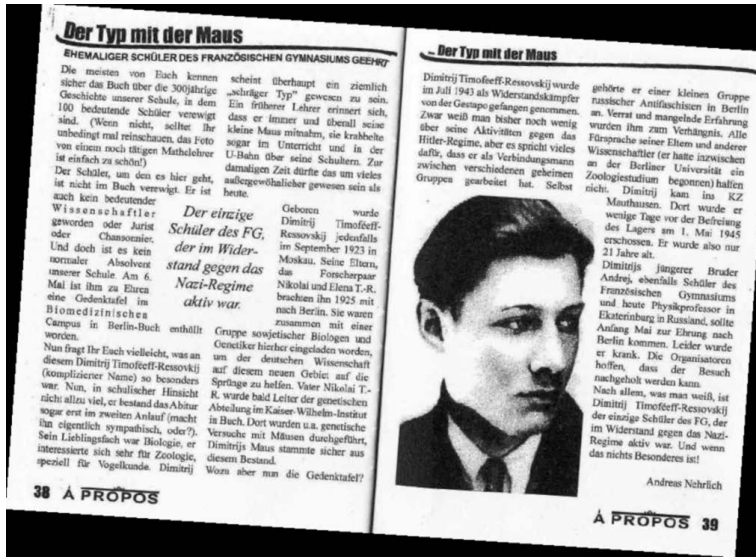
Война открыла счет обратный.
Берлинский университет
Зачислил юношу студентом.
Шел 43-й, в комитет
ВКП (б) вступил в момент он.
Стал полон риска каждый день,
Антинацистские листовки
Печатал, прятал дома тех,
Кто ускользнул из плена ловко.
Цианид калия достал
На Власова и Розенберга,
И Гитлера казнить мечтал,
В Победу нашу твердо верил ...
Был арестован и судим:
Тюрьма, концлагерь Эбензее...
Исчез Димитрий, словно дым
Ветер над Австрией развеял.
Война, по-прежнему, идёт,
Не успокоятся нацисты,
Пока последний не падёт,
Такой же парень, как Димитрий.
Так как же можно жить, забыв,
Какой он вклад привнес в Победу?
Пока мы помним, герой жив,
Нет сил у ада против неба!
Россия — дивная страна,
От Певека и до Дербента,
С Балтийска до Анадыря...
Так, может, память бесполезна?

Мой герой

В Эбензее заключенный,
Он погиб таким молодым.
Был Димитрием нареченный,
Тимофеевым-Ресовским.
Заменили расстрел на мучения,

Мемориальный стенд, посвященный Фоме Тимофееву в Берлин-Бухе. Автор фотографии А. А. Терентьев.

Доконала злодейка-судьба,
Смерть пришла к нему, как спасение,
Но забвение — вот беда!
Подвиг антифашиста доныне
Неразменен, ценой ему — жизнь.
Но когда, будто нет и в помине,
Появляется снова фашизм.
Нет могилы, но есть документы,
И в концлагере память живет.
Умирает надежда последней,
Что награда героя найдёт…
Я не верю, что Родине всё равно:
Быть страною добра или зла, —
Незамеченного героя
Должна вспомнить, и вспомнит она.
Его звали Фомою обычно,
Он родиться успел в Москве,
И погиб… это было привычно
На Великой с фашизмом войне.



Der Typ mit der Maus

EHEMALIGER SCHÜLER DES FRANZÖSISCHEN GYMNASIUMS GEEHRT

Die meisten von Euch kennen sicher das Buch über die 300jährige Geschichte unserer Schule, in dem 100 bedeutende Schüler verewigt sind. (Wenn nicht, solltet Ihr unbedingt mal reinschauen, das Foto von einem noch tätigen Mathelehrer ist einfach zu schön!)

Der Schüler, um den es hier geht, ist nicht im Buch verewigt. Er ist auch kein bedeutender Wissenschaftler geworden oder Jurist oder Chansonnier. Und doch ist es kein normaler Absolvent unserer Schule. Am 6. Mai ist ihm zu Ehren eine Gedenktafel im Biomedizinischen Campus in Berlin-Buch enthüllt worden.

Nun fragt Ihr Euch vielleicht, was an diesem Dimitrij Timofeeff-Ressovkij (komplizierter Name) so besonders war. Nun, in schulischer Hinsicht nicht allzu viel, er bestand das Abitur sogar erst im zweiten Anlauf (macht ihn eigentlich sympathisch, oder?). Sein Lieblingsfach war Biologie, er interessierte sich sehr für Zoologie, speziell für Vogelkunde. Dimitrij scheint überhaupt ein ziemlich „schräger Typ" gewesen zu sein. Ein früherer Lehrer erinnert sich, dass er immer und überall seine kleine Maus mitnahm, sie krabbelte sogar im Unterricht und in der U-Bahn über seine Schultern. Zur damaligen Zeit dürfte das um vieles außergewöhnlicher gewesen sein als heute.

Der einzige Schüler des FG, der im Widerstand gegen das Nazi-Regime aktiv war.

Geboren wurde Dimitrij Timofeeff-Ressovskij jedenfalls im September 1923 in Moskau. Seine Eltern, das Forscherpaar Nikolai und Elena T.-R. brachten ihn 1925 mit nach Berlin. Sie waren zusammen mit einer Gruppe sowjetischer Biologen und Genetiker hierher eingeladen worden, um der deutschen Wissenschaft auf diesem neuen Gebiet auf die Sprünge zu helfen. Vater Nikolai T.-R. wurde bald Leiter der genetischen Abteilung im Kaiser-Wilhelm-Institut in Buch. Dort wurden u.a. genetische Versuche mit Mäusen durchgeführt, Dimitrijs Maus stammte sicher aus diesem Bestand.

Wozu aber nun die Gedenktafel?

38 À PROPOS

– Der Typ mit der Maus

Dimitrij Timofeeff-Ressovskij wurde im Juli 1943 als Widerstandskämpfer von der Gestapo gefangen genommen. Zwar weiß man bisher noch wenig über seine Aktivitäten gegen das Hitler-Regime, aber es spricht vieles dafür, dass er als Verbindungsmann zwischen verschiedenen geheimen Gruppen gearbeitet hat. Selbst gehörte er einer kleinen Gruppe russischer Antifaschisten in Berlin an. Verrat und mangelnde Erfahrung wurden ihm zum Verhängnis. Alle Fürsprache seiner Eltern und anderer Wissenschaftler (er hatte inzwischen an der Berliner Universität ein Zoologiestudium begonnen) halfen nicht. Dimitrij kam ins KZ Mauthausen. Dort wurde er wenige Tage vor der Befreiung des Lagers am 1. Mai 1945 erschossen. Er wurde also nur 21 Jahre alt.

Dimitrijs jüngerer Bruder Andrej, ebenfalls Schüler des Französischen Gymnasiums und heute Physikprofessor in Ekaterinburg in Russland, sollte Anfang Mai zur Ehrung nach Berlin kommen. Leider wurde er krank. Die Organisatoren hoffen, dass der Besuch nachgeholt werden kann.

Nach allem, was man weiß, ist Dimitrij Timofeeff-Ressovskij der einzige Schüler des FG, der im Widerstand gegen das Nazi-Regime aktiv war. Und wenn das nichts Besonderes ist!

Andreas Nehrlich

À PROPOS 39

Парень с мышонком (автор Андреас Нерлих)

5 мая 2003 года в газете Французской гимназии в Берлине было напечатано **сочинение** её ученика Андреаса Нерлиха «Парень с мышонком», написанное **на тему «Особенное в истории гимназии»**, под впечатлением того, что ему рассказал профессор Гюнтер Темрок:

«Большинство из вас, конечно, знают книгу о трёхсотлетней истории нашей школы, в которой увековечены имена ста известных учеников… Ученик, о котором идёт речь, в книге не упоминается. Он не стал выдающимся учёным или юристом, или певцом. И тем не менее он необычный выпускник нашей школы. 6-ого мая в его честь в Берлин-Бухе в биомедицинском корпусе была открыта мемориальная доска. Теперь вы, возможно, задаёте себе вопрос, что же было особенного в этом Димитрие Тимофееве-Ресовском… Так вот, что касается школы — ничего особенного, экзамен на аттестат зрелости он сдал только со второго

захода (не правда ли это делает его даже симпатичным?). Его любимым предметом была биология, он интересовался зоологией, особенно орнитологией. Похоже, что Димитрий был вообще странным. Бывший учитель вспоминал, что он всегда и везде носил с собой мышонка, который даже на уроках ползал у него по плечам…

Родился Димитрий Тимофеев-Ресовский в сентябре 1923 года в Москве. Его родители, супружеская пара учёных, Николай и Елена Тимофеевы-Ресовские, привезли его с собой в Берлин в 1925 году. Они были приглашены сюда вместе с группой советских биологов, чтобы оказать помощь немецкой науке в этой области. Отец, Николай Тимофеев-Ресовский, в скором времени стал руководителем отделения в Институте Кайзера Вильгельма в Бухе. Там, между прочим, проводили опыты на мышах — мышка Димитрия происходила оттуда.

Однако в июле 1943 года гестапо арестовало Димитрия Тимофеева-Ресовского как участника движения Сопротивления. И хотя ещё пока мало известно о его деятельности против гитлеровского режима, многое говорит за то, что он работал связным между различными подпольными группами. Сам он был членом небольшой группы русских антифашистов в Берлине. Его погубили отсутствие опыта и предательство. Заступничество его родителей и других учёных (к этому времени он начал изучать зоологию в Берлинском Университете) не помогло. Димитрий был отправлен в концлагерь Маутхаузен. Там он был расстрелян 1-ого мая 1945 года, всего за несколько дней до освобождения лагеря. Ему исполнился всего 21 год.

Младший брат Андрей, также ученик французской гимназии, а в настоящее время профессор физики в Екатеринбурге в России, должен был в начале мая приехать на чествование в Берлин. К сожалению, он заболел. Организаторы надеются, что приезд ещё состоится. На основании всего, что известно, Димитрий Тимофеев-Ресовский является единственным учеником Французской гимназии, который активно участвовал в Сопротивлении нацистскому режиму. ТАК, РАЗВЕ ЭТО НЕ ОСОБЕННОЕ!»

Парень с мышонком

Жизни тонкая плёнка
Оставляет рассказ…
Детство, парень с мышонком,
Странный — в классе у нас…
Его линией фронта
Станет Русский Берлин,
Его пули — листовки,
Клеит ночью, один…
На учебе зевает,
Позабыта латынь.
Всё война отнимает,
И нацистский Берлин.
Балалайка вступает,
Подпоясан кафтан, —
Он в театре играет,
«Ревизор» нынче дан.
Отравить Розенберга,
Достаёт цианид,
И на Власова зелье,
Но гестапо не спит…
Арестован, осУжден,
Больше года в тюрьме,
Разве не был он нужен
Для Победы в войне?
Эбензее — концлагерь,
В шахтах щерится смерть.
Здесь остался наш парень
Навсегда, какой есть.
Тонкой жизненной плёнкой,
Греет память рассказ…
Странный парень с мышонком,
Был такой среди нас.

Летом 2014 года австрийский архитектор Гюнтер Эберхардт установил мемориальную доску в аллее памяти на месте концлагеря Эбензее с текстом, написанным Андреем Николаевичем Тимофеевым. Двойная фамилия Тимофеев-Ресовский была только у старшего сына.

Бесценные письма

Пожелтевшие письма, записки, написанные
карандашом, —
Из концлагеря маме: здоров, дорогая, в порядке,
Вы с отцом не волнуйтесь, обнимаю всех вас
горячо,
Привет брату Андрею, друзьям, Ваш Фома,
извините, что кратко…

Ровный матери почерк, нет слёз в воспаленных
глазах,
В пятьдесят дней одно лишь письмо принимают для
сына.
Будь же проклята эта политика и эта война,
Без которой жизнь наша могла быть такою
счастливой!
Горе горькое в сердце и память на тысячу лет,
Время судьбы сплетает… читаю бесценные
письма…
Веет пеплом из штолен, где кончается солнечный
свет,
И глядят на меня живые, любимые лица…

Письма сына

*Димитрий Николаевич Тимофеев-Ресовский (Фома)
был расстрелян в концлагере Эбензее
(Австрия) 01.05.45 за антинацистскую деятельность,
попытку покушения на генерала Власова и имперского
министра Альфреда Розенберга.
Сохранились его письма из заключения.*

Эбензее, концлагерь, рабочие
В штольнях долго не выживают.
Трубы черные, пахнет горечью, —
Заключенных в печах сжигают…

Здесь расстрелы, людское крошево,
Здесь земля пропитана кровью.
Пишет маме слова хорошие
Сын, чтоб не было маме больно…

Смерть — подруга и избавление,
От страдания смерть спасает.

Только маме не надо волнения,
Это ясно сын понимает…

Умирать никогда не хочется…
Так природа вокруг красива!
Все сто лет её одиночества
Будут греть маму письма сына.

Майские Дни Памяти в Эбензее

Светлой памяти Фоме (Димитрию)
Тимофееву-Ресовскому, погибшему
в концлагере Эбензее в Австрии
(11.09.1923 — 01.05. 1945)

Здесь очень тяжело бывать,
Хотя природа так красива.
Нам память Божью Благодать
Дарует, — Ею, жертвы живы…
Как вам приходится в раю?
Какие мысли и надежды?
Фашизм сегодня — дежавю,
Рядится в новые одежды…
Какая после жизни жизнь?
И отчего наши печали?
Находим там какой-то смысл,
Если его мы здесь теряем?
Я вам хочу сказать о том,
Что никогда вас не покину…
Мы эту чашу вместе пьём,
По полной — не наполовину!

Мемориальная строка **TIMOFEJEV DIMITRIJ** в Эбензее.
Автор фотографии А.А.Терентьев.

Ангелочек в Эбензее

Север Австрии, просторы,
Не найти земли милей!
Эбензее, небо, горы,
Вот концлагеря музей.
Из сысертского фарфора,
Ангелочек был со мной, —
Снял забвения оковы,
Дал молитвенный покой.
Должникам своим прощаем,
Верим в то, что нам простят.
Ангелочек освящает
Место, где когда-то ад
Развергся, море боли,
Печи, трубы, пепел, дым.
Вспоминаешь, поневоле, —
Мы войну в себе храним.
Захожу под своды шахты,
Бесконечен лабиринт,

Вопиет здесь камень каждый,
Вновь душа на свет спешит.
Ангелочек на ладони,
Крылья спрятал за спиной.
Совесть душу беспокоит
И зовёт меня на бой.
Красота вокруг звереет,
Место беспредела зла —
Лагерь смерти Эбензее,
В сердце времени стрела.

Жизнь большая и интересная

Андрею Николаевичу
Тимофееву (1927—2014)

Жизнь большая и интересная
Среди моря бескрайней любви,
А над нею лазурь небесная,
Ночью звёзд полыхают огни...
Не из нашего она времени,
Не из здешнего сотканы дни, —
Так божественна, почти женственна, —
Бог лишь ведает, что творит...
Дружба — это венец мироздания,
От рождения дан талант.
Все застолия и свидания —
Нашей памяти бриллиант.
И поддержки слова, участие,
И молчание, — главное в нём, —
Ваша жизнь — это наше счастие,
С нею радостнее живём...
Перед Богом ответ у каждого...
Жизнь моя, ты приснилась мне!
С Вами каждый день буду счастлив я,
Пока вместе мы на Земле...

Нина Алексеевна и Андрей Николаевич Тимофеевы.

Наше продолжается общение

Нине Алексеевне
Тимофеевой (1927—2014)

Душ родство и общие заботы
С Вами подарила жизнь сполна,
Взаимопонимания высоты, —
То, что называется судьба...
Наше продолжается общение,

Будет бесконечен разговор…
Жизнь — всего лишь, краткое мгновение,
Постоит, и тронется вагон…
Искренность любви и недосказанность,
Встречи на пути в полсотню лет,
Наша миассовская привязанность,
Гор, лесов, озер, друзей букет…
Помню с детства наши приключения,
С мамой поделили Вы меня, —
Может быть, импринтинга значение
В том, что не живу без Вас ни дня…
Может быть, советское содружество,
Общий круг истории семей,
Или Ваши женственность и мужество
Повстречал я на перроне дней…
Светятся Ваши блины на Масленицу,
Из духовки смотрят куличи,
На зелёной травке яйца красятся, —
Пасха, колокольцами, звучит…

Угол Комсомольской-Малышева (УКМ)

У Тимофеевых 17 января 2013 года, по адресу: Екатеринбург, ул. Малышева, 129, где давно должна быть установлена мемориальная доска, с надписью: «В этом доме с 1955 по 1964 год жил великий русский учёный Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский»

Оказался я снова в раю
незабвенного детства,
Будто живы родители,
братец спортивно-хмельной…
На плаву держит радость общения,
лучшее средство,
Для души моей — дом ваш —
настоящий, знакомый, родной.

За столом посидели немного
и выпили малость,
Я болтал обо всём,
но всё это было не в счет...
Генетический факт —
вместе быть нам недолго осталось,
Так что ужин сегодня
был прожитой жизни зачет.

Вам спасибо за счастье
видеть вас, выпивать вместе с вами,
Все невзгоды пути,
лет совместно немало пройти...
Это наша судьба,
поколения будут за нами,
Но такого в глазах понимания
трудно найти.

Всё понятно без слов,
есть и радости, есть и обиды,
Русский стол, знаменитый,
хлебосольно под водку воскрес...
Так прекрасна любовь,
нашей памяти милые виды!
Вы живите, пожалуйста, долго, —
в этом общий наш крест.[1]

[1] А.Н.Тимофеев - ученый-физик, изучал явления диффузии и переноса в благородных металлах. 65 лет работал в Институте физики металлов УРО РАН, Почетный ветеран ИФМ, Изобретатель СССР. Н.А.Тимофеева - ученый-радиобиолог, работала в Институте экологии растений и животных УРО РАН.

Уголок памяти у Тимофеевых в Екатеринбурге.
Гипсовый бюст Е.А.Тимофеевой-Ресовской.
Скульптор В. А.Ватагин, 1926.

Тимофеевы Нина Алексеевна и Андрей Николаевич.

Детский рисунок Фомы.

Н.В.Тимофеев-Ресовский, О.А.Цингер и Роберт Ромпе, 1934.

Детский снимок

Этот снимок подарен автором,
Маленький, три на четыре,
Берлин-Бух, тридцать четвертый,
Ему было семь лет…
Его отец с друзьями,
Цингером и Ромпе,
Рождественский памятный вечер,
Детства молитвенный свет…

Сюжет представлен традицией,
Веками встречаться будет, —
Из трех мушкетеров, товарищей,
Трех богатырей…
Их голоса и песни,

Сечения наших судеб, —
Дружбы, жизнь продлевающей,
Печать лежит на ней…

Святая тайна общения,
Духовные связи, культура,
Щедрость застолий, искусство,
Наука, поэзия, спорт,
Материки и страны,
Гильзы душистого курева,
Ночные трепы о сущности,
Щемящий России аккорд…

Сколько таких фотографий
В альбомах есть и конвертах,
Где мы встречались с друзьями,
И много лет спустя…
Счастье осталось с нами,
Оно оказалось бессмертным, —
Краеугольный камень
Жизни терять нельзя…

Торхауз

Дом у ворот, сейчас это кафе,
Всё тот же парк и темные аллеи,
Другое время, нравы на дворе,
Но также аромат кофейный веет.
    Немецкая, ручьем, струится речь,
    Уют и чистота, и аккуратность,
    Отель и паркинг, — хочется мне лечь,
    На синем небе облака угадывать.

Так хорошо всем было здесь тогда:
Качали клены ветви довоенные,
А между них счастливые года
Над Бухом пролетали, как мгновения.

Супруги Тимофеевы-Ресовские с сыном Андреем. Сунгуль, 1949.

Родными и друзьями полон дом,
Свободной, пушкинской любви к России.
О, сколько здесь сидели за столом,
За Родину единственную пили!

По-русски лепетала детвора, —
Пройдет их дружба путь лихих столетий,
Чтоб посреди арбатского двора
Встать на причал молитвенный, последний.
Остров наук, культур, созвездье муз,
Укрытый от невзгод, заботой Фогта, —
Сюда еще когда-нибудь вернусь —
В закатный рай, за кромку горизонта.

Увидимся мы, дружный Русский дом, —
На пыльные тропинки во Вселенной

Прольемся, очищающим дождем,
И радужно нам улыбнется небо!
Немного кофе и опять вперед,
Стрела летит, а память — ей навстречу, —
Торхауз — старый домик у ворот,
Прощай, кафе! Друзья, до новой встречи!

Любимому романсу

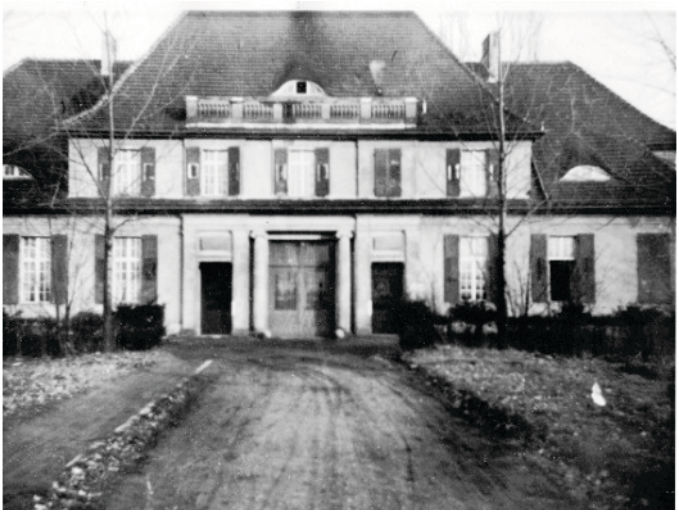
Гори, гори всегда желанная,
Надежды новая звезда.
Со мною ты, так долгожданная,
Любовь последняя моя.

Заря, красавица волшебная,
Любви высокая мечта,
Дари свой свет, тепло душевное,
Звезда любимая моя.

Одна лишь ты на небе облачном
Так ярко светишь надо мной.
В твоей любви и ласке солнечной
Находит жизнь моя покой.

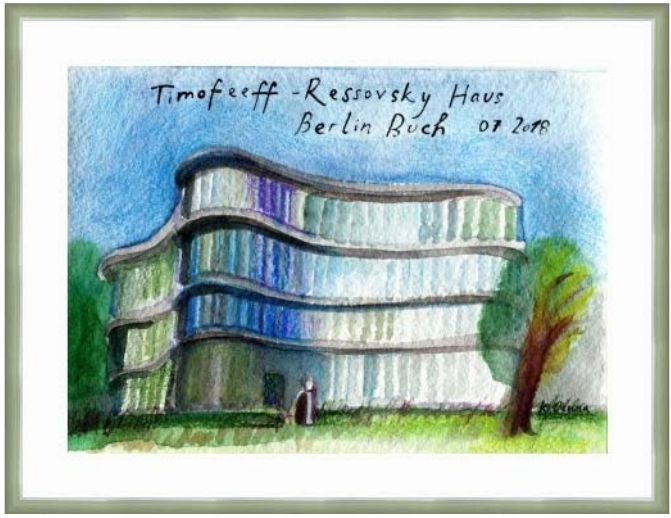
Твоих лучей нежны объятия,
Огонь пылающей любви,
С тобою вместе ждет нас счастье,
Свети, звезда моя, свети.

Звезда надежды долгожданная,
Мечта далеких светлых снов,
Гори, сияй, моя желанная,
Моя последняя любовь.



Торхауз в Берлин-Бухе в 1930-е.

Торхауз в 2015 году. Автор фотографии А.А.Терентьев.



В 2006 году, именем Н.В.Тимофеева-Ресовского, было названо новое здание в Берлин-Бухе (архитектор Фолькер Штааб), где расположена лаборатория медицинской геномики. Перед этим зданием установлен его скульптурный бюст (фото на стр. 271, 273). Рисунок Екатерины Осиной.

В 1965 году Елена Александровна, по распоряжению отдела кадров АМН СССР, была уволена в связи с достижением 65-летнего возраста. Она осталась без пенсии, но продолжала научную работу, не получая зарплаты. В 1969 году, по директиве партийно-политических чиновников Обнинска, отдел радиационной генетики и радиобиологии был ликвидирован. Тимофеевы-Ресовские остались без работы и только на одной нищенской пенсии. В СССР при жизни они не получили официального признания, не имели ни званий, ни наград, были понижены в правах, находились под постоянным контролем и притеснением со стороны государственных и партийных органов власти. Однако, у Тимофеевых-Ресовских было много друзей, учеников, и Николай Владимирович часто говорил: ***«Я прожил счастливую жизнь!»***

Николай Владимирович и Елена Александровна
Тимофеевы-Ресовские, 1964.

В год смерти Елены Александровны (1973) Н.В.Тимофеев-Ресовский сказал: **«Она была совершенно замечательная женщина во всех отношениях. Существуют замечательные женщины, изредка попадаются на свете. Но совершенно замечательные женщины особенно редки. Моя жена была такой совершенно замечательной женщиной. Мы работали в одной лаборатории 53 года, в четыре руки и две головы, и мы были женаты 51 год. За этот период мы были разлучены на два с половиной года (в течение моего заключения)».**

ДРУЗЬЯ

Н.В.Тимофеев-Ресовский был собирателем замечательных людей вместе, вокруг себя, организатором неформальных научных кружков везде, где только он ни находился. От центров европейской науки до Бутырки и Карлага, наука была главным делом его жизни. Он увлекал наукой других, и сам принимал участие в таких научных кружках (коллоквиумах, симпозиумах), как например в Копенгагене, у Нильса Бора. К Н.В.Тимофееву-Ресовскому стремилась передовая научная молодёжь СССР. В нем видели критерий правильности своих начинаний, выбора жизненного пути в науке. Многие стали его учениками.

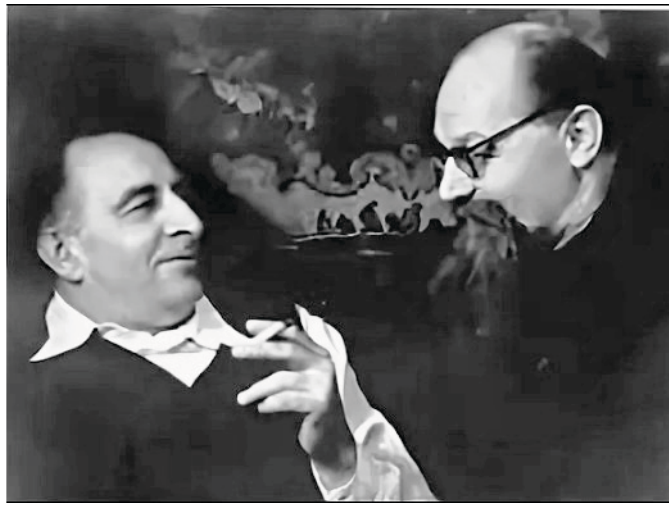
В этом сборнике упомянуты лишь те из близких друзей семьи Тимофеевых-Ресовских, которые, вдохновили меня на написание стихов. С некоторыми из них мне посчастливилось общаться.

Александр Реформатский и Николай Тимофеев-Ресовский в день окончания гимназии 12 апреля 1918.

Друзья Реформатские

Александру Александровичу
Реформатскому (1900—1978)

Москва, гимназия и дружба
Пребудут с ними навсегда, —
Арбатское великодушие,
Дворянство, радость и беда...



Н.В.Тимофеев-Ресовский и А.А.Реформатский. Встреча через 35 лет. Москва, 10 декабря, 1955.

Они работали на славу,
Умножили число наук,
Добавили искусство к сплаву,
Дарили знания вокруг...

Язык, кодирующий мысли
И чувств немыслимый предел,
С генетикой, началом жизни,
Как-будто общее имел.

Объятия, застолья, письма,
Где всё понятно между строк, —
Богом хранимое единство, —
В нём сущность дружбы и урок.

В Узком

Владимиру Ивановичу
Вернадскому (1863—1945)

Хранят предания старой Москвы
Загадки её жизненных историй:
Усадьба Узкое, невиданной красы,
Под куполами Храма — санаторий.
Там парк, где ветви липовых аллей
Сомкнулись над заросшими прудами,
И те, которые вступили в мир теней,
Как будто, разговаривают с нами...

Вселенскою энергией Добра,
Очеловечил знания Вернадский,
Чтобы пришла победная пора
В борьбе со злом, как в старой детской сказке.
Воспринял истин свет учителей,
С их идеалами, свободой и мечтами, —
Сеченова, Бекетова, Менделеева,
Руководителем его стал Докучаев.

Санкт-Петербургский университет
Окончил. Мировая геохимия
В двадцатом веке на десятки лет
Приобрела в нем признанного лидера.
В Европе кладезь знаний он постиг,
В Москве — успех защиты диссертаций;
Стал академиком, в земные недра вник,
Где биосферам суждено рождаться.

В Украинской Академии наук
Вернадский стал первым президентом.
Работал он, не покладая рук,
Всегда организатор был отменный.

Он создал Радиевый институт,
И ряд других важнейших институтов.
Россию от беды не раз спасут
Открытия его геомаршрутов.

Две мировых войны… Россия в них
Несла неисчислимые потери,
Репрессии и сталинский режим…
Но он всегда в Россию твердо верил.
Заботами о близких и родных,
Друзьях, о всех, кто в нем нуждался,
Вернадский жил. Господь его хранил, —
Бог планетарной мыслью наслаждался.

Пусть гордо реет Рериховский флаг,
Фарватер, по Вернадскому, ведется!
Пусть не погаснет разума очаг, —
У корабля Земли — надежный лоцман.
Поставленные векторы проблем
Развития Живой Земли энергий, —
Навеки станут для научных тем
Звездою путеводной, ноосферной.

Здесь в Узком он закончил путь земной,
Зимой, в нашем победном сорок пятом, —
Услышал ясный колокольный бой,
И стихло всё, рождественским закатом, —
Где парк и ветви липовых аллей
Сомкнулись над заросшими прудами,
И те, которые вступили в мир теней,
Как будто, разговаривают с нами…

Дым Отечества

Николаю Ивановичу
Вавилову (1887—1943)

Dulcis fumus patriae

Москва, как хлеб, всегда ты будешь свята,
Прекрасен нашей жизни Божий дар!
Пречистенка и дворики Арбата,
Милая Пресня, мамин самовар...
    В полях, лугах, в саду ли, в огороде
    Земли потенциал природных сил
    Манил его и мысли о народе,
    Накормленном и счАстливом, дарил.
В сельскохозяйственный пошел на агронома,
На практике, студенческая жизнь
Звала все дальше от родного дома,
Влекла его удача-птица ввысь.
    И первые научные работы,
    И стажировок признанный успех,
    К реальности приблизили заботы,
    Как хлебом накормить голодных всех.
Из ценных генов множества растений
Всемирную коллекцию семян
Он собирал для пользы поколений, —
Талант предвидения ему был дан.
    Селекционных станций повсеместно
    Он основал внушительную сеть,
    Доподлинно ему было известно, —
    Наше Спасение в науке есть.
Он в экспедициях был доброй эстафетой
Для всех людей из очень многих стран,
Как голубь мира, счастья и Советов,
СССР, надеждой для землян.
    Генетика, история растений,

Природною основою добра,
Питала и растила его гений,
Бесценные труды из-под пера.
Работал в Петрограде-Ленинграде,
Он создал Всесоюзный институт
Растениеводства, одной цели ради,
Чтоб житница цвела во благо тут.
Дарил добро и жить спешил, и верил,
Он голод на планете победит,
И семена порядочности сеял…
Но, как Христос, был предан и убит.
Арест, тюрьма, Голгофою — Саратов,
Голод был страшен и невыносим…
Брожу по переулочкам Арбата, —
Отечества приятен сладкий дым…

Колюшин друг

Олегу Александровичу
Цингеру (1909—1997)

Перо и кисть, руке послушны,
В живой Берлинский зоопарк
Нас отправляют добродушно,
В рисунках светится талант…
Знакома его подпись с детства,
Орангутан и шимпанзе,
Дельфины, ослик, дамы сердца,
Декор душевный на стене…
Он у Ватагина учился,
Познал природы красоту,
И дружбой Буха насладился,
Играл там в блошек и лапту.
Еще московскою закваской,
Дворянской статью и умом,
И добротою христианской

Художника украсил Бог.
Мир театрального искусства
Одел он в русский колорит;
Петрушку, дягилевским чувством,
Культуре мировой дарил…
И часто вспоминал дороги,
Родных, Москву — Берлин — Париж, —
Олега целовали боги,
А версты жизни вдаль несли…
Чтоб за последним поворотом,
На крыльях ангельской любви
Открыть небесные ворота
Под кущи райские свои…
Дыханьем Жаровского хора,
Звучит прощальный вечный гул, —
Пред старой Тихвинской иконой,
В святом, намоленном углу…

Большая величина

Александру Васильевичу
Цингеру (1870—1934)

> *«У Цингера при значительном числителе*
> *очень маленький знаменатель,*
> *что делает его большой величиной,» —*
> *Лев Николаевич Толстой о А. В. Цингере*

Знаний свет ему, от рождения,
Свой родители передАли,
Удивление и восхищение
Жизнью, физикой и цветами…
Рядом с гением Льва Толстого,
Проникался апостольской новью.
Для Спасения красотою,
Наполнял мир сердечной любовью.

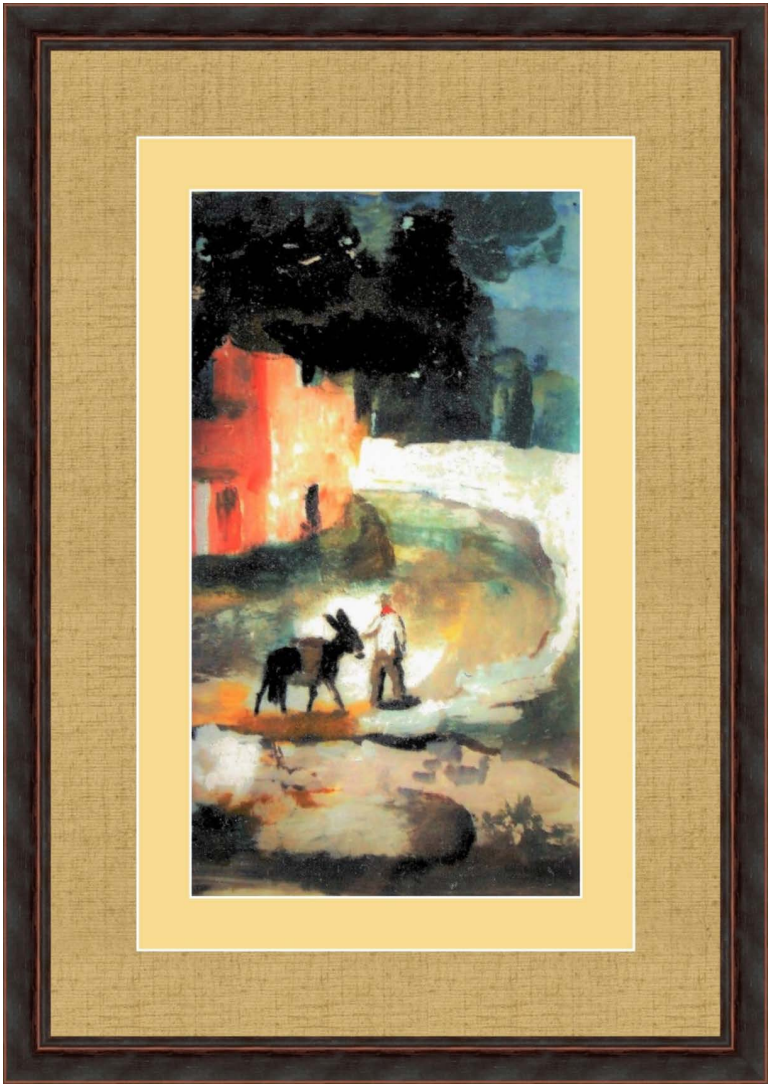


Рисунок Олега Цингера.

Ввел начальную физику в школе,
Институт и журнал, но вскоре,
Революция разбросала
Всех, как ветер перекати-поле.
    Крым, Деникин, болезни, горе,
    Снова школа, Москва, студенты…
    Спас Берлин от физической боли,
    Но чужбина расстроила сердце.
После смерти, — мечтал вернуться, —
Завещал МГУ своё тело,
Но когда он не смог проснуться,
Тегель принял в свои пределы…
    «Занимательная ботаника»
    А.В.Цингер, — беру я с полки, —
    Атлантидою и Титаником,
    Стала его любовь, и апокрифом.
Нахожу в Сети «Погост Тегель»,
На «Ц» в списках его могила:
Ни креста, ни цветов… не поверите!
Но Россия его забыла!
    Миллионной доли процента
    От продажи литературы —
    Не хватило души и сердца
    У богатой русской натуры!

Изобретатель Бухиады

Владимиру Ивановичу
Селинову (1895—1965)

«Друзья мои, в последний раз
Печально обнимаю вас.
Но сердце верит: воскресенью
Настанет радостный черед.

12

А вот добрейший Тимофеев.
Он элоквенцией своей
Всех переплюнул корифеев,
И часто русский соловей
С наукой сочетает песни.
Перекричать его, хоть тресни,
Иль переспорить, видит Бог,
И сам Шаляпин бы не мог.
Он говорит о чем хотите,
Приемлл пищу, как тюлень.
И мух плодить ему не лень,
И ведомо веселие пити.
Но все ж, хотя он мил и прост,
Не наступай ему на хвост.

13

Вы помните, когда впервые
Созрев для славы и побед,
Решать вопросы мировые
К нам прибыл юный муховед.
В те дни мы жили с ним бок-о́-бок.
Слегка растерян, даже робок,
Он был на кролика похож
При виде посторонних рож.
Подёнка ль, прачка ли в передней,
Тотчас Колюшенька за дверь —
И в подворотню. Но теперь
Он тоже ментор не последний,
И окрылённому стократ
Сам чорт ему теперь не брат.

Из поэмы «Бухиада». Берлин-Бух, 1930.

14

Своей гордиться родословной
По праву каждому дано.
Фамильный герб, и дед сановный,
Пьянят, как рейнское вино.
И хоть подчас не блещет ума,
Однако предками своими
Ты очарован, даже горд,
Как самый именитый лорд.
Колюшин был начальник рода
Из беглых — Разин Тимофей.
Родив двенадцать сыновей,
Как дедам диктовала мода,
Старик представился. А внук
Стал ныне — кандидат наук.

15

Отцы любовь питали к детям,
Плодясь и умножая род,
В анналах коего мы встретим
Не мало храбрых воевод,
Чьи подвиги забыты ныне.
При матушке Екатерине
Вознесся некий адмирал.
Он славен тем, что проиграл
Эскадру, будучи в Монако,
Да вотчину в сто сорок душ.
Потом премудрый этот муж
Вновь отыгрался... Но однако,
Покинув флагманский корвет,
Он вскоре сам сошел на-нет.

Из поэмы «Бухиада». Берлин-Бух, 1930.

16

Мне мил приятель мой Рессовский,
Но Стенькин окаянный дух,
Сей дух воистину бесовский
И в нем, как видно, не потух.
Едва отведав рюмок десять,
Успев повесть, покуралесить,
Глядите: вещий наш баян
Каким то бесом обуян.
Вопит, орёт, ощерясь волком,
Как бешеный. Помилуй Бог,
Согнет тебя в бараний рог
И в печку выбросит. А толком
И не поймешь: за что и как
Попал ты в этакий просак:

17

Елена Александровна,
Его прелестная супруга,
Всегда ясна, всегда ровна,
Опору видя в нем и друга,
И каждый месяц выдает
Две марки мужу на расход;
Но этих денег даже много
Для молодого биолога.
Какой блистательный пример
Жены, сподвижницы и музы:
Как благодатны эти узы!
Но Данта нет. Седой Гомер
Уснул... И ямбами поэта
Впервые здесь она воспета.

Из поэмы «Бухиада». Берлин-Бух, 1930.

42

Увы, друзья! Без упованья
Бродя средь Орковых полей,
Не так ли мы, тая рыданья,
Вздохнём о юности своей,
Когда, сладчайший из Орфеев,
Нам пел Колюша Тимофеев,
Могучей дланью как нибудь
Прикрыв эпическую грудь.
А пляски буйные! – забуду ль,
Как он всклокоченный, босой,
В мазурке нёсся вихревой
С Адалией... Какая удаль
Взыграла в нём, какой экстаз
Являл безумный этот пляс!

43

Не нам корить родную землю,
Прозрев летейские струи...
О Бух, я радостно приемлю
Цветы и тернии твои.
Как буйствовали мы зимою
В твоём натопленном покое!
Как чудны медленные дни
В июле, в голубой тени!
Повысив голос мой негромкий,
На лире всех твоих друзей
Воспел я, праздный ротозей...
А вы, достойные потомки,
Почтите нас и нашу сень
Улыбкой в поминальный день.

Из поэмы «Бухиада». Берлин-Бух, 1930.

И я предвижу наперед,
Как, обновясь под вашей сенью,
Забуду прах и суету,
И мир душевный обрету»,
концовка поэмы «Бухиада», 1930.
Основной автор В. И. Селинов.

Владимир Иванович Сел`инов,
Берлинский наиинтеллигент,
Лежит он в тегельской могиле,
Давно над ним сломался крест…

Философ, педагог, филолог,
Поэзии большой знаток,
Работал в Бухе гувернёром,
И хлеба с маслом был кусок…

У Тимофеевых с Фомою,
Годами, в парке он гулял
И, в поэтическом настрое,
Частенько мальчика терял…

Катал Андрееву коляску
И декламировал стихи,
Табачных дел кустарь, был мастер,
Известный тем — всем, кто курил…

А повар был он никудышный,
Котлетки жарил с ноготок,
Но честный малый и не лишний,
В чужой семье родным стать смог…

Бывает, жизнь проходит мимо,
Но если в ней была любовь
И творчество, неумолимо,
Она воскреснет, солнцем, вновь…

Изобретатель Бухиады,
Поклонник Музы и творец,
Могильный крест тебе награда,
И память любящих сердец!

Благословенный Патриархом

Юрию Андреевичу
Трегубову (1913—2000)

Жизнь дается единожды,
Материнской любовью…
Грела Родины жажда,
Детство пахло Москвою…
    Встретил яркую зрелость
    В довоенном Берлине,
    Вера, родина, дело,
    Идеалы Любви… Он,
Молодой и влюбленный,
Сын высокий и ладный,
Патриархом благословенный,
Вместе с любящей мамой.
    И лежали пути его,
    Неисповедимы,
    На борьбу с коммунизмом,
    За свободу России…
Доброй жизнь и счастливой,
Нарекла ему мама.
До поры так и было,
Всё война разметала.
    Помощь людям, друзьям
    По подпольной работе, —
    Расслабляться нельзя,
    В НТС — как на фронте.
Гражданином Германии,
Не избегнул призыва, —

Власовец, пленный, ранен, —
Мать молилась за сына.
    Нет войны второй год,
    И расслабиться можно, —
    Вдруг удар, кляпом в рот,
    Спрут настигнул острожный.
На Лубянку в Москву, —
В тюрьмах сгноены судьбы.
Восемь лет на тоску,
Пыльно-лагерной сутью.
    Сгинул телом, дотла,
    Ждать душа не устала, —
    И, молитвой, дошла
    До Всевышнего мама.
Жизнь, как колос, полна:
Сын любовь свою встретил.
Как прекрасно она
Его старость расцветила!
    Строки в книгу слились,
    Зло всесильным осталось.
    Только, всё-таки, жизнь
    Чуть добрей оказалась…
Мама гладит рукою, —
Сердце отдано богу…
Говорит со звездою,
Выходя на дорогу:
    Что б с тобой ни случилось
    На далёкой планете,
    Утешенье найдешь
    Всегда в Новом Завете!

Он, умирая, обнимал коней

Сергею Ивановичу
Мамонтову (1898—1987)

Рай детства, над рекою костерок,
Киреево, родные лица, зори,
Туманом, веет нежный ветерок,
На заливных лугах гуляют кони.

Рай юности окрасила мечта,
Санкт-Петербург, учеба, офицерство,
Кавалерийская отвага, красота,
И кони, полюбившиеся с детства.

Рай молодости был похож на ад,
Из первой мировой в жерло гражданской,
Неубранные трупы, смертный смрад,
Лишь кони помогли в живых остаться.

Убийство стало нормой боевой,
Была цена недорогая жизней,
Шел брат на брата в битву на убой,
Все жертвы, дыбом поднятой Отчизны.

Изгнание, под черный дым костров
Ушел причал. Оборванной струною,
Россия исчезала за кормой, —
Прощайте, кавалерия и кони.

Из белой гвардии попал в Берлин,
В студенческую жизнь с архитектурой.
На Тимофеевых сошелся клин,
Им Русский Бух стал общею микстурой.

Казалось, что построил новый дом,
Как грянула вторая мировая.
Не сомневаюсь в подвигах его,
Но сие тайна мраком покрывает.

Уехал в Африку на долгие года,
Сидел в тюрьме, затем вернулся в Канны,
Там снился русский рай ему всегда,
Рука к перу тянулась постоянно.

Лепил скульптуры для своих друзей,
Талантливые, милые подарки,
Любимых, снова гладил он коней,
Пальцам от глины становилось жарко…

Давно героя нашего уж нет,
И без него живет моя Россия, —
Успел оставить рукописный след,
Читателю заветные мотивы.

Становится жизнь лучше, веселей,
Как будто государство для народа…
Он, умирая, обнимал коней,
Воистину, они цари природы!

Учитель грамматики

Сергей Иванович
Селаври (1880-е — 1950-е)

Сергей Иванович Селаври… Авва Отче,
Не затеряешься с фамилией такой!
Серьезен, скромен и сосредоточен,
По-эмигрантски, мастеровой.

Детский рисунок Фомы.

В Берлин командирован был посольством,
И служба до поры успешно шла.
Юриста сын, династии московской,
Жил и работал, а семья росла.

В репрессии домой не возвратился,
Служить режиму больше не хотел.
Хотя средств пропитания лишился,
Но появилось много новых дел.

Он стал шить галстуки, их продавал успешно,
Переводил научные труды.
Любил Россию искренне и нежно,
Хотя и знал — не избежать беды.

Автобусом до Буха, электричкой,
И к Тимофеевым, — в гостеприимный дом, —
Приятный путь был жизненной страничкой,
Написанной божественным пером.

Давал еженедельные уроки
Андрею, а до этого Фоме, —
Истории живительные соки
Через века до нас дошли вполне.

Учил грамматике и греческой, и русской, —
Нанизывались после языки.
Интеллигенции круг становился узкий,
Отчизна их списала во враги.

Невозвращенец, критик, жив поскольку,
Ему припомнила после Победы власть, —
Был арестован, сгинул… похоронку
Кому — неведомо было послать.

Концлагерною пылью, — под Свердловском
Природные красоты — нечистЫ.
Светла лишь память вечная потомков,
Причудливы, порой, судьбы мосты…

В Храм-на-Крови заходим мы с Андреем,
В мерцающей молитвенной тиши…
Гори, свеча, за упокой Сергея,
Его родной, учительской души!

Учитель музыки

Борису Леонидовичу
Собинову (1885—1957)

В Бухе у Тимофеевых жил королевский Стэйнвей,
Упругих клавиш, аккорды не постигал Андрей.
Его учитель старался, но уши оттопал медведь,
А старший брат удивлялся, — надо же так не уметь!

В библиотеке жизни — в 20-м из Крыма исход,
Берлин, в эмигрантском смысле… ему 35-й год,
Гастроли с отцом по Европе — тогда был его
    триумф,
Любовь и друзей, на взлете, война разметала в пух.

Борис Леонидович Собинов пытался настроить
    слух.
На вечную память остался рояля роскошный
    звук, —
Рахманинов и Чайковский. ВойнЫ и тюрьмЫ —
    как нет,
Затем Дубравлагерь мордовский на долгие
    десять лет.

Сплетения наших судеб, в сиянии тёплой любви,
Волшебную музыку будят, — услышь её и пойми!
Играла …, и тихо стало, — кончается клавиш звук…
И замерла звездная зала, — был сердца последний
    стук.

В.И.Вернадский

Н.И.Вавилов

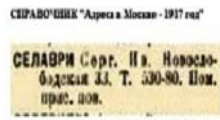
О.А.Цингер

А.В.Цингер

В.И.Селинов

Ю.А.Трегубов

С.И.Мамонтов



СПРАВОЧНИК "Адреса в Москве - 1917 год"

СЕЛАВРИ Серг. Ив. Новослободская 33. Т. 530-80. Пом. прис. пов.

(Фотографии нет)

С.И.Селаври

Б.Л.Собинов

К.Г.Циммер (слева) — немецкий биофизик, специалист по радиобиологии. Н.В.Риль (справа). Сунгуль, 1951.

У Тимофеевых-Ресовских в подвале Торхауза

Николаю Васильевичу Рилю (1901—1990)
и Карлу Гюнтеру Циммеру (1911—1988)

Подвал Торхауза, беседа,
Все ближе канонады звук.
Война кончается, Победа,
В сирени закипает Бух.

Пока обходит их бомбёжка,
Все спят, беседуют они,
Что скоро мир, ещё немножко,
Проснутся все, — и нет войны.

И можно будет жить безбедно,
Но долго им ещё не спать, —

Работать надо, чтобы Землю
От взрывов атомных спасать.

Война не за горами снова,
И миллионы жертв опять.
За океаном всё готово,
Там нас планируют взорвать.

Для торжества добра и мира
Предуготовлен был уран, —
Нам Бомба так необходима,
Симметрия как божий дар!

Когда наутро все проснулись,
То счастье било через край,
Друзья аресту улыбнулись,
Шагнули в ад за мирный рай.

Не о себе, а о планете,
Любимой матушке Земле,
Вели они беседы эти...
Надежды их сбылись вполне.

Николаус Риль в атомном проекте СССР / авт.-сост. В. Н. Ананийчук. — Снежинск: Изд-во РФЯЦ — ВНИИТФ, 2011 г. — 256 с.

Издание, посвящено жизни и деятельности выдающегося немецкого ученого Героя Социалистического Труда Николауса Вильгельма Риля в период 1945–1955 гг., когда он был привлечен к работам в Атомном проекте СССР. Основу книги составляет перевод на русский язык воспоминаний Н. Риля «Десять лет в золотой клетке», рассказывающих о наиболее ярких и интересных этапах жизни автора в СССР. В сборник также включены воспоминания, интервью и документы из рассекреченных архивов о Н. Риле и его коллегах, об организации и масштабах привлечения немецких специалистов к реализации задач Атомного проекта.

Так ушел Русский Берлин

Василию Михайловичу
Кудрявцеву (1885 — 1930-е)

Не исправить их, — так выслать,
Да, с могилой погодим, —
За кордон свободу мысли, —
Показать им «гуманизм»!

Расставание с Россией
Льёт тургеневский туман.
Революция, мессия —
ГПУшный трибунал…
Сходни брошены от борта,
Сонно очередь идет,
И качают волны порта
Философский пароход.
Вы на палубе открытой,
Здесь знакомые, друзья, —
Жизнь оставили бандиты,
Но без Родины нельзя!
Вам сейчас уже под сорок,
Через десять лет — старик.
Без России — век недолог, —
Лебединой песни крик.
Управлял церковным хором,
Вспоминал отца и мать,
Русско-Буховским просторам
Доверяя Благодать…

Так остался не прощенный,
Так ушёл Русский Берлин,
Своей Родины лишенный,
Вечной Памятью, храним…

Миг свободы

Всеволоду Владимировичу
Топилину (1908—1970)

Сорок пятый, Победное лето,
Замолчала внезапно война.
Льются лучики доброго света,
Тишина, высотою, полна.
    На земле рай небес привольный
    Заполняет концертный зал.
    Там, где «горный» становится «горний»,
    Жив божественный идеал…
Шуман, Шуберт, Шопен и Скрябин,
Бах-Бузони, Рахманинов, Лист,
Бородин, Рамо-Годовский в зале, —
Дарит их и себя Пианист…
    Выбор страшный давно уже сделан:
    Ты прощай, Гефсиманский сад!
    Впереди ждут колымские ели
    И смертельный лагерный ад.
Путь страданий на многие годы,
И пусть забвение ждёт в конце, —
Но Победа!, как миг свободы,
Гонит мысль о терновом венце.
    В каждом звуке любовь к России,
    Людям, почве, учителям…
    Не позволь нам забыть его имя,
    «Мне отмщение и Аз воздам»…

В.М.Кудрявцев

В.В.Топилин

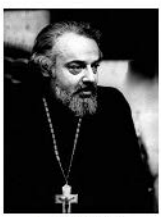
Артуро Бенедетти Микеланджели

М.И.Штуцер

И.А.Пабст (Удинцева)

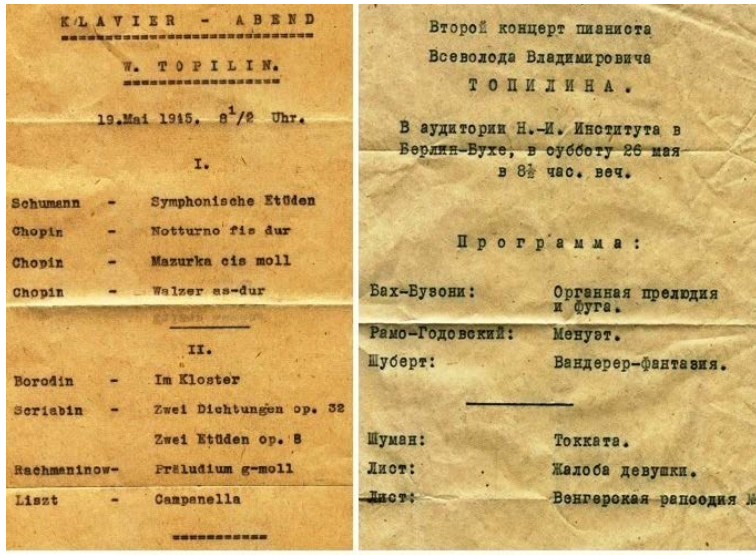
Лутц Розенкётер

Д.А.Гранин



А.В.Мень

В.А.Лотар-Шевченко



KLAVIER - ABEND

W. TOPILIN.

19.Mai 1945. 8½ Uhr.

I.

Schumann - Symphonische Etüden
Chopin - Notturno fis dur
Chopin - Mazurka cis moll
Chopin - Walzer as-dur

II.

Borodin - Im Kloster
Scriabin - Zwei Dichtungen op. 32
Zwei Etüden op. 8
Rachmaninow- Präludium g-moll
Liszt - Campanella

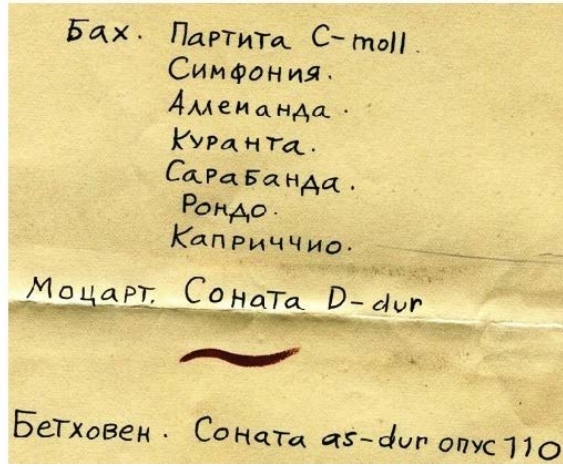
Второй концерт пианиста
Всеволода Владимировича
ТОПИЛИНА.

В аудитории Н.-И. Института в Берлин-Бухе, в субботу 26 мая в 8½ час. веч.

Программа:

Бах-Вузони: Органная прелюдия и фуга.
Рамо-Годовский: Менуэт.
Шуберт: Вандерер-фантазия.

Шуман: Токката.
Лист: Жалоба девушки.
Лист: Венгерская рапсодия №6.



Бах. Партита C-moll.
Симфония.
Алеманда.
Куранта.
Сарабанда.
Рондо.
Каприччио.

Моцарт. Соната D-dur

Бетховен. Соната as-dur опус 110.

Концерты В. В.Топилина в Берлин-Бухе в мае 1945 года.

По замыслу Творца

Артуро Бенедетти
Микеланджели (1920 – 1995)

Мы клавиши,
по замыслу Творца,
И музыка,
небесного звучания,
играет нами…
Каменность лица –
лишь маска
терпеливого отчаяния.
Живые птицы
заполняют стан, –
Услышанные ноты
у порога
ворот высоких…
Совершенный план
Спасения дан,
выстраданный Богом.
Попасть душою
в райскую мишень,
игольным ушком,
переходом в вечность, –
Артуро с детства
снилась эта цель,
и вдохновляла
неба бесконечность.
Вниманию,
послушен был штурвал.
Октавы звезд
дарили попадание.
И самолёт
садился и взлетал,
благословенный Богом

на задание…
Его болид
всегда готов на старт, —
в круги, как в бой,
до финиша по трассе…
Победа, душ шампанского,
парад,
а вечером концерт
в Буэнос-Айресе…
Вершины,
покоренные, лежат.
Он снова перед ними,
у подножия…
Только вперед и
никогда назад
Ведёт нас
партитура Божия…
Мы клавиши,
а он наш камертон,
Принц, выросший
на маленькой планете…
Не станет больше
мой прицел не тот, —
Спасибо,
Микеланджели Бенедетти!

Центральное торможение

Михаилу Ивановичу
Штуцеру (1879 — 1935)

Стрелою, пущена из лука,
Как темноту пронзает свет, —
Любви покорная, наука, —
Маяк прогресса и побед.
С ней утро жизни начиналось,

Но карты спутала война.
И всё, что светом нам казалось,
Перевратила в тьму она.

Подсказывает муза: Штуцер, —
Интеллигент и мещанин,
Военный врач, один из лучших
Бактериологов Руси.
В Москве — директор у Феррейна,
В Воронеже вел институт,
В Ростове, Киеве уверенно
Инфекций многих брал редут.

Был репрессирован мгновенно
И сгинул рано, в цвете лет.
Секретно до сих пор, наверно, —
Реабилитирован, иль нет.
Микробиологов России —
Неписанный мартиролог.
Их имена в устах Мессии, —
Ах, если б я расслышать мог!

Молчат потомки о родителях,
Стирает память совсекрет, —
Так цифровые возбудители
Нам гасят мониторов свет.
Россию славят Павлов, Мечников,
Кого распяли, будто нет! —
Рефлекс этот придумал Сеченов,
Но у любви есть свой ответ…

Детский рисунок Фомы.

Жизнь течет неумолимо

Ирине Аркадьевне
Пабст (1927—2004)[1]

Ирину Пабст (Удинцову) связывала большая дружба с Димитрием (Фомой) и Андреем Тимофеевыми. Вечная память!

От Иркутска до Берлина,
И обратно — Пабст Ирина;
Пролетают годы мимо,
Жизнь течёт неумолимо...
Путь отсчитывают рельсы —
Это бьётся её сердце.
И уносит в вечность память,
Чтобы навсегда оставить...
Где отец и мама живы,
Братья, муж, — и все счастливы,
Где любовь царит и братство —
Православное богатство...
Где за лесом речка синяя,
Так любимая Россия!
Красота души — Спасение,
И Святое Воскресение...
От Иркутска до Берлина,
И обратно — Пабст Ирина;
Годы пролетают мимо,
Жизнь течёт неумолимо...

[1] Ирина Аркадьевна Пабст (Irina Pabst, 1927—2004), в девичестве Удинцова. Актриса. Общественный деятель. Известный благотворитель. Кавалер высшей награды Германии «Креста за заслуги (Verdienstkreuz)». Лауреат премии Berliner Bär 2001 года.

Верность дружбе

Светлой памяти замечательного человека
Лутца Розенкётера (1926 —200?),
психоаналитика из Франкфурта-на-Майне

В тюрьме Дрездена много дней,
Февралем сорок пятого, в зиму,
Он сидел, потому что еврей
Был практически наполовину…

Узник участи ждал своей,
Был жестоким тюремный порядок.
Среди ужасов и цепей
Каждый прожитый день — подарок…

Но решеток не вечен заслон
Бомбы падали, не щадили,
Разбежалась охрана, и он
Вышел, словно воскрес из могилы.

Был обложен со всех сторон,
Близких круг от него отрекался.
Для спасения жизни, он
К Тимофеевым, в Бух подался…

Дом, работа и верный друг…
В лето двинулся сорок пятый.
Выжил он, всё сияло вокруг,
Рядом русские были солдаты.

А еще впереди — вся жизнь,
И любовь, и жена, и дети…
Сердце к солнцу летело ввысь,
Так хотелось объять всё на свете!

Но тревожил кошмарный сон:
Ему виделось многие годы,
Что еврей настоящий он,
И лишён за это свободы…

Верность дружбе всегда хранил,
Сам старался спасти убогих,
Свою жизнь до дна подарил
И вознесся высОко к Богу!

Праведникам народов мира

Ветхозаветной скорбью и победой
Добра и жизни надо смертью, злом, —
Народ еврейский много бед изведал,
Но Праведников мира помнит он.

Бесценность жизни каждого еврея
Понятна его сердцу и близка…
И в благодарность Яд Вашем Аллея
Для Праведников мира расцвела.

Мир для любви и счастья благодатный,
Где в каждой капле — целый океан…
Спасение еврея — подвиг знатный,
Память о нем священна на века.

Возвысилась гора в Иерусалиме,
Читаем Праведников мира имена…
Жизнь на Земле — Библейская олива,
Нашей защиты требует она.

Душою нежным быть и сильным духом,
Оберегать от глупости и зла…
На страже жизни Яд Вашем Аллея
Всем Праведникам мира расцвела!

Детский рисунок Фомы.

Колонна Победы в Берлине, установленная в 1873 году.

Манфред Раевский пишет (перевод В.Л.Корогодиной), что во время войны «Тимофеевы-Ресовские продолжали помогать (как и до войны, когда к власти в Германии пришли нацисты) многим людям, которые нуждались в их помощи. Они прятали дома и в Институте людей, которым угрожали, так как они имели еврейских родственников. Помогали осужденным к принудительному труду и военнопленным получить работу в качестве временных работников в отделе генетики. Добросердечная готовность помочь Тимофеевых-Ресовских ярко проявляется в докладе профессора Бернхарда Хассенштейна (Bernhard Hassenstein) (Winkler, 2001). Он описывает, как Тимофеев-Ресовский выдал ему спасительное свидетельство (не на основе факта), не вдаваясь в детали, во время его последнего визита в Берлин-Бух 10 февраля 1945 года. В наступающем хаосе в конце войны это было очень рискованно для Тимофеева-Ресовского, но возможным спасением жизни для Хассенштейна. «Берлин-Бух, 10 февраля, 1945 года. Свидетельство. Этим подтверждается, что г-н Бернхард Хассенштейн работает лаборантом в отделе генетики Института кайзера Вильгельма в Берлин-Бухе. Подпись и печать отдела»: «В то время я понятия не имел, что Тимофеев-Ресовский спас жизнь многих людей аналогичным образом. Даже если бы я никогда не нуждался в этом сертификате, это один из самых глубоко волнующих документов в моей жизни».

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С МУЗЕЕМ ЯД ВАШЕМ

В 2015 году я обратился в Музей Яд Вашем — Мемориальный комплекс истории Холокоста в Иерусалиме с информацией о спасенных Тимофеевыми-Ресовскими евреях Лутце Розенкётере и Петере Вельте. К этим сведениям там отнеслись с большим вниманием.

Yad Vashem POB 3477 Jerusalem Israel, 9103401

10.02.2015 г.

Здравствуйте!

Из телевизионной передачи с В. Соловьевым от Госпожи Посла Израиля в РФ я впервые узнал об Аллее Праведников мира. Поэтому решил написать это письмо.

Убежден, что к Праведникам мира нужно отнести известного генетика Н.В.Тимофеева-Ресовского (1900—1981), героя романа Д.А.Гранина «Зубр». Собственно с его помощи в гитлеровской Германии генетику Шарлотте Ауэрбах и начинается этот роман.

Мне достоверно известен факт спасения им в 1945 году еврейского юноши Лутца Розенкетера.

В 80-е годы Лутц Розенкетер, живший во Франкфурте-на-Майне, работавший психотерапевтом, оплатил Андрею Николаевичу Тимофееву (младшему сыну Н.В.Тимофеева-Ресовского, с которым он учился во Французской гимназии в Берлине) дорогу, проживание, обследование и две хирургические операции в Германии. Он всегда считал, что Тимофеевы спасли ему жизнь! И сам описал это в одном из журналов-ежегодных воспоминаний Французской гимназии, изданном в 1989 году к 300-летию Гимназии.

Семья Тимофеевых, жившая в Берлин-Бухе во время войны, спасала многих людей, среди которых были биологи муж и жена Гребенщиковы, французский ученый Пейру (их интервью-воспоминания по этому поводу приведены в фильме-трилогии Е.С.Саканян «Любовь и защита» о Зубре); также спасался у них в доме известный пианист Всеволод Топилин (1908—1970).

С уважением,

С.Н.Куликов

11.02.2015 г.

Уважаемый господин Куликов,

Благодарим Вас за информацию.

Известно ли Вам, какого рода помощь оказал Н. В. Тимофеев-Ресовский Лутцу Розенкретеру?

Видели ли Вы статью, написанную спасенным, о которой Вы упоминаете? Как можно получить ее копию?

С уважением,

Катя Гусарова

Отдел «Праведники мира», Яд Вашем

08.03.2015

Уважаемый Сергей,

Добралась, наконец, до вашего подробного письма со ссылками и линками. Большое спасибо. Хорошо бы все наши корреспонденты так подготавливались к переписке с Яд Вашем.

Материалы передала начальнице отдела, г-же Ирене Штайнфельд. Она лучше меня разбирается в ситуации в нацистской Германии.

Буду с Вами на связи когда получу ее ответ.

И спасибо за прекрасные стихи.

Катя Гусарова

27.05.2015

Уважаемый Сергей,

Пересылаю Вам ответ г-жи Ирены Штайнфельд, директора отдела «Праведники мира», по делу на имя Н. В. Тимофеева-Ресовского.

«Уважаемый господин Куликов,

Сообщаю, что звание Праведник народов мира присуждается комиссией во главе с отставным судьей верховного суда. Комиссия работает согласно точно определенным критериям. Для того, чтобы представить материал о помощи преследуемому еврею комиссии, необходимы свидетельские показания спасенного, их которых следует, что кандидат на звание «Праведник народов мира» рисковал своей жизнью ради спасения еврея. Я ознакомилась с воспоминаниями Лутца Розенкётера.

Он пишет, что в феврале 1945-го он подал властям заявление о потере всех документов в результате бомбежки, в ответ на которое получил новые, позволившие ему жить не скрываясь. Н. В. Тимофеев-Ресовский действительно проявил душевную щедрость, согласившись на то, чтобы друг его сына пожил у них. Однако такого рода помощь не подходит под критерии программы Праведники народов мира. У нас нет свидетельств тех евреев, которых г-н Тимофееев-Ресовский прятал в институте, соответственно, нет возможности просить комиссию о рассмотрении дела.

Я благодарю Вас за собранную информацию, которая будет сохранена в нашем архиве.

С уважением,

Ирена Штайнфельд,

Директор отдела «Праведники народов мира»

27.05.2015

Здравствуйте, дорогая Ирена Штайнфельд!

Здравствуйте, дорогая Катя Гусарова!

Очень благодарен за ясный ответ на поставленный вопрос.

Возможно, мои поиски поведут к продолжению этой темы, если мне удастся найти родственников Лутца Розенкётера или Петера Вельта для получения соответствующего свидетельства. Но даже если нет, так как времени с тех событий прошло очень много, если появятся новые материалы по этому вопросу, то я обязательно сообщу.

Еще раз спасибо большое, и самые добрые вам пожелания.

С уважением,

Сергей Куликов

Детский рисунок Фомы.

Вы мой писатель

Даниилу Александровичу
Гранину (1919 — 2017)

Вы мой писатель, я читатель
И Ваших мыслей почитатель, —
С детства люблю Ваших героев,
Вот и сейчас они со мною:
  Простой солдат и император,
  Блокадник, политрук, новатор,
  Неистовый ученый Зубр —
  Мореному, подобный дубу…

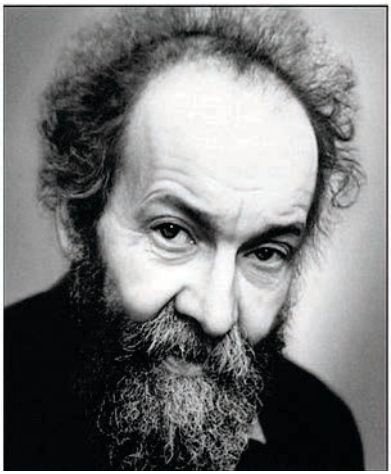
Пока вращается планета,
Любовью к ближнему, согрета,
Нам каждый день бросает вызов,
Как выбор между верх и низом.
  Ищу в себе я человека
  В звериной мясорубке века.
  И Ваши честные романы,
  Порой, врачуют мои раны.

Из турбулентности к покою
Под вечер прихожу домой я.
Скажите, есть такие силы,
Чтоб сделать мир чуть-чуть счастливей?
  Спасибо Вам! По Интернету
  Примите Благодарность эту!
  Приходит утро, без обмана,
  Жду снова Вашего романа!

22 января 2015 года

Сегодня Александру Владимировичу Меню (1935 — 1990) исполнилось бы 80 лет. Вечная Память!

Я не умею рассказать
Словами, — грешен, недостоин,
Но образ Ваш, как Благодать,
На душу с неба мне нисходит…
    И мы становимся близки
    В молчании неюбилейном.
    Картины жизни, лет мазки, —
    Рисую буквы в Слове первом.
Мне непонятен еще смысл…
Как дописать страницы жизни?
На будущее оглянись:
Топор судьбы над Сыном виснет…



Алексей Андреевич Ляпунов

Молю за мир, любовь и мать,
За радость людям и здоровье!
Учусь у Вас я понимать
Про Воскресение Господне.

Основателю кибернетики и программирования

Алексею Андреевичу
Ляпунову (1911 — 1973)

Когда-то наш предок пещерный
На шее носил амулет, —
Успех на охоте был верный,
И дома защита от бед.
Придумал он первое слово,
А далее — целую речь
И веру в безгрешного бога,
Чтоб душу могла сберечь.
Наука затем стартовала,

Начало ей дал Галилей, —
Надежды не оправдала,
Стал мир не добрее, а злей.
Конец вероятен света
В пределе — от ядерных войн, —
Что делать? — не дали ответа
Ни бог, ни царь, ни герой.
Ведь кто только балом ни правил,
Но счастье осталось мечтой.
Лишь классик поверить заставил:
Мир будет спасён красотой...
Подкова висит у порога, —
Работает прежний пустяк.
Опять возрастает тревога —
Всегда что-то в мире не так.
Земля в постоянном скитании,
Но стали хоть цели видны —
В Соорах* и в Лузитании**
Ориентиры верны.
Есть Ваш добродетельный разум,
В нём формулы общих побед,
Как все амулеты сразу,
Залогом счастливых лет!
В наследство нам жизнь досталась, —
Её прогрессивный ход,
И ясно, без доказательств —
Мир Ваша Душа спасёт!
Наш мир — на Вашей ладони, —
В купели — Живая вода,
Не гаснет свеча на амвоне,
Да, будет бессильна беда!

*Соор (Дрозсоор) — неформальный семинар генетиков Школы Н. К. Кольцова и С.С.Четверикова.
**Лузитания — Московская математическая Школа Н. Н.Лузина.

Звучат аплодисменты

Вере Августовне
Лотар-Шевченко (1899—1982)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС ПИАНИСТОВ,
памяти Веры Лотар-Шевченко,
проводится с 2005 года

Звучали полных зал аплодисменты...
Ваш гений Музыки — святой от Бога дар,
Всегда дарил счастливые моменты, —
Прощай, Европа! Здравствуй, Ленинград!
И вдруг арест, в Париж не возвратиться,
Жизнь настоящая осталась далеко,
Нельзя зарей над Сеной насладиться,
Испить Монмартра солнечный клико,
В садах Версаля детский смех услышать,
Семьёй, войти в дворец Пале-Рояль...
Жена и мама, — счастья нету выше, —
Но поздно, ничего вернуть нельзя...
Вам выпала тюрьма, допросы, пытки, —
Все восемь лет смертельных лагерей, —
Потери и страдания в избытке,
Но Музыка Святая — зла сильней!
Непостижимо выжить и вернуться,
Пусть не в Париж, в Нижний Тагил, Свердловск,
К роялю на амвоне прикоснуться,
Алтарных слёз не сдерживая воск...
Прозрачна чистота волшебных звуков,
Высок огонь любви и красоты...
Поёт душа, вагонным перестуком,
Под Марсельезу пламенной мечты.
Сибирь впустила и не отпустила,
Ваша любовь к России — это мы...
В Париже так по-прежнему красиво,
Что хочется об ужасах забыть...

Висит судимость, мокнет телогрейка,
Грядет мороз, а Вы без рукавиц,
Полощет неба северная лейка,
И стынет лёд на кончиках ресниц…
Да будет Ваша жизнь благословенна!
Ты, память наша, только не молчи!
Святая Музыка души нетленна,
Звучи, Бетховен, Бах, Шопен, — звучи!
Ваши портрет и имя на афише,
Встаёт навстречу, рукоплещет зал, —
Здесь каждый конкурсант Вами услышан,
Как детский голос, что Вас мамой звал…

Артист

Леониду Леонидовичу
Оболенскому (1902—1991)

Вся жизнь — поступок — для людей, —
Он раб, на сцене гибнет.
В искусстве нет прочней гвоздей, —
Им лозунг Солнца двигнет.
Его планида — среди нас
Гореть, былой эпохой,
Звездой мечты, в прощальный час,
Пленительной, высокой…
Счастливой в собственной любви,
Так щедро им даримой…
Общения не меркнут дни,
В ютубе светят зримо…
Жизнь — память искушений зла,
И жертв, и отречений…
Но светятся добром глаза,
Апостольский в них гений.
Жить долго и дарить любовь,

Тепло своей улыбки…
Ваш выход! Вы на сцене вновь! —
И всё не так уж зыбко…

Мудрость с детством пополам

Сергею Васильевичу
Вонсовскому (1910—1998)

В Вас мудрость с детством пополам,
Высокая мораль и совесть,
Заслуг перед страною повесть,
Под взгляды восхищенных дам.
Улыбки доброй магнетизм
И удивительная скромность,
Судьбе и времени покорность,
Ученый юношеский пыл…
В великом подвиге любви,
Жизнь — потрясающее чудо,
Где никогда я не забуду
Вас за вращением Земли…
Всегда со мной Ваш добрый свет,
Всепонимающее сердце, —
Стучит, машинкой швейной, скерцо
За строчкой строчка бездну лет…
Как Вы всегда в душе моей,
Теперь уж дедом стал я тоже,
С детьми и внуками моложе,
В кругу семьи, среди друзей…
История зовёт вперёд,
Там новые названия улиц.
По Вашей я иду, сутулясь,
И притяжение растёт…
У Института листопад,

Стоят раздетые аллеи,
А на душе звенят капели,
Когда оглянешься назад…

Всенощное бдение

Сергею Васильевичу
Рахманинову (1873 —1943)

Достану я на Пасху, заведу
Рахманинова Всенощное Бдение, —
Намоленной иконы, высоту
Откроет предо мною песнопение…

Нить накала

Геннадию Петровичу
Швейкину (1926 — 2019)

В лампочке есть нить накала,
Тоньше волоса спираль, —
Светится, горит немало,
Рвется, гаснет, — не печаль.
Надо вывернуть умело,
Лампу новую ввернуть, —
Их меняем то и дело,
Освещаем жизни путь.
Паутинка из вольфрама,
Солнца тоненькая нить,
Энергично, неустанно
Продолжает нам светить.

Жизнь кончается внезапно,
Рвется, ниткою, судьба,
Не вернуть её обратно
Ни за что и никогда.

Гаснет чудное мгновение,
Только память будит сны.
Но приходит обновление,
Вечной музыкой весны.
Не покинет, не погаснет,
Никогда не догорит
Человеческое счастье —
Сплав из жизни и любви!

Так природа захотела,
Свою солнечность нести,
Эстафетой, — и предела
Не изведать, не найти…
Не печальтесь понапрасну,
Пейте жизни красоту,
У костра рябины красной
Грейте душу и мечту.
В галактической спирали
Через миллионы лет,
Добротою мироздания,
Нас продолжит звездный свет.

Чудны реальные миры

Виктору Владимировичу
Хлебникову (1885 — 1922)

> *Когда умирают кони — дышат,*
> *Когда умирают травы — сохнут,*
> *Когда умирают солнца — они гаснут,*
> *Когда умирают люди — поют песни…*
> *Велимир Хлебников, 1912*

Чудны реальные миры,
Их метафизика прекрасна.
Дороги времени видны
Святой душе светло и ясно.

Детский рисунок Фомы.

Несет нас чисел океан,
Как лодки, направляет судьбы.
По волнам, к дальним берегам
Стремит остатки наших буден.

Услышим первые слова
В устах блаженного младенца, —
Хотят обратно нас позвать
Туда, где бесконечно детство,
Где манна падает с небес,
Для каждого найдется ослик,
Шумит листвою райский лес,
И плотники стругают доски.

Не замечаем волшебства,
Не понимаем предсказаний, —
Лишь иногда мгновения сна
Растопят лёд воспоминаний.
Двойных спиралей переплет,
Геномной тайною триплетов,
Раскроет неуемный код
Единственно живой планеты.

Вернемся мы под Отчий кров,
В святом неведении, с тобою;
Чернильный хлад квантомиров
Согреем, детскою мечтою.
На доски мира и любви
Польется звездный свет реалий.
И смерть — рождению сродни,
Разбудит океан желаний!

Любовь и защита

Нелли —
Елене Саркисовнае Саканян (1944 — 2003)

Среди огромной телемассы
Есть передача «Острова».
Там пересматриваю часто
Фильмы Елены Саканян.
Её герои гениальны,
Науки, Творчества сыны, —
Были оболганы банально,
В истории нашей страны.

Культура и принципиальность,
Вера в Людей и Благодать,
Любви природная тональность, —
Детей так защищает мать!

Вернутся славные герои,
В беспамятстве утопнет зло.
Ведь герострaты непристойны,
Хотя им с властью повезло.

В улыбке Бах через столетья,
И Моцарт, шуткой, с нами жив, —
Елена Саканян, поверьте,
Всё будет так, как хочет жизнь!
В борьбе сойдутся дуэлянты, —
Просмотр — смертельной схватки час, —
И сгинет зло под светом лампы,
Добро возрадуется в нас!

Фильмы, как музыка дудука,
От сердца к сердцу моему, —
Любовь, искусство и наука,
Вы с нами — значит, я живу.
В лазури белые вершины,
Большой и Малый Арарат, —
Над Нелли времена бессильны,
Такие плёнки не горят!

Армения

Люблю Армению и Ноев Арарат,
Печального дудука песню слышу, —
И музыка рисует райский сад,
Вершины древних хайев — неба выше.
    Народ армянский, сердцем, я люблю
    За корни веры, красоту и нежность.
    Надежность их присуща кораблю,
    Ковчегом, побеждающим безбрежность.
Люблю коньяк армянский и вино,
И в дружеской компании беседы,
Люблю Елены Саканян кино, —

Мечта все пересилит беды.
Люблю я голос Лины Мкртчян,
Шансон французский Шарля Азнавура,
Гор тишину, в которой Тертерян,
Армения — души клавиатура.
Ивана Айвазовского люблю,
Пейзажи колоритные Сарьяна,
И вальс, как первую любовь мою,
Из драмы «Маскарад», Хачатуряна.
В оранжевом сиянии, горний дух
Витает над второю колыбелью.
Люблю Аракс и водопад Джермук,
Синий Севан, живую эту землю.
Люблю Эчмиадзин и Ереван,
И храмы, что построили армяне,
Григорием завещанный, хачкар,
Причудливый маштоцевский орнамент...
История спрессована в гранит,
И память негасимая, как солнце, —
Нельзя нам забывать про геноцид,
Во имя жизни нашего потомства.
Прекрасную Армению люблю, —
Наверное, во мне проснулось детство, —
А жизнь идет, подобно кораблю,
И держит курс, полученный в наследство...

Гениальное просто

Виктору Дмитриевичу
Дувакину (1909 — 1982)

В.Д.Дувакин создал уникальное аудиособрание воспоминаний о русской культуре, науке и повседневности первой трети XX века. Оно стало основой Отдела фонодокументов Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова.

Гениальное просто —
В ясной, звёздной тиши,
Через зимы и весны
Чудный голос звучит.
Речь — искусство былое,
Возрождение грёз,
Театрально-живое,
Как у Блока, всерьез.

Жизни крутится пленка
Вот уж близок конец, —
Старость помнит ребенка,
Живы мать и отец…
И моменты событий,
Оживают во мгле,
Ярко, чувственно, звонко,
Словно смерти и нет…

Интересные люди,
Говорят от души.
Бриллиантами судеб,
Продолжается жизнь.
Как свеча у иконы,
Погасает рассказ.
Колокольные звоны
Все немного по нас…

Чтобы память осталась,
Эхом прожитых лет,
Чтобы жизнь продолжалась,
И не гас звёздный свет!

Л.Л.Оболенский

С.В.Вонсовский

С.В.Рахманинов

Г.П.Швейкин

В.В.Бабков

Е.С.Саканян

В.В.Хлебников

О.Г.Газенко

В.Д.Дувакин

Л.Д.Котельникова

В.П.Сакович

С.А.Жаров

Космические вершины

Олегу Георгиевичу
Газенко (1918 — 2007)

Идет война, на стенку-стенка,
Спасения, как будто, нет,
Но вспоминаю я Газенко,
И вижу добрый божий свет, —
Весенней радуги оттенки,
Веселый первоцвет живой, —
И рушатся души застенки,
Вновь мир прекрасен предо мной!

Борьба с болезнями и смертью,
Помощь в спасении людей, —
Так человечность на планете
Даёт надежде старт путей.
Вершины вечные Эльбруса,
Заря космических побед,
Наука, в синтезе с искусством,
В стране, родней которой нет…

История, немым укором,
Пред взором пламенным моим, —
В ней жертв неисчислимы горы,
Война и наш безумный мир…
Глаза космической собаки
Роняют звездную слезу.
Свечу, горящую во мраке,
В руке я бережно несу…

В улыбке двор

Котельниковой Лидии Даниловне,
члену Союза кинематографистов России,
Заслуженному деятелю культуры России.

Пью теплое парное молоко,
Из памяти моей приходит детство, —
И на душе становится легко,
Вернее начинает биться сердце.
Два года я не заходил в Ваш двор,
А словно и не выходил отсюда, —
Он праздник мой и вечный мне укор,
Живой свидетель сказочного чуда.
История науки и страны,
Содружество семейное, родное, —
Здесь с мамою мы из детсада шли,
И знал я, сказка двери нам откроет.
У Тимофеевых шел взрослый разговор,
Где детям была полная свобода,
Казачьи песни Жарова пел хор,
Цвела весна в любое время года…

Откуда мы и кто? — спросил Поэт,
Куда ведут следы видеохроник?
Неведомый, там ждет сюжет,
Невиданной, нам жизни ролик…

Через бурьян невнятных, смутных лет
Опять я возвращаюсь в своё детство, —
Мой Карлсон прилетает, добрый свет
Любви пленяет, радуется сердце…
На островке Добра встречаю Вас, —
Душою чуткой, статью королевы,
Небесным светом чудотворных глаз,
Вы в сказку заставляете поверить.

Вновь в памяти, за дружеским столом,
С Андреем Николаевичем Тимофеевым,
Пьем чай мы с Вами, и грустим о том,
Что людям в жизни мало так отмеряно…
Спешите поскорей делать добро…
Спешите Вы, … встречаю Вас на улице,
Весенний УКМ, в улыбке двор,
И всё, о чем мечтаем, — точно сбудется!

Учителю медицины

Владимиру Петровичу
Саковичу (1942—2016)

> *Медицина — благороднейшая из всех наук*
> *(лат. Omnium artium medicina nobilissima est)*

Следуя заветам Гиппократа,
Искренне, до слёзной чистоты,
Чтим Учителей своих, когда-то
Воплотивших в нас свои мечты.

Тайные глубины и вершины
Покорили, Вам наш пиетет,
Вечного искусства медицины,
Благородства истинный портрет!

Всё меняется, но в главном остается,
Пока помним мы Учителей,
Жизнь их продолжается, как солнце
Луч надежды дарит для людей.

Даже мимолетное общение
Оставляет добрый, ясный свет,
Удивление и восхищение,
Мощный импульс на десятки лет.

Благодарны Вам, Владимир Петрович,
Щедрый Ваш Учительский талант, —
Мы гордимся тем, что сам Сакович
Медицину нам преподавал!

Общее спасибо Вам, Учитель,
За великий каждодневный труд,
В будущее смело Вы смотрите,
Вас ученики не подведут!

Сакович Владимир Петрович, профессор кафедры нервных болезней и нейрохирургии Уральского государственного медицинского университета, руководитель Уральского межобластного нейрохирургического центра РФ им. профессора Д. Г. Шефера, доктор медицинских наук, Заслуженный врач РФ.

Мое счастье

Сели бы сейчас по русски,
На столе бутылка водки,
Накрошили бы закуски...
Счастье — жизни миг короткий...

Выпили бы мы за даты,
Актуальные сегодня,
Помянули бы утраты,
По велению Господню...

Пошумели бы немного
С громогласным несогласьем,
Стали бы поближе к Богу
И друг другу чуть понятней...

На крыльце бы покурили,
Наслаждаясь сигаретой,
Хор бы Жарова включили —
Как прекрасно в мире этом!

Рисунок Екатерины Осиной.

Нам не нужно расставаться
И прощаться у порога,
Понимаешь, друг Горацио,
Мудрецам не снилось много…

Главное — такая малость! —
Счастье, что в душе осталось…
Наши встречи — это радость,
Через них, жизнь состоялась!

Из письма Олега Цингера Н. В. Тимофееву-Ресовскому
на его 80-летие.

СВОБОДНАЯ ГЕНЕТИКА СТУДЕНТАМ-МЕДИКАМ

Посвящается 100-летию высшего медицинского образования на Урале и 90-летию Уральского государственного медицинского университета

УГМУ — 90 лет!

Свердловск — столица Среднего Урала,
Опорный край, и здесь, ему под стать,
СГМИ — УГМА — УГМУ начало, —
Здоровье — нашей жизни благодать.
В двадцатом — медицинский факультет
УрГУ, — учились пару лет медсестры.
Диплом врача был на борьбу билет
С болезнями, что множили погосты.
В двадцать четвертом в Пермь переведен,
Дипломы выдавали там свердловские.
Вели с недугами неравный бой, —
Смены не будет, — повторял Островский.
Светя другим, сгорали там и тут,
Всё больше в новых кадрах было смысла,
В тридцатом — медицинский институт
В Свердловске наконец-то появился.
На первый выпуск в триста человек,
Репина, 3 открыт был главный корпус,
Рос не по дням, ускоренный разбег
Был придан медицинскому Свердловску.
Год сорок первый грянул, роковой,
Стал мощной госпитальной базой город,
Надежный тыл выигрывает бой, —
В Победу медицины вклад весомый.
Две тысячи врачей за всю войну —
Бойцам здоровье поднимать для фронта,

Спасать нашу любимую страну —
Вышли из Alma Mater на работу.
    После войны великий институт
    Нёс образ медицинского Рифея,
    Всё лучшее, что в мире, было тут,
    Передавали опыт корифеи.
Больниц и поликлиник рос букет,
Вставали корпуса учебных зданий,
За факультетом новый факультет,
Научных школ, и орденов, и званий.
    Есть много, что нам в будущее взять,
    В Академический, где медицинский кластер
    Будет построен, дальше процветать,
    Нести здоровье, счастье, жизни радость.
Таков был основателей завет,
Мы стали медицинской академией,
Теперь Уральский госмедуниверситет
Радушно открывает свои двери.
    Каждый приём как новый поворот, —
    Альбомы разных выпусков листаем,
    И юбилейных дат круговорот
    К столетию нас скоро приближает.
На возраст еще рано уповать,
Традиции всегда должны быть святы,
В них главное — наука побеждать,
В борьбе с болезнями, врачи — солдаты.
    Две тысячи двадцатый год идет,
    Преград немало на пути к здоровью,
    Пусть юбилей итоги подведет,
    И планы даст врачебному сословию.
Во благо всех уральцев, россиян,
Чтоб становились люди здоровее, —
С девизом — обучать и исцелять,
Воспитывать студенческое племя!

Главный корпус Уральского государственного медицинского университета на ул. Репина,3

Пусть многим еще выпускам черёд
Носить достойно белые халаты!
Per aspera ad astra, лишь вперед,
За всё спасибо, наша Alma Mater!

Судьбоносная встреча с Учителем

В начале 60-х годов в Свердловске судьба свела Н.В.Тимофеева-Ресовского со студентами медицинского института, интересующимися генетикой. Генетика в те годы не только не преподавалась в вузах, но и преследовалась как лженаука, и студентам могло грозить если не исключение, то разные неприятности за увлечение ею. По воспоминаниям С.И.Ворошилина[1], тогда «Свердловскому медицинскому институту едва исполнилось 30 лет... Стихийно образовался небольшой кружок студентов-ме-

диков, заинтересовавшихся молекулярной генетикой. Участниками кружка стали Е. Белозеров, С. Ворошилин, Н. Глотов, В. Изаков, В. Мархасин, А. Никифоров, А. Позолотин», а также студент биофака УрГУ В. Иванов. Они познакомились с Н.В.Тимофеевым-Ресовским на лекции, которую он читал для студентов и преподавателей мединститута, и стали посещать его лекции в УПИ, УрГУ, сельхозинституте. Студенты подружились и обратились к Н.В.Тимофееву-Ресовскому с просьбой, чтобы он проводил с ними семинары. Любя, он называл такие занятия «совместным ораниеи, кружковщиной», считал их полезными, и согласился.

С.И.Ворошилин ярко пишет, что «семинары отчасти представляли собой „игру“ в науку, но большинство из нас продолжало профессионально играть в неё всю жизнь уже в качестве научных работников… Чрезвычайно большое влияние оказала на нас форма их проведения и подача материала. Они всегда были свободны от „звериной серьезности“, материал разбавлялся остроумной незлой шуткой… Нам нравилась форма свободного изложения материала, когда позволялось в любой момент задать вопрос и получить ответ».

Впоследствии эти лекции, записанные на магнитофон, были опубликованы: *Тимофеев-Ресовский Н. В. Генетика, эволюция, значение методологии в естествознании. Лекции, прочитанные в Свердловске в 1964 году. — Екатеринбург: Токмас-Пресс, 2009. — 240 с.*

Интересно, что наука, осталась главным делом жизни кружковцев. Этому способствовало влияние замечательной личности «Ведь так много зависит от одного талантливого человека, увлекающего за собой всех, кто оказывается в сфере его влияния» (С.И.Ворошилин).

[1] Ворошилин С. И. Тимофеев-Ресовский и кружок свердловских студентов-медиков /Н.В.Тимофеев-Ресовский на Урале. Воспоминания / Сост. В. Куликова. — Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 1998. С. 125—131.

Н.В.Тимофеев-Ресовский и А.А.Позолотин

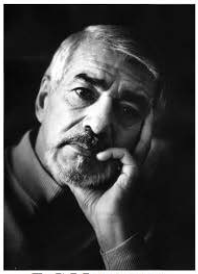
Е.С.Белозеров

Н.В.Глотов

С.И.Ворошилин

В.И.Иванов

В.Я.Изаков



В.С.Мархасин

А.П Никифоров (нет фотографии)
Влияние глутаминовой кислоты на содержание свободных аминокислот в тканях в норме и при гипоксии : Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата медицинских наук / Свердл. гос. мед. ин-т. - Свердловск, 1967. - 17 с.

Свердловские кружковцы Н.В.Тимофеева-Ресовского

О судьбах кружковцев

Евгений Степанович Белозеров — врач-инфекционист, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки КазССР. Ректор Семипалатинского медицинского института (1985—1987), Алма-атинского медицинского института (1987—1995). Подготовил 88 кандидатов и 23 докторов наук.

Сергей Иванович Ворошилин — кандидат медицинских наук, доцент кафедры психиатрии УГМУ.

Николай Васильевич Глотов (1939—2016) — советский и российский биолог, генетик, популяционный эколог, доктор биологических наук, действительный член РАЕН.

Владимир Ильич Иванов (1932—2010) биолог, генетик, академик РАМН, директор Медико-генетического научного центра РАМН, заведующий кафедрой генетики Российского государственного медицинского университета, автор учебника для вузов «Генетика» (2007).

Валерий Яковлевич Изаков (1941—1990) — доктор медицинских наук, профессор кафедры нормальной физиологии Свердловского медицинского института; заведовал отделом биофизики в Институте физиологии Уральского научного центра АН СССР.

Владимир Семёнович Мархасин (1941—2015) — российский биофизик и физиолог, главный научный сотрудник и руководитель лаборатории математической физиологии Института иммунологии и физиологии УрО РАН, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Уральского Федерального Университета.

Александр Никифоров — кандидат медицинских наук, работал ассистентом кафедры биохимии Свердловского медицинского института, заведовал биохимической лабораторией Свердловского областного онкологического диспансера.

Альберт Александрович Позолотин (1937—2000) — биофизик, автор научных работ по радиоэкологии, работал также врачом скорой помощи, врачом-рентгенологом Противотуберкулезного диспансера в Екатеринбурге.

Кружок Тимофеева-Ресовского в Свердловске

Кружок из медиков-студентов,
Науки будущих светил,
Дрозофилийный диссидентов,
В Свердловском институте был.

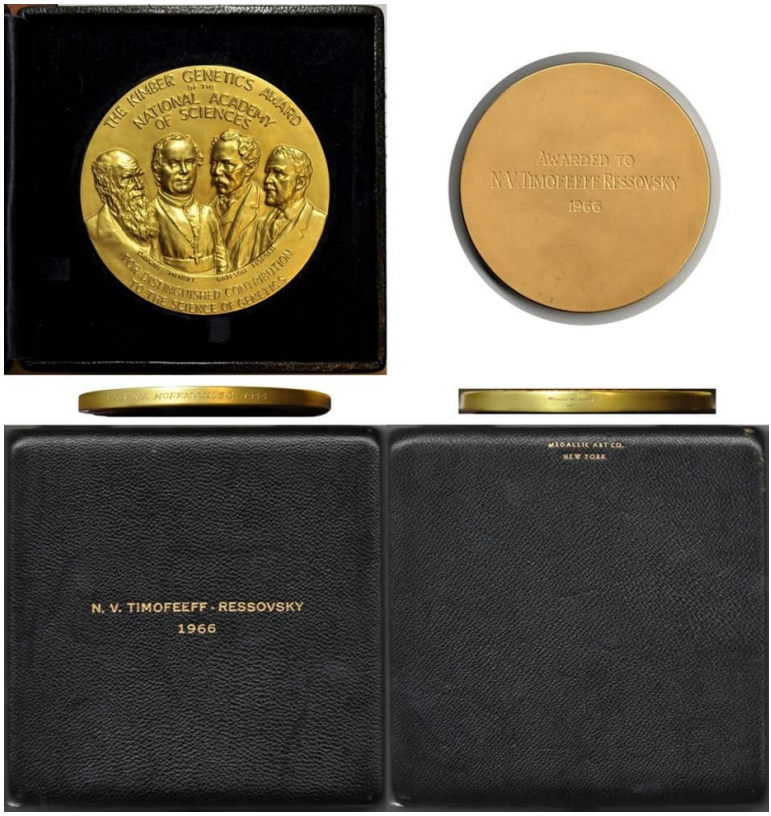
Генетика будила мысли,
Тем более из первых рук.
Преподавал им сущность жизни
Учитель, корифей и друг.

С доскою-печкой, на квартире
Шел статистический урок
Наследственности в биомире,
И любовался ими бог.

Как эстафета, факел знаний,
Наука стала их стезя,
Наш институт ими прославлен,
Такой кружок забыть нельзя!

История случилась эта
Два поколения назад,
В ней вечный, как мечта поэта,
Науки ядерный заряд.

ТРИНАДЦАТЫЙ ЛАУРЕАТ



Автор фотоколлажа А.А.Терентьев.

Кимберовская премия (Kimber Genetics Award) — это награда Национальной академии наук США, аналог Нобелевской премии в области генетики, вручалась ежегодно, начиная с 1955 по 1967 год.

Учредитель Кимберовской премии по генетике.

Джон Эванс Кимбер

In fond memory of
John Evans Kimber (1895—1970)

Американской жизни сцена:
Жил музыкальный человек,
Любил уют и быт семейный,
Женат, два сына… В прошлый век
Работал он на птицеферме,
Где низким был его доход,
Пока в науку не поверил
Наш музыкант и птицевод.

Лабораторию открыл он,
И в штат генетиков включил:
Кур от болезней защитили
Созданием новых вакцин,
Быстро внедрили гетерозис,
И бойлеры набрали вес, —

Так началась другая повесть, —
Увлек финансовый прогресс.

Но не забыл года лихие,
И стал герой наш меценат, —
Он деньги жертвовал большие,
В искусства и науки вклад.
Своей генетике любимой
Добром ответил за добро:
Медаль в награду учредил он,
И премию с ней заодно.

Из тысяч только самым-самым
Кто был поистине велик,
Чей опыт на века восславил
Жизни практической язык.
И суждено так было статься
В истории моей страны, —
Лауреатом стал тринадцатым
Простой советский гражданин.

Спасибо Вам, товарищ Кимбер,
Храним мы вечно память Вам
И благодарность за Ваш выбор,
За гениальный Божий Дар!
Мы поживем, и канем в Лету,
Но будет биться мысли пульс:
Прогресс для жизни на планете
С наукой делает союз!

Скульптор, автор Кимберовской медали.

Мальвина Хоффман

In fond memory of
Malvina Cornell Hoffman (1885 — 1966)

Гимн человеческому телу,
Разнообразию людей,
Где совершенству нет предела,
Господь сыграть доверил ей.
    Объединили расы верно
    В единый пестрый хоровод
    Её скульптуры, многомерно
    В них человек нам предстаёт.
Любовью вспыхнувшей Мальвины,
Натурой, музой многих лет,
Её пленительною дивой,

Стал Анны Павловой балет.
Семь лет работы у Родена,
Учеба шла, работа, жизнь, —
Душа танцующего тела
Скульптуры устремляла ввысь.
И трепетные отражения
Спускались в творчестве с небес,
Любви и света выражения
На землю, полные чудес.
Панно и бюсты, монументы,
Медали, статуэток ряд,
Сближали наши континенты
И страны, радовали взгляд...
Храм человека — его тело,
Сюда приходит Дух Святой,
Вершит молитвенное дело,
Спасает души, красотой...

Чарлз Дарвин

In fond memory of
Charles Robert Darwin (1809 — 1882)

Нас разделяют двести лет —
Ряд поколений — изоляция,
Материков и стран барьер,
Но с Вами так легко общаться...
Молчание, как много в нем
Есть понимания и смысла,
Живой Ваш образ предо мной
И Вашего Труда страницы:
Принципиальный поворот
Из многолетних наблюдений,
Живой естественный отбор
Заметил Ваш научный гений.
Жестоких адаптаций бой,

По эволюционной сказке, —
Повсюду озарился он,
Небес божественной указкой.
Еще неясен механизм,
Генетика не начиналась,
Но слово уже вышло из
Туч суеверных покрывала.
Отбором люди занялись,
Войнами, выстлали дорогу, —
Перевернули Вашу мысль,
Изгоем сделали пред Богом,
И продолжают путь в тупик,
Но мир божественный сильнее, —
Немеет перед ним язык,
И Раем Дарвиновским веет!
Частицы мира и добра,
Во имя божеской идеи,
Жизнь вечную и радость нам
Несут в заоблачном пределе…

Мендель

In fond memory of
Gregor Johann Mendel (1822 — 1884)

Монах, известный августинец,
Аббат, священник, богослов,
И чех немного, и австриец, —
Исследовал простой горох;
Лелеял детские вопросы,
Божественный великий план
Он чувствовал, упрямо нес их,
Плоды по осени считал.
Гипотеза светила келью, —
На стенах, — признаков обмен,
Пурпурной, отражался тенью

И ясной формулой за ней.
В проверках тысячей соцветий,
Гладких, морщинистых семян, —
Как жизнь прошла, и не заметил
Наш Мендель Грегор Иоганн.
Закон не знает исключений, —
Природа — Божья суть и храм,
Только в любви родится гений,
Где райский сад для знаний дан.

Бэтсон

In fond memory of
William Bateson (1861 — 1926)

Николай Вавилов называл Бэтсона своим учителем и «первым апостолом нового учения».

Известен, Уимблдоном, Мертон,
Любовью Нельсон-Гамильтон,
Здесь жил, работал, умер Бэтсон, —
Биолог знаменитый он.
Статистику дискретных чисел
На сущность жизни произвёл,
И Менделя открытий смысл
В язык английский перевел.
Поэзия — телам созвучна,
Даёт природе имена...
Назвал **генетикой**, он звучно
Науку, коей жизнь полна.
Позднее **ген** лишь появился
И всем известный **генотип**,
Генома шифр на свет явился, —
Основой — Бэтсон знаменит...
Любил он с юных лет Россию,
Любил и восхищался ей.

Черпал от путешествий силы,
Учил генетике людей.
Средь них был Николай Вавилов.
Мы благодарны быть должны
Вам, Бэтсон! Дружбе нашей силы
Сейчас, как никогда, нужны!
Международною, с рождения,
Сделал свою науку он,
Первоапостольским учением,
К разгадке тайны всех времён!

Хант Морган

In fond memory of
Thomas Hunt Morgan (1866 — 1945)

В двадцатый век шагнули люди,
Затронув тайны естества:
Теорий атомных прелюдий
И хромосомного родства.
За Менделем пришли другие,
Порядочность провозгласив, —
Открытие переоткрыли
Карл Корренс, Чермак и де Фриз.
Наследственность не за горами
Свою теорию ждала, —
Томас Хант Морган с учениками
Её отважились создать.
И получилось, всем на диво,
Установилась прочно связь
Меж всеми видами живыми
В наследовании вещества.
Открыли тайны хромосомы,
Линейно гены разместив;
Всем признакам дали основы
Для менделированья их.

Фотография из уголовного дела 1945—1946 гг.

Душе генетика приятный,
Любимый Моргана объект, —
Дрозофилу меланогастер —
Давно пора на монумент!
Маяк для поисков означен,
Есть перспективы на пути, —
У человечества задача —
В ногу с Природою идти!

Бутырка в жизни НВТР

В биографии есть дырка —
МВДэшная Бутырка:
Профиль и анфас на фото,
Год, почти что, без работы.
Спрятаны от нас архивы,
Мифы зачастую лживы.
За решетками музея
Нары публика глазеет…
Прямо с нар в Карлажный лагерь
Вскоре будет он отправлен, —

Надпись на Кимберовской медали.

В путь, столыпинским вагоном,
По смертельным перегонам.
    Там жестокая машина,
    Гнетом общего режима,
    Перемалывает жизни,
    Тяжким молохом отчизны.
Выживет, еще вернется
И Бутырке улыбнется,
Ни о чем не пожалеет,
Всё, как сын, преодолеет.
    И продолжит жить за сына,
    Героическим усилием.
    С адом атомного пламени
    На борьбу поднимет знания.
И научные победы
Будут предотвращать беды.
Именно такие люди —
Мира доброго прелюдия!
    Жалко только, что потомство
    Совершает вероломство, —
    И в беспамятстве Бутырки,
    Снова дырки, дырки, дырки...

Аверс

Луна, обратной стороною,
В ночи не обернется нам,
И плачут звёзды надо мною,
С восторгом тайным пополам.

Дела минувшие, былые,
Открытий, славы и борьбы, —
Медалью памятной застыли,
Музейной тяжестью полны.

Проникновением в суть жизни
На разных уровнях её,
Наук российская харизма
Явила естество своё.

Напоминание, загадка,
Опасность силы роковой…
В Бутырку и Карлаг посадка,
Пеллагра, голод, мордобой…

Всегдашняя велась наружка,
Осведомителей был штат,
И телефонная прослушка,
Перлюстр писем всех подряд…

Но все мы смертны, век тот минул,
Молчит потусклый артефакт,
Подаренный на память сыну,
На черный день сто лет назад.

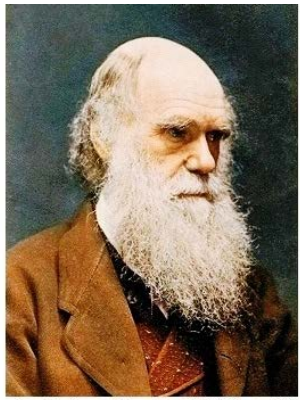
Пророк Отечеству не нужен,
Народ лишь кнут боготворит,
И новой смутою разбужен,
Не ведает он, что творит.

И, всё-таки, на оборотной,
Медали главной стороне,
Осталась памяти народной
Надпись, читаема вполне.

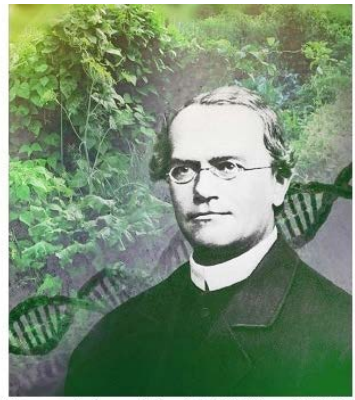
Не плачьте звёзды надо мною, —
Герой унынья не любил.
Лучше на Пасху стол накроем,
Тост за Россию возгласим!

Христос Воскресе!

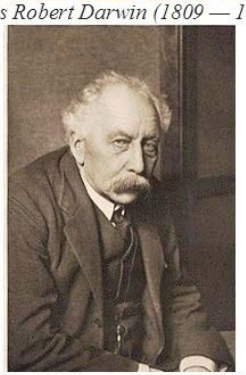
Христос Воскре**с**е! Воистину Воскресе!
Во славе Пасхи Воскресения смысл,
Это Любовь приходит повсеместно,
С ней радуйся, надейся и молись!
В нас
Нет греха,
Когда
Любовью
Дышим, —
Нам небеса
Даруют
Благодать.
На Пасху
Мы Христа
Встречаем,
Слышим,
Спешим
Обнять Его,
Расцеловать…
Воздал Господь Святое Воскресение,
Сияет нежно солнечная высь,
В Любви и Благодарности — Спасение,
Любовью, воскресает наша Жизнь!



Charles Robert Darwin (1809 — 1882)



Gregor Johann Mendel (1822 — 1884)



William Bateson (1861 — 1926)

Thomas Hunt Morgan (1866 — 1945)

Изображенные на Кимберовской медали ученые всегда были в «иконостасе» у Н.В.Тимофеева-Ресовского.

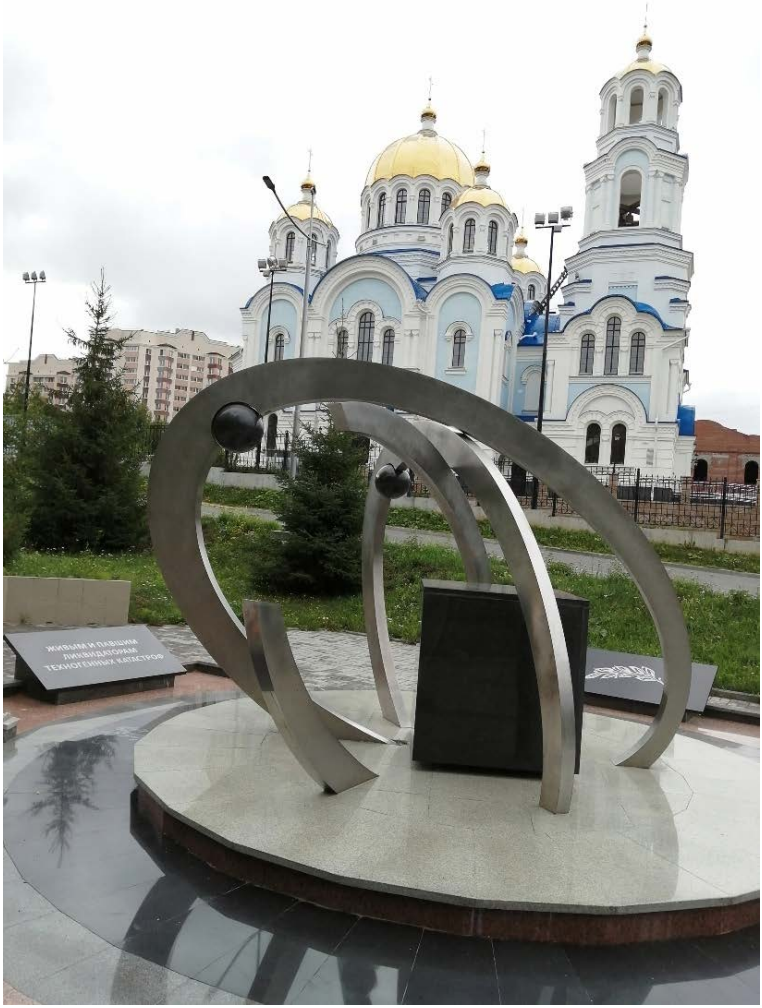
Кимберовская премия включала денежное вознаграждение в размере 2000 долларов США, золотую памятную медаль и её бронзовую копию на подставке. В положении о премии было заявлено: ***«Эти великие люди будут признаны и удостоены чести за их вклад в науку, которая напрямую влияет на снабжение человечества продуктами питания, а также на развитие будущих поколений людей...»***

Галерея Кимберовских лауреатов включает 14 ученых-генетиков: **1955 год** — Уильям Эрнест Касл (William Ernest Castle) и Герман Джозеф Меллер (Hermann Joseph Muller, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине в 1946 году); **1956** — Сьюалл Грин Райт (Sewell Green Wright); **1957** — Алфред Генри Стертевант (Alfred Henry Sturtevant); **1958** — Феодосий Добжанский (Theodosius Dobzhansky); **1959** — Трейси Мортон Соннеборн (Tracy Morton Sonneborn); **1960** — Джордж Уэлс Бидл (George Wells Beadle, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине в 1958 году); **1961** — Джон Бёрдон Сандерсон Холдейн (John Burdon Sanderson Haldane); **1962** — Милислав Демерец (Milislav Demerec); **1963** — Курт Штерн (Curt Stern); **1964** — Макс Дельбрюк (Max Delbruck, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине в 1969 году); **1965** — Алфред Дей Херши (Alfred Day Hershey, вместе с Дельбрюком лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине за 1969 год); **1966** — Н.В.Тимофеев-Ресовский (N.V. Timofeeff-Ressovsky, был номинирован на Нобелевскую премию по физиологии и медицине в 1950 году); **1967** — Барбара Мак-Клинток (Barbara McClintock, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине в 1983 году).

Именная медаль «Биосфера и человечество», посвященная доктору биологических наук, профессору Н.В.Тимофееву-Ресовскому учреждена Ученым Советом Медицинского радиологического научного центра Российской академии медицинских наук и Научным обществом «Биосфера и человечество» им. Н. В. Тимофеева-Ресовского 14.08.2000г. в память о выдающемся ученом, учителе, верном сыне России, гуманисте мирового масштаба.

Горбушин Николай Григорьевич, Ученый секретарь Научного общества «Биосфера и человечество» им. Н.В.Тимофеева-Ресовского: «Н.В.Тимофеев-Ресовский (1900—1981) является одним из основоположников радиационной генетики, радиобиологии, феногенетики и радиационной биогеоценологии. Его фундаментальные труды (общим числом около 300, в том числе более 10 монографий) в области мутационного процесса, феноменологии проявления генов, популяционной генетики, эволюционного учения и радиационной экологии имеют международное признание... Поднятый им пласт науки обнажил острые проблемы предстоящих поколений...

С течением времени все более значимым становится тот огромный вклад, который внес Н.В.Тимофеев-Ресовский в понимание тайн мироздания, развитие общей и теоретической биологии. Но самой главной его чертой была внутренняя духовная сила и независимость — в большом и малом, в жизни и науке».



Памятник Ликвидаторам техногенных катастроф в г. Заречный Свердловской области. Открыт 12.06.2017. Художник Анатолий Вяткин. В центре куб из черного гранита (саркофаг), вокруг него орбиты электронов. Одна из этих орбит разорвана, что символизирует катастрофу. На фотографии также виден Храм Покрова Божией Матери.

БИОСТАНЦИЯ МИАССОВО (1955-1977)

К стихотворению «Чудесная рубашка» на стр. 188.
Рисунок Екатерины Осиной.

В 1955 году в Свердловске (ныне Екатеринбург) в Биологическом институте Уральского филиала Академии наук СССР (директором Института был С.С.Шварц) Н.В.Тимофеев-Ресовский организовал и возглавил Лабораторию биофизики с 16 сотрудниками. Е.А.Тимофеева-Ресовская работала младшим научным сотрудником.

В течение 1955 года, под руководством Н.В.Тимофеева-Ресовского, была построена биологическая станция «Миассово» в Ильменском государственном заповеднике (основан в 1920 году) вблизи города Миасс, Челябинской области. Она включала несколько щитовых домиков и деревянный лабораторный корпус. В летне-осеннее время ученые вели экспериментальные радиобиологические исследования на биостанции «Миассово», а зимой и весной работали в Свердловске.

В конце 50-х — начале 60-х годов на биостанции «Миассово» проводились неформальные летние научные семинары, она являлась научной Меккой и столицей генетики и биофизики для прогрессивной научной молодежи всей страны. Несмотря на то, что это был отдаленный от цивилизации лесной уголок на берегу озера, и жить приходилось в палатках, список участников этих семинаров составляет около 400 человек со всего СССР. В центре общего внимания были «два небожителя»: Н.В.Тимофеев-Ресовский и его друг — выдающийся математик, один из основоположников кибернетики Алексей Андреевич Ляпунов.

Внимание ученых к Ильменам имеет давнюю историю. В 1829 году состоялась экспедиция Александра Гумбольдта в Ильменские горы, его сопровождал минералог Густав Розе, опубликовавший материалы экспедиции в журналах Берлинского университета. Большой интерес к Ильменскому заповеднику проявляли Дмитрий Иванович Менделеев во время своей Уральской экспедиции в 1899 году. Владимир Иванович Вернадский, которого Николай Владимирович считал совершенно замечательным и умнейшим человеком, был во многом продолжателем работ Александра Гумбольдта и в 1910—16 годах возглавлял Радиевую экспедицию Академии наук в Ильменских горах.

Палаточный лагерь на биостанции Миассово. 1960.
Автор фотографии П.Д.Усманов.

Одним из первых В.И.Вернадский представил еще царскому правительству проект об организации в районе Ильмен, так называемого, «Национального парка». Ученик В. И. Вернадского Александр Евгеньевич Ферсман с 1912 по 1942 год руководил всеми научными работами в Ильменском заповеднике, в 35—36 годах исполнял обязанности директора заповедника. Учитель Н. В. Тимофеева-Ресовского Николай Константинович Кольцов еще в 1933 году написал ныне забытую статью «К вопросу об организации Биологического института на Урале», — Институт биологии был организован в 1944 году. В 1950 году Ильменский заповедник вошел в структуру Уральского филиала Академии наук.

В мемуарной, да и в художественной, литературе, а сейчас и в мировой паутине, «Миассово» встречается довольно часто, и почти всегда в превосходной степени. Воспоминания эти рассеяны по многим источникам.

Н.В.Тимофеев-Ресовский в своих «Воспоминаниях» называет Миассово «рай земной». Он пишет: " ...работы в атомной системе и в Миассово на биостанции, на Урале были эксперимен-

тально наиболее продуктивными в моей научной жизни». Он также свидетельствует, что Владимир Николаевич Сукачев в самые первые годы XX века «был на этом большом Миассовском озере, где моя станция, и вспоминал его всю жизнь как самое замечательное и красивое место на Земле, которое когда-либо видел. И действительно, это была красота совершенно неописуемая!»

Рэм Викторович Петров пишет о Миассовском университете Тимофеева-Ресовского. Вспоминается такая параллель, А.С.Пушкин называл М.В.Ломоносова нашим Российским университетом.

Маргарита Яковлевна Чеботина называет Миассово «Ашрам (или Священная обитель) науки».

Симон Эльевич Шноль пишет: «Николай Владимирович организовал недалеко от города Миасса летнюю биостанцию. Чрезвычайной красоты место — озера, скалы — Ильменский заповедник. Чистая поэзия. И тут же на берегу озера лаборатория — полная свобода для любых биологических исследований. Мечта и сказка! Слухи об этой сказке, где властвовал знаменитый, известный всему миру генетик, распространились быстро, и к Н.В. стали стекаться биологи, физики, химики, медики со всей страны... Миассовские школы-семинары стали, в сущности, первыми школами по современной биологии и генетике в нашей стране после 1948 года».

Наталия Алексеевна Ляпунова подробно осветила один из Миассовских семинаров, который состоялся летом 1956 года.

Также с любовью и благодарностью вспоминают эти семинары Геннадий Григорьевич Поликарпов, Адольф Трофимович Мокроносов, Владимир Иванович Корогодин, Валерий Николаевич Сойфер, Анна Бенедиктовна Гецова, Аргента Антониновна Титлянова, Раиса Львовна Берг, Белла Абрамовна Дижур, Герман Германович Талуц, Лев Александрович Блюменфельд, Леонид Яковлевич Кобелев, Юрий Иванович Новоженов, Елена Максимилиановна Фильрозе, Галина Ивановна Махонина, Инна Владимировна Молчанова и многие другие.

Андрей Георгиевич Маленков отмечает: «Я ездил туда 4 года. Это лучшее время в моей жизни».

Михаил Владимирович Волькенштейн пишет: «Лучшими днями жизни моей и многих других биологов и физиков были дни, проведенные в гостях у Николая Владимировича и Елены Александровны в Ильменском заповеднике на берегу озера Большое Миассово…» и далее, — «Миассовские сборища были подлинной школой современной биологии и биофизики. Школой для меня особенно существенной, так как апробация первых моих биофизических работ на семинарах Николая Владимировича имела определяющее значение… Но важнее было погружение в атмосферу чистоты и благородства, полное отключение от всего стороннего науке, культуре, юмору».

Даниил Александрович Гранин в повести «Зубр», глава 39-я: «Биостанция в Миассово это несколько коттеджей у озера, полянка, двухэтажное деревянное здание лабораторного корпуса… О Миассово вспоминают как о райском месте. Не потому, что место само по себе красивое, а потому, что там всё сошлось, одухотворилось, была полнота жизни и полнота науки. … Одухотворял биостанцию, был её центром, её осью Зубр. … Тогда в Миассово им было просто хорошо, очень хорошо, и их снова туда тянуло. На симпозиумы начали приезжать из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Киева. Пошел слух, что в Миассово можно узнать о запретной генетике, что там шли разговоры о кибернетике. Миассово стало прибежищем гонимых наук, оплотом биофизики. … О нем вспоминают до сих пор «Мы все вышли из Миассово. Это было как Лицей», его сравнивают с Меккой, Ясной Поляной.

Лаборатория, созданная Н.В.Тимофеевым-Ресовским на Урале в 1955 году, продолжает свою работу в настоящее время.

С 1964 по 1993 год её возглавлял ученик Н.В.Тимофеева-Ресовского Николай Васильевич Куликов. Биостанция «Миассово» была закрыта в 1977 году. В 1979 году была открыта её преемница Биофизическая станция (радиоэкологический стационар)

Отдел континентальной радиоэкологии, Биофизическая станция ФГБУН ИЭРиЖ УрО РАН Свердловская обл., г. Заречный.

Лауреат премии имени Артёма Боровика «Честь. Мужество. Мастерство» Н. Б. Гощицкий. На церемонии награждения выступил чернобылец В. Н. Алексашенко. Москва, 05.12.2012.

около Белоярской АЭС имени И.В.Курчатова в городе Заречный. В 1982 году на базе лаборатории был организован Отдел континентальной радиоэкологии Института экологии растений и животных Уральского Отделения Российской академии наук.

Сотрудники Отдела работали в числе ликвидаторов последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 1987 -1991 гг.

С 1993 года Отделом континентальной радиоэкологии и Биофизической станцией ИЭРиЖ УрО РАН руководит Александр Викторович Трапезников. Сотрудники Отдела развивают направления радиоэкологии на основе традиций, заложенных Тимофеевыми-Ресовскими на Урале.

Чернобыль

Дорогому другу
Николаю Борисовичу Гощицкому

Взорвал империю Чернобыль,
Он лебединой песней был
Тогда советского народа,
Последний раз его сплотил.
Чернели Припяти глазницы,
Беда росла за горизонт,
Летели атомов частицы
И убивали генофонд.
Тем, кто не прятался за спины,
Жизни людей оберегал,
Уже копала смерть могилы,
Момент их истины настал.
И снова беды для народа
Готовит будущее нам…
Боже, спаси наш мир, природу,
Воздай по праведным делам!

Кораблик со стороны кордона Миассово.
Автор фотографии А.А.Терентьев.

Кораблик со стороны биостанции.
Автор фотографии С. В. Белковский.

Кораблик

Вечной Памяти
биостанции Миассово,
её сотрудников, жителей
и всех гостей

Камень мой краеугольный
Серый, с кварцевою жилой,
Терпеливый и спокойный,
Как природа положила.

Для меня он много значит, —
Суть опора и упорство,
Миллионы лет стоЯщий
Под южно-уральским солнцем.

В мхи, лишайники одетый,
Взгляды пристально манящий,
За неведомым пределом
Первобытный след хранящий.

От рождения присуще
Основание для веры, —
Доязыческое чувство,
Твердокаменным примером.

Древнегреческая «Петра»,
Симон, Кифа, мой Кораблик, —
Храм Небесного Завета,
На Спасение, поставлен.

Отцы-основатели. Миассово, 1957.

Небожители

Сергею Петровичу Капице (1928—2012)

В истории советского народа,
Случайной искрой общего костра,
Мелькнула миассовская порода,
Модификаций редкая игра.
    В Ильменский заповедник* собирались
    Романтики всего СССР.
    Вокруг науки здесь объединялись
    Искусства, спорт, что интересно всем.

Два небожителя** — центры притяжения
Вокруг себя талантов, как планет,

Притягивали всех, без исключения,
Рюкзак за плечи, в поезд, и привет...
Запретная генетика блистала
Здесь, новым пониманием основ
Живого бесконечного начала, —
И честно спорить каждый был готов.

Царица всей науки, математика,
Отсюда раздвигала горизонт.
Природа, вдохновленная романтикой,
Цвела в Ильменах каждый божий год.
Её защиту от радиоактивности
В модельных загрязнениях вели,
И опыты, своей результативностью,
При катастрофах очень помогли.

Романтики те стали академиками,
Ждет новых небожителей народ.
Град грантов сыплет сколковскими ценниками.
Но кто теперь в науку жизнь вдохнет?
Вновь падают столетние деревья,
До неба достающие рукой,
И остаётся новым поколениям
Их жизней вечных — творческий настрой.

* Ильменский заповедник находится в восточных предгорьях Южного Урала на Ильменском хребте в Челябинской области, к северо-востоку от г. Миасс. Место возрождения генетики в СССР в 1960-е годы.

**Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский (1900—1981) — ученик Николая Константиновича Кольцова и Сергея Сергеевича Четверикова; выдающийся ученый, естествоиспытатель, энциклопедист, основатель научных школ по генетике, радиобиологии, радиоэкологии, эволюции и учению о биосфере за рубежом и в СССР.

Ляпунов Алексей Андреевич (1911—1973) — ученик Николая Николаевича Лузина; выдающийся математик, основатель кибернетики и программирования в СССР.

Миассовские семинары

Дорогим
Ляпуновой Наталии Алексеевне
и Богданову Юрию Федоровичу

Семинары, семинары, —
На лужайке, под сосной,
В водной фазе у причала,
Где не страшен летний зной...
    На скамейке у крылечка,
    Где вовсю сирень цвела,
    Здесь научное сердечко
    Навсегда ты отдала.
Незабвенные доклады,
Осаждаем бастион, —
Для науки нет преграды,
Тает парадоксов сон...
    По грибы и на рыбалку,
    Или в лес идём, на копь.
    Мы запомним ту полянку,
    Озеро возьмём с собой...
Семинары, семинары,
Песни звонкие поют
Августовские стожары, —
Двух сердец один маршрут.
    Жить на свете — есть наука,
    Есть искусство — лучше жить,
    А любовь — такая штука, —
    Нечто большее, чем жизнь!

Ответ Зубра Хромосоме

Гости

Разухабилась дорога,
В стороне лежит погост,
Поле, лес, еще немного,
И в поселке новый гость.
К магазину на пригорок
Собирается народ.
Каждый гость всем очень дорог,
Сразу радость и почет.
Здесь друг-другу все родные,
Мы у озера живем.
Эти годы молодые,
Своей жизнью, назовём.
Разбросали по погостам
Нас ухабы жития.
В этом мире все мы гости,
Я да ты, да ты да я.

Снова дома

Родному Миассово

Деревянное крыльцо,
В окружении сирени,
Двор, малиною зарос,
Входим в маленькие сени…
Дверь другая в коридор,
Слева спальня для лежанки,
Путь в гостиную ведёт,
Стол, скамейки у голландки,
Два распахнутых окна…
Сквозь черемуху, синеет
Озеро, где по утрам
Первый луч зари алеет…
Полка книжная, диван,
На полу сундук старинный,
И приемник по волнам
Плавает, антенной длинной…
В вазе на столе цветы,
Стены в пятнах комариных,
Обезьянки и орлы
Цингера — живут в картинах…
На веранде холодок,
Рыболовные развалы,
Каждый маленький крючок
Стать мечтает генералом…
«Незнакомка» с «Огонька»,
Линии судьбы на досках,
Переход в чулан, где тьма,
Паутина, хлам на полках…
Старая висит шинель,
Настоящая, отцова,
Ржавый гвоздь забит в панель,
Счастье нам несёт подкова…

У крыльца, еще забыл, —
Незаметная кладовка,
Умывальник во дворе,
Да ведро — сорок столовка…
В памяти живые все,
Надо мной, иконостасом, —
Рай земной, поверь мне, Сеть,
В Миассово был прекрасен!

Миассовский антураж

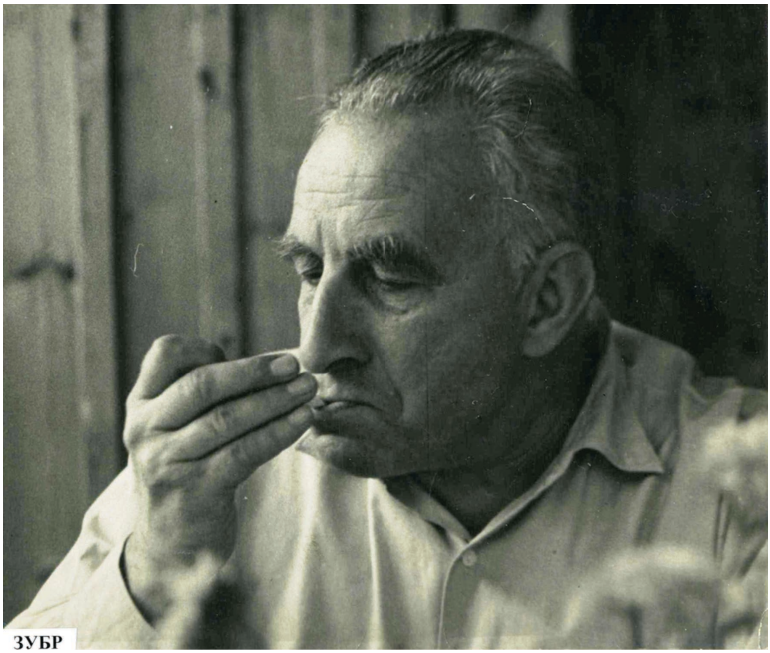
Дорогим и любимым друзьям,
семье Ивановских

Тают дивные закаты,
Прячут солнце за забор.
Высят звездные палаты
Над тайгой Уральских гор.

Здесь, как в годы молодые,
Миллионы лет пейзаж,
Берега мои родные —
Миассовский антураж.

Чудо Божие — Природа
Впечатляет с давних пор.
Отражения небосвода —
Очи синие озёр.

Мы сюда на миг приходим
Насладиться красотой,
И молитвенно находим
Единение и покой.



ЗУБР

А.Г. Куликова и М.Л. Цепенинская

«По случаю такой жары все участники семинара заходят в воду по горло, а докладчик по пояс,- предложил Зубр.»

Заседание в водной фазе. Д.А.Гранин "Зубр", глава 5.

На семинаре Н. В. Тимофеева-Ресовского в Миассово.

Н.В.Тимофеев-Ресовский выступает с докладом.

Биостанция Миассово

Озеро среди тайги бескрайней,
В обрамлении Ильменских гор.
Это небо распахнуло рай мне,
Никогда не гаснущий восторг!
Здесь живым всё было и волшебным,
Каждый камень, дерево и куст,
Плеск весла будил, рыбалкой, нервы,
Открывали вещи свою суть.
Мне казались люди здесь богами,
Недостатков не было у них,
Без замков мы двери оставляли,
И встречали всех гостей своих.
Биостанция была планетой
Жизни и науки, и любви,
Песней заповедною, пропетой, —
Слышу эхо звездное вдали…

Здесь рождались мысли и открытия,
Семинарам не было конца.
Живо обсуждались все события,
Прямо на природе, у крыльца,
В водной фазе, на скале, у берега,
Или ночью, вместе у костра…
Стала биофизика уверенно
Юношей в науку забирать.
Тимофеев разбудил генетику
В непокорных молодых сердцах,
Ляпунов основы кибернетики
Заложил в разбуженных умах.

Радужную, светлую романтику
Приоткрыл ученым микромир,
После ужасов войны и ядерных
Взрывов передышку подарил.
Изотопы в счетчиках зашкаливали,
Где аварий не утихла боль, —
Здесь на гамма-поле и в аквариумах,
Шли эксперименты и контроль.
Чтобы защищать и восстанавливать,
Попусту не рвать природы круг,
Людям вред и пользу устанавливать,
Чтобы атом стал не враг, а друг.

Озеро в зеркальном блеске утреннем,
Тишина на сонном берегу,
Память о былом уже не в инее, —
Утонула с головой в снегу.
Заросло всё, бродят тени прошлого,
Заколочены, стоят дома.
Биостанция давно заброшена,
Атлантидой, под тайгой она.
Нет таблички для простого знания, —
Память — у участников в сердцах,
Напечатана она в воспоминаниях,

Дорожка в Лабораторный корпус.

Оживает в искренних словах.
Жизнь моя уже, почти что, прожита,
Шлю молитвенный привет родным!
Остается озеро хорошее,
И туман — седой, как белый дым.

Лабораторный корпус

Лабораторный корпус деревянный,
Третий этаж, просторный кабинет,
Здесь были боги, с ними Леонардо
Отсюда позаимствовал сюжет.

Спуститься по дорожке, искупаться,
Нырнуть поглубже в эту красоту,
И, голышом, ей с головой отдаться,
Почувствовать забытую мечту!

Меняются столетья и погода,
Но остаётся тот же шум берёз.
Душа соединяется с природой,
Летит, дымком горящих папирос.

У этого балкончика когда-то
Встречал рассвет научный цвет страны.
Перевернул внезапно эти даты
Звук топора и лопнувшей струны.

Есть декорация, но нету Моны Лизы, —
Но в памяти она еще стоит,
И в даль уральскую, что перед ней открылась,
В безмолвии восторженном, глядит…

Райское утро

Утро нежится лесное,
Светит ласково роса,
Льется небо голубое
На озерные глаза.

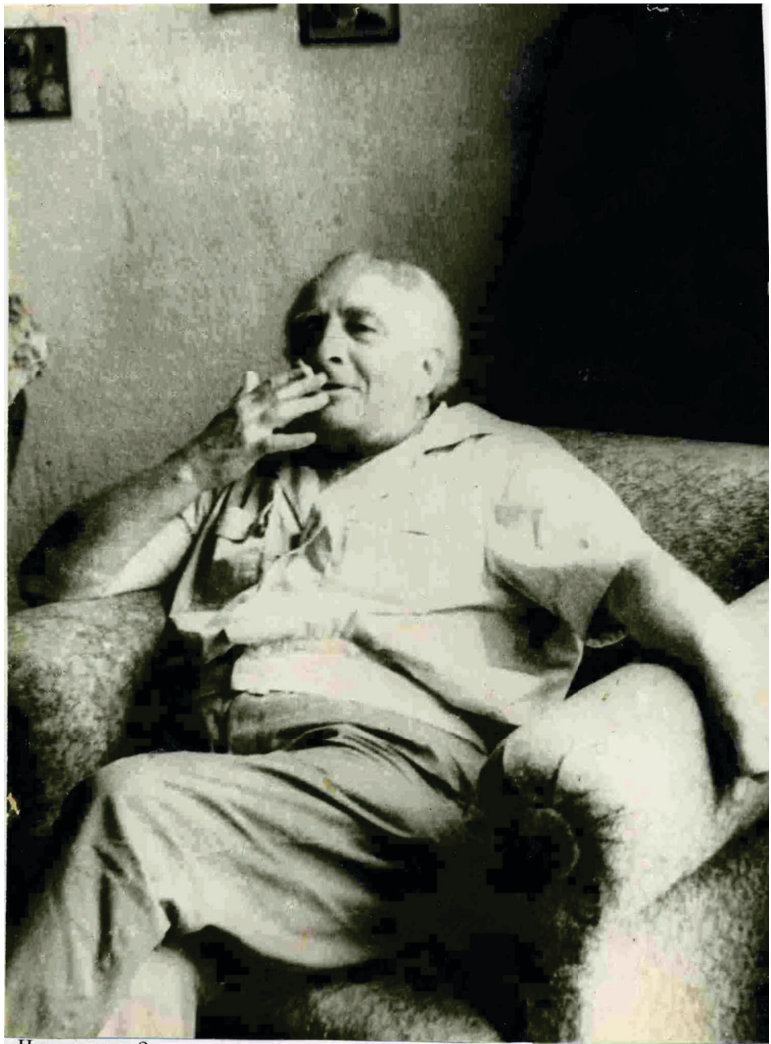
Горизонт, зарей расцвечен,
Над туманов молоком
Гаснут звезд ночные свечи,
Веет легким ветерком.

Прячется луна за горку,
Зеркало воды дрожит.
Открывает день светёлку,
Сон, прохладою, бежит.

Зажужжало солнце, феном,
Разбудив шмелей и пчел.
Иволга поёт, рефреном;
Паучок теньоту сплёл.

Покраснела земляника,
Аромат в лесу грибной.
Востает святого лика
Образ прямо над сосной.

Смайлик выше покатило,
Слава Богу, помолясь.
Рай навстречу отворило,
Жизнь земная удалась!



Чем не трон?
В знаменитом кресле приходят гениальные мысли

"В науке бездна поэзии",- Н.В.Тимофеев-Ресовский.

В кулуарах с Зубром: Л.А.Блюменфельд, В.П.Парибок, Ю.Я.Керкис, А.М.Жаботинский, В.И.Иванов.

Кораблик

Ты стоишь на приколе,
вросший в галечный берег,
Место древних застолий,
ритуальных молений.
Сторона твоя север,
и кордон Миассово.
Захожу на Кораблик я снова,
и снова…
Синева и простор,
дали, негою полны,
Заповедный узор,
серебристые волны.
Гор пологих вершины,
покрытые лесом,
Свои тайны хранят
за туманной завесой.
Слева солнце встает,
значит справа садится.
Вдохновенный восторг
миллионы лет длится.
Манит счастьем мечта,
окрыляет столетия
Твои киль и борта,
готовит к отплытию.
Сколько пламенных душ
на тебя восходили,
И свое восхищение,
замирая, дарили!
Иду берегом: пирс,
где качаются лодки,
Небольшие мостки,
кремни — в гальке находки.
Подступают к воде
поля огородов.

Озеро Большое Миассово. Вид со скалы Кораблик.

В стороне, на холме
палаточный город.
Подхожу, вот Кораблик,
краской выцвели даты,
На тебе обозначенные,
кто-то имя царапал.
Сверху шепчет березка
мне былые преданья.
Захожу на Скалу...
и концы обрубаю...

Блаженная суббота

Каждый день выходной,
каникулы школьные были.
Проводил их в лесу,
у озера милого детства.
Среди них все субботы
особенно помню, любил я,
Потому что шли в баню с парилкой
поселка семейства.

Каждый с тазиком плыл
по дороге
вдоль огородов…
Рядом с берегом,
щеки которого
гладили волны…
Заходило за горы высокие в даль
усталое солнце…
Жизнь, казалось нам, — там
открывается —
за горизонтом…

А обратно из бани
    туман провожал над болотом,
Рыбы плеск и веслА
    слух ласкал над зеркальною чашей.
Стадо блеяло нам
    и мычало на дойке чего-то,
И, блаженной субботой,
    наполнялся
        смысл
    вечности нашей…

Дорожки

«Там на неведомых дорожках…»
Александр Сергеевич Пушкин

Есть дорожки такие, где жизнь —
Божий промысел, райское место.
Может быть, по аллеям любви
Там гуляют жених и невеста?

Может быть, над протёртым ковром,
Там витают удачные мысли?
Заповедной лесною тропой,
Манит нас аромат земляники…

Набережною или мостом,
Полем, площадью, или бульваром…
Затерялся на них покой,
Манит прошлое, любящим взглядом.

Океанов, морей и суш,
Наши стартовые площадки,
Где зарницы в сечениях душ, —
Не погаснут любви лампадки.

Может, в детстве остались они.
Возвращаться — плохая примета,
Но без них звезды прячут огни,
И напрасна молитва эта.

Чудеса — значит, вечно живём,
Все родные, любимые с нами,
С ними вместе мы рядом идём,
Улыбаясь друг-другу, глазами.

Торит каждый свой жизненный тракт
От рассвета и до заката…
Ждут дорожки заветные нас,
Где мы счастливы были когда-то.

На Латочке

Археологам в Миассово,
под руководством
Лии Яковлевны Крижевской (1916—1995)

Круг камней из серого гранита
На полянке сложенный, лежит.
Здесь была стоянка неолита,
Нынче археологи пришли.

По идее древнего народа, —
Это место встречи у костра.
Не могла всесильная природа
Круг сложить — не случая игра.

Озеро синело между сосен.
У причала высилась скала.
Прятала следы раскопок осень,
Листьями, кружила и мела.

Делали разметку, план чертили,
Сеяли песок, варили суп,
Так в палатках лето пережили,
Песенный, не размыкая круг.

Обнажили слой культурный четко,
Взрезали лопатами века.
Черепки, очищенные щеткой,
Снова стали стенками горшка.

Каменных орудий артефакты
Жизни первобытной, непростой,
Дружбы и романтики контакты
Увезли ученые домой.

Выросли историки-студенты,
В суете от жизненных задач,
Но стоянку у скалистой ленты
Помнит каждый среди сосен мачт.

Серый круг камней из неолита,
Сложенный удобно у костра.
Кто принес и просто положил их,
Чтоб хватало всем вокруг тепла?

Не пылятся на музейных полках,
Обрастают мхом они в лесу.
Не в статье научной для потомков,
В своем сердце бережно несу.

К берегу когда-нибудь причалю,
И любовь подскажет, как мне жить:
Утолив сомнения и печали,
Свои камни, кругом, положить.

Травяная

За Латочкой залив другой,
его зовем мы Травяной.
Четыре с лишним километра
грести обычно против ветра.
Там первобытный человек
облюбовал скалистый берег.
А древние подлодки — щуки
рвут леску, блесна, режут руки.
И ставят сети браконьеры,

ловят без жалости и меры.
Кордонщик это верно знает,
и часто сети те снимает.
Отсюда виды все красивы,
бобры настроили плотины.
Деревья с берега склонились,
водою чистою умылись.
С болотом общая система
травою заросла без меры.
Туда на лодке не плыви, —
живут там дружно журавли.
Тайга уходит круто в небо,
становится здесь былью небыль.
Поёт и шепчет нам камыш,
душой своей, его услышь.
Если вдоль берега обратно,
то километров семь, понятно.
Плывешь на лодке на закате,
и свет так ласков и приятен.
Ты сторона моя родная,
Залив озерный Травяная!

Гамма-поле Алексашенко

Валентину Николаевичу
Алексашенко

Лежит зеленая низина,
Стоит туман по вечерам,
Зимою снежная равнина,
А летом травяной дурман.
  За изгородью жердяною
  И желтым знаком у ворот, —
  То было Ваше гамма-поле,
  Где опыты шли круглый год.

Поселок биостанции «Миассово».

Каскады грядок зеленели,
Культуры разные росли,
От загрязнителей звенели
Наушники дозиметрий.
  Упрямо годы шли работы,
  Считали каждый изотоп:
  Где, сколько, у какой биоты
  Он прежде накопиться мог.
Ночами, у костра мечтали,
Или по берегу вдвоём,
Дорожкой лунною, гуляли,
Слегка касаясь рукавом.
  Зарницы, Зевса колесницы,
  Встречали звездный караван…
  Пусть гамма-поле чаще снится,
  И незабвенный сарафан…

Н.В.Тимофеев-Ресовский и Н.В.Куликов
в рабочем кабинете под тимофеевским иконостасом, 1957.

А.А.Ляпунов со щукой, В.Г.Куликова с сыном Вовой, 1957.

Стефану Фамелису

С Вами я снова в Миассово,
Бог мой! Как изменились мы!
Ваш истукан, как будто новый,
Ему морщины не страшны.
Встречает всех на въезде в горку, —
Позвольте перейти на ты
Когда-то милому ребенку, —
Мы из одной с тобой мечты.
Стоишь, бывало, у калитки,
Сидишь на дружеском крыльце,
На лицах светлые улыбки,
Там каждый день был лучше всех!
По лесу пешие прогулки…
Помнишь корундовую копь?
Сапфир, прозрачной незабудкой,
Мне до сих пор волнует кровь…
А камни солнечный и лунный,
Бериллы и амазонит…
А травный аромат безумный,
Где земляника утром спит…
Костров загадочные искры,
Палатки дощатый настил,
Колодец, пирс, и общежитие,
А в клубе телевизор был…
И длились долгие мгновения
Нашей безоблачной весны…
Но, как уходят поколения,
Еще не понимали мы…
Жизнь — это только часть Природы,
Лишь Богу виден её смысл.
Спасибо, Стефан, за походы,
За то, что живы мои сны!
Еще спасибо Вам за память…
Нырнуть бы в озеро сейчас!

Туман… субботний вечер… баня…
И жизнь… вся впереди… у нас…
Культурный слой на гамма-поле
Отроют через тыщу лет,
Нам бородатый археолог
Пошлёт молитвенный привет…
А истукан Ваш неуклюжий
Всё также будет там стоять,
И также дождь стучать по лужам,
Преисполняя Благодать…

Пельмени

Альберту Александровичу Позолотину (1937—2000)

Лето, детство, вечерний,
Божественный свет,
Мы лепили пельмени
В общежитии все.
Была поймана щука,
Килограммов на пять,
Тесто, фарш, море лука,
Смеха, слёз не унять.
Анекдоты и песни…
Помню каждый пельмень,
Хоть и сварены вместе,
Но характеры есть.
Как грибочки, лежали,
Ровно строки в стихи,
Раз кривые, то знали,
Это точно мои.
Мы лепили их ночью,
У костра до утра,
Теста рваные клочья
Собирала игра…
Снова солнце вставало,

Это было вчера.
Только озеро знало,
Расставаться пора.
Тыща лет пролетело,
Клином, как журавли.
Но пельменное дело
Не могу позабыть.
Тесто утром поставлю,
Накручу рыбный фарш, —
Нашу родину славлю,
Детства розовый пляж…

На Лысую гору

Спит дорога лесная,
Вдоль обочин трава.
Колея заросла, и
В лужах мокнет листва.
Сосны, ели, березы,
Смольный запах, грибной,
Могут выступить слезы
Пред такой красотой.
Вверх идем к перевалу,
На полянах цветы,
Им ручьи напевают
Свой хрустальный мотив.
Треск разносится веток, —
Это лоси бегут.
Ты сумел разбудить
Их домашний уют.
Столбы мерные просек,
Мягок хвойный подстил, —
Не встречал человека,
Сколько раз здесь ходил.
Вот, похоже, налево
Нужно тут повернуть.

Ильмены.

Без тропы, прямо в небо,
Горный держим мы путь.
Тяжело подниматься,
Всего метров шестьсот,
А желанье остаться,
Отдохнуть на часок.
Круче, круче последний
До вершины рывок.
Целое восхождение,
Да поможет нам Бог!
Имя Лысая носит
Эта наша гора.
В поднебесье возносит
Пик свой серый скала.
А восточный склон — поле,
Земляники полно,
Дикой вишни раздолье,
Змеи есть — одно «но».
Ну, а главное счастье,
Если здесь побывать,

Вид увидеть прекрасный,
Всех озер благодать!
Островами лесными,
Между ними тайга.
Что такое Россия,
Понимаешь тогда.
Нижним ярусом горы
Приступили к воде.
Вот оно, Миассово,
На ладони твоей!
Узнаёшь все заливы,
Словно картой, лежат.
Досконально в бинокль
Видно там всё подряд.
Путь обратный неблизкий,
И пора уходить.
Нашу Лысую гору
Никогда не забыть!

Пью озёрные туманы

Летним джинном из бутылки,
Минус сорок лет назад, —
Слышу трели лесопилки
В знойном пении цикад…

Я бездельник на природе,
Загораю и ужу.
Моё детство на исходе,
В юность сложную вхожу…

Сине-облачным подолом,
Даль укутала покос.
Окликают, птичьим хором,
Косы девичьи берёз.

Пьёт озёрные туманы
Память с белого листа.
Где не выросли бурьяны,
Жизнь приятна и чиста.

Там, как прежде, зеленеет
Ветка ивы над водой…
Даже джинн от чувств немеет
И не просится домой.

Лесопилка в Миассово

Дорогому
Геннадию Афанасьевичу
Уфимцеву

Издали слышен звон лесопилки.
Крутится-вертится с визгом пила.
Доски штампуют, брызжут опилки,
И, штабелями, — работа видна…
Звук обрывается в часы обеда,
Точно включается после опять.
Так, чтобы спорилось дело, кипело,
С ритмом пилы можно время сверять…
Всё на сегодня, стихло внезапно…
Тёплое солнце сползло на закат.
Слышно, — ревущее стадо обратно
С пастбища двигается назад…
Время устало у лесопилки,
Замерло в сумерках, до утра…
Годы заполнили жизни копилку…
В памяти Вы со мной — навсегда!

Моему рыбацкому котелку

Добротный сплав дюралевый, без ручки,
Зачищенный от копоти костров,
Мой талисман на рыболовный случай,
Как пионер, стоял всегда готов…

КружкИ, веревка, удочки лежали,
Крючки и блесны, баночка червей,
А в лодке его рыбой нагружали,
От щуки до огромных окуней…

Свидетель многолетних приключений,
Не покорился общей он судьбе,
И выскользнул из рук в пылу волнений,
Лежит сейчас на дне, на глубине…

Он не был брошен, до конца сражался,
Свой честно выполнил достойный долг,
Так в памяти моей всегда остался
Дюралевый рыбацкий котелок…

Лодка тихо качается

Лодка тихо качается,
Весла рядом лежат.
Свет волны отражается
И баюкает взгляд.

Берегами гористыми,
Осень гулко звенит.
И мозаика чистая
Под лазурью лежит.

Даль душе откликается,
Скоро выпадет снег.
Леска вдруг напрягается,
Повело, я подсек…

Это жизнь, а не кажется,
Ветерок и дымок,
И, удачею, ляжет мне
На ладонь окунёк.

Отпускаю и слушаю
В тишине глубину.
Как монетку послушную,
Опускаю ко дну…

Лодка плавно качается,
Солнце капает вниз.
Красотой наполняется,
Продолжается жизнь.

Гул моторки

Бьет волна о борт, качает лодку,
Мимо берег, как в немом кино…
На корме я старенькой моторки, —
Это время кончилось давно.

На заходе ласковое солнце
Нежится и гаснет за горой.
А моторка над водой несется, —
Мне давно уже пора домой.

Этот гул моторки снова слышен, —
Сердце разговоры завело…
И теперь, то громче он, то тише,
Говорит о счастье, о былом.

Остров любви

Остров Любви… не надо больше слов.
К нему причалить — навсегда остаться!
Из древних снов великая любовь
Будет всегда тебе на нем являться.

Здесь памятник не нужен; обелиск —
Он сам — соединенье душ влюбленных, —
Меж Малым Миассово и Большим,
Кольцом воды и Небом, обрученных.

Зыряновка

Павлу Степановичу Зырянову (1922—1974)

Залив заросший, неглубокий,
Скалистый берег с двух сторон,
Нагроможденьем глыб высоких,
Овальных серых валунов.
  А между ними сосен мачты,
  Березки, трепетной листвой,
  Шумят на ветерке приятно,
  Свободу правят и покой.
Ночных бобров видна работа,
Обглоданных осин стволы,
Запаса на зиму забота
И, хаток над водой, холмы.
  Безлюден пляжик снежно-белый, —
  Природный кварцевый песок,
  Листвой и тиною усеян,
  Повсюду трав озерных клок.
В болото может превратиться
Лет через сто этот залив,
А может снова возродиться
Волны бушующий прилив.

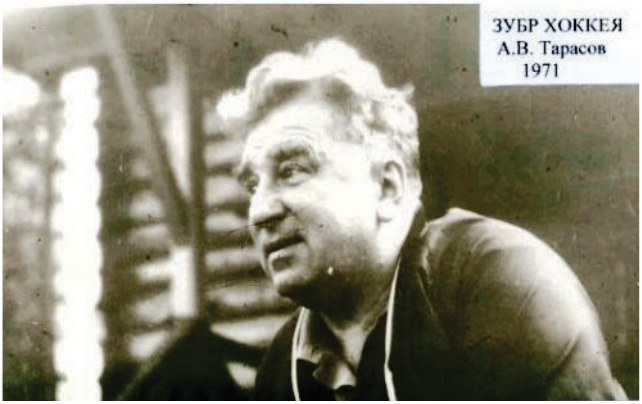
Павел Степанович Зырянов,
Хороший, добрый человек,
По мненью общему, названье
Заливу дал своё навек.
Приди на берег, на скалистый,
Увидишь солнечный закат,
И совершишь любви открытие
Встречая звёзд ночной парад.
Природы красота — бездонна,
Хотя и неглубок залив
Зыряновка, — в душе народной
Остался плод научных нив.

Наш клуб

Дорогому Петру Ивановичу Юшкову

Panta rhei

Меж соснами, на косогоре домик,
Бревенчатый, красным крыльцом, встречал.
Две комнаты просторных, один столик,
Был клубом он для всех, кто его знал.
Со спинками сколочены, скамейки
Стояли тесно в комнате одной,
А перед ними общий телевизор
В лесную глушь нес целый мир собой.
Просмотр саг, мгновений, сериалов
Вершили ежедневный моцион.
И зрители при этом не молчали,
Особенно, когда шел наш футбол.
Открыто ключ всегда висел над дверью,
Чтоб каждый мог легко сюда войти.
И семинары каждую неделю
Все лето продолжали здесь идти.
Обычно в недождливую погоду



Скамейки выносили на траву,
Трибуну ставили, и лектор на природе
Растечься мог по древу наяву.
Так, многие здесь много выступали.
Мы слушали, валяясь на траве.
Помню, Тарасов, тренер легендарный,
Мечта мальчишек, — золотой хоккей,
Здесь про дела и жизнь родной дружины
Рассказывал с любовью и добром.
Понятно было, как несокрушимой,
Росла команда под таким крылом.
А, поглотив науки выступления,
Ученые шли к нам, на ужин, в дом.
И долго слышалось раскатистое пение,
И озарялось озеро, костром.
Клуб, телевизор, впереди лужайка,
В траве тропинка до крыльца идет.
Так это было, как теперь, — не знаю,
Полынь, наверно, горькая растет.

Зубру хоккея

Тарасову Анатолию Владимировичу,
замечательному человеку и великому тренеру

Носился с клюшкою и шайбой я во дворе
по вечерам.
Все детство проболел за наших, у всех соседей
побывал,
Где был какой-то телевизор, в газетах только спорт
читал,
В лицо всех хоккеистов помнил, и Озеров во мне
звучал…
А летом ездил в заповедник, с родителями
в глухомань,
Рыбачил, в общем был бездельник; счастливой
жизни сладок рай!
Однажды вечером ребята сказали, будто только что
Приехал на кордон Тарасов, и сердце екнуло моё.
В пятничный вечер за грибами пошли с отцом,
идем и ах,
Стоит у берега Тарасов с кишками бычьими в руках.
Как оказалось, ловит раков, и я тогда их тьму
ловил.
Он в двух словах рецепт готовки свой новый
смачно объяснил.
Отец же с ним договорился о лекции про наш
хоккей,
Попариться, помыться в баньку позвал, чтоб было
веселей.
Тарасов сразу согласился… в субботу в клубе был
аншлаг.
На воздух вынесли скамейки, под соснами трибуна,
факт:
На травке вполукруг лежали, народа много
собралось.

За два часа про жизнь в хоккее поведал нам под
шум берез.
Запомнились его «мальчишки», душевный тембр,
добрый взгляд,
Вопросы сыпались любые, он отвечал на все
подряд.
Про чехов, судей и канадцев, Харламова
и Чебаркуль,
С детьми как надо заниматься, поездки, страны,
планов куль,
Как надо хорошо учиться, тренироваться и играть,
И мы ему побед желали, канадцев вскоре
обыграть!
После гуляли по поселку, в лабораторию зашли,
От чая отказался только, а вечер в бане провели.
Ух и хвалил он нашу баню! Поселок весь в неё
ходил.
После шести мужчинам праздник незабываемый
здесь был!
До озера пятнадцать метров, и можно,
постигая суть
Счастья, пылко разбежаться и в воду голышом
нырнуть!
Меня Тарасов долго парил… Еще? Еще! я устоял
Раз пять, наверно, начинал он, и жар всё больше
поддавал!
Отец немного волновался, А.В. спросил: Чей
парень? Мой.
Ваш парень крепкий оказался, пойди на холодок
постой.
Гордился я, 12 лет мне летом исполнилось тогда,
Спорт для меня был всем заветным, с улыбкой
до ушей стоял.
А самого уже качало, в прохладу вышел, за порог,
К деревьям, где и полегчало, скрыть ото всех я
слабость смог…

Рассказы в бане все про бани, и это всё не пустяки,
Почти полвека пробежали за эти скромные стихи.
Давно закрыто Миассово, его следов на карте нет,
Когда-то вспыхнуло сверхновой, оставив
негасимый свет…
Те годы в сердце моем живы, и если трудно
на пути,
Зову я образ, мной любимый, — Тарасов, верю,
победит!

Миг счастья

Всем миассовцам

Вдоль берега, тропинкою лесной,
Между осин, поваленных бобрами,
Мы за грибами вечером идем,
И сердцем, впечатленья набираем.

Камыш и камни моются в воде,
Переплели деревья свои корни,
На скалах мхи лежат, покой везде,
Мы посидим, и этот миг запомним…

Пройдет, тропинкой узкой, наша жизнь,
Пустой корзинка будет, или полной,
Под вечер ты обратно оглянись,
Миг счастья, Миассово вспомни.

Его полузабытый аромат,
Лес, озеро, туман, родные лица…
Застынет сердце, стрелкой на часах,
Но это счастье будет вечно длиться…

Залив Травяная.

Зимник.

Тишь да гладь...

Западный берег Большого Миассово.

Вперед в детство!

Они меня всю зиму ждали...
В начале лета приезжал.
И нервы, лесою, дрожали, —
Так я рыбалку предвкушал.

Мой первый взгляд был между сосен,
Берез, кустов, под косогор,
Туда, где волн белела проседь,
И шум прибоя пел мне хор.

Достав заветную блесёнку,
Её я чистил добела,
Вдевал крючки умело, ловко,
Готовил удочки всегда.

Ждала, звала, цвела свобода,
Леса, поля, друзья, мечты,
С тех пор начало лета года
Любимо мною, все в нем ты,

Мое родное Миассово,
Рай на Земле чудесный здесь.
Закидываю спиннинг снова,
Ловлю твою благую весть.

Так, кто же больше ждал (?), простите:
Меж окон бабочек излет,
Шинель отцовская, любитель
Полакомиться рыбкой, кот,

Мой берег, лодка, и Кораблик,
Скала — извечный ориентир,
Опять, простите, деревянный
На два очка М-Ж сортир,

И детство рыбное, грибное,
Где земляничный аромат,
А в банке молоко парное,
Колодец, огород и сад,

Избушка клуба гостевая, и стАйки,
Смелый — верный конь,
Жуки блестящие, луна ли,
Мед, баня, гОланки огонь (?)...

Перечислять я не устану,
Оно зовет меня, зовет...
Когда-нибудь, я старым стану,
И совершу туда уход.

Валентина Георгиевна и Николай Васильевич Куликовы, 1957.

Прощание с озером

Светлой памяти моих родителей

Невозможно описать словами
Рай на Земле, устроенный богами.
Однако же, попробую, стихами,
Доверить сердце ручке и бумаге.
    Последний год на станции кончался,
    Переезжали жители в Заречный.
    Настало время с озером прощаться,
    Момент разлуки будет длиться вечно.

С отцом и нашим добрым звероведом
Ожеговым, в казанке на рыбалку
Поехали, до вечера удили,

А на закате приняли по чарке,
отметить расставание решили.
Отец на нос, водитель за мотором,
Я на сидении удобно примостился.
С тех пор моторки звук, вечерним звоном,
В душе моей молитвенно полился.

Вкруг берегов мы о своем молчали,
Вся жизнь, казалось, мимо проплывала,
И озеро вздыхало вместе с нами,
И солнце за горами исчезало.
Давно безлюдна зона Миассово.
Рай детства снится, долгими ночами,
Родные лица там встречаю снова,
И радость побеждает все печали!

Перевал

Нине Алексеевне Тимофеевой

Двенадцать километров — два часа.
В Миассе столько, а затем обратно.
Так путешествовали мы через леса, —
Преодоление трудностей приятно.

Дорога в гору сквозь тайгу вилась
Вдоль берега, Затем путь поднимался
На Перевал, вершина так звалась, —
Через него в Машгородок спускался.

Давно я этот путь не начинал…
Подсказывает тающее время
О том, — что в каждом деле перевал,
Единственною жизнью, нам отмерян.

Наша дорога

Андрею Николаевичу Тимофееву

Во поле дорога,
Скошена трава.
У большого стога
Сделаем привал.

Всё еще мы дети,
Теплый летний день,
Встали на рассвете,
Разогнали лень…

Где лесок, где речка,
Путь далек лежит.
Как же бесконечно
Нам хотелось жить!

Отдохнули, с богом,
И пошли опять,
Нас ведет дорога,
Что еще желать?

Моим родным

Занавес, пустеет зала,
Гаснут нежные лучи…
Ощущение финала,
Одиночество в ночи…
Тишину роняет небо
На прибрежные кусты…
Голос Твой услышать мне бы,
Но молчишь сегодня Ты…
Оживают многоточия,
Полыхания зарниц,

Контрапунктом среди ночи,
Грохот Зевса колесниц…
Отголоски эха тише,
На седые берега
Опускаются всё ниже
Одеяла-облака…
Даль небесная искрится,
Завораживает взгляд,
И листаются страницы
Книги памяти назад…
Миг волшебной встречи светел,
Я любовь свою нашел,
Жизнь прошла, и не заметил,
Значит, было хорошо…
Серебром озерной чаши,
Откупается луна…
Всё проходит в жизни нашей,
Оттого и не до сна…
Сосны вытянули руки,
Гладят волосы берёз…
Кто не умер от разлуки,
Значит, не любил всерьёз…
За туманом звезды ближе,
Между душами мосты…
Береги себя, — я слышу,
Надо мною светишь Ты…
Вместе мы опять, как будто,
Суть гармонии проста…
Ощущение дебюта,
Утро чистого листа…

Моим друзьям

Родом мы из детства,
Там всё нипочем,
Открываем юность,
Золотым ключом.
Переходный возраст,
Первая любовь
Зажигает звезды,
Отворяет новь.
Вот уже и дети —
Дружная семья.
Есть еще на свете
Верные друзья.
На лице морщинки,
Сердцу не до сна,
На виске снежинки,
На душе весна.
Покоряем горы,
Отдых и подъем,
Через лет заборы,
Через бед затор.
Множатся печали,
Близится закат.
В розовые дали
Оглянись назад.
Из тугого лука
Времени стрела,
Мы уже во внуках,
Наша жизнь прошла.
Разгоняет тучи
Детства божий свет,
С верою нам лучше,
Старости как нет.
Нет надежней средства:
В возрасте любом

Возвращайтесь в детство,
Свой родимый дом...
Вас встречает мама,
Вы — её любовь,
Как же мало надо,
Чтоб воскреснуть вновь!

Из детства

В печку дров подложу,
Сяду рядом в тепло.
На огонь погляжу,
Сердцу станет светло.
    Жаром, угли пылают,
    Слышен треск из огня, —
    Моя жизнь пролетает,
    Догорает она.
Но тепло остается,
Греет годы спустя.
Барабанят в оконце,

Дробью, капли дождя.
Искрометная радость,
Мой пленительный сон, —
Звездно падает август,
Летний вышел сезон.
Это было когда-то,
Так уже далеко,
Ощущенье заката,
На губах молоко.

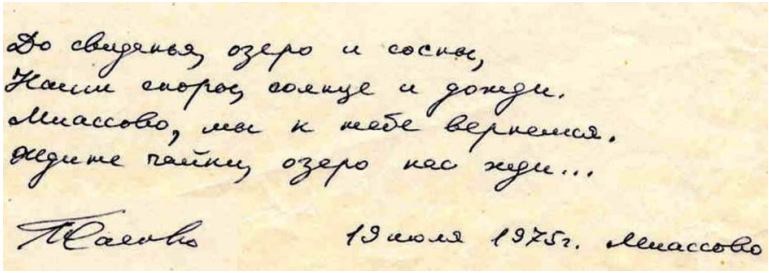
У озера

Запах полынно-бензинный,
К пирсу тропинка ведёт.
Солнечный, знойный и длинный
День нас у озера ждёт.
Тянется долго к закату,
Кажется, целую жизнь.
Самая важная в-пятых,
Мне открывается мысль.
Вновь опускается вечер,
Лунной дорожкой бреду.
Лодок звенящие цепи
Слышу на том берегу.
Рядом идет мое детство,
Мне улыбается мать, —
Не ностальгия в наследство, —
Памятная благодать!
Жизнь — это вечное чудо,
Где в одиночку нельзя, —
Снова со мной ниоткуда
Лучшие в мире друзья...
Запах полынно-бензинный,
К пирсу тропинка ведёт.
Солнечный, знойный и длинный
День нас у озера ждёт.

Синий Урал.

Остров Любви.

Большое Миассово.



До свиданья, озеро и сосны,
Наши споры, солнце и дожди.
Миассово, мы к тебе вернемся.
Ждите тайны, озеро нас жди...

Саенко 19 июля 1975г. Миассово

Автограф стихотворения доктора биологических наук
Галины Николаевны Саенко.

Пробирки с мухами-дрозофилами в лаборатории Н.В.Тимофеева-Ресовского в Берлин-Бухе. 1930-е.

Мир насекомых

Мир насекомых — нам наука:
Мильоны видов на земле,
Нас тяжелее даже муха,
Если измерить сразу всех.

Средь шестиногого народа
Всего милее мне жуки.
Их неприступная порода
Грызет гранит моей тоски.

Божьи коровки, короеды,
Жуки-олени, усачи,
Пахиты, златки, скарабеи,
Жужелицы, рогачи...

Снимаю бронзовку с цветка я,
И мир становится родней.
Тогда я, сердцем, понимаю, —
Забыто что-то у людей...

Н.В.Тимофеев-Ресовский в пожеванной быком рубашке.
Фотография из архива Г.И.Махониной.

Чудесная рубашка

Сущность жизни — главное в природе, —
Силу Бог простой рубашке дал, —
Бык достал рубашку в огороде
И её до дырок изжевал.
    А затем, в задумчивости полной,
    Бык стоял, смотрел во все глаза:
    Человек, рубашкой окрыленный,
    Открывал природы чудеса...
На его всесильную рубашку,
Мокрую, прилипшую к спине,
Прилетала каждая букашка
И рассказывала о себе...
    Душу нежил райский свет приятно,
    Небо грело и пьянило кровь, —
    Стало, в сущности, быку понятно:
    В жизни Это главное — ЛЮБОВЬ!

Те же мы...

Те же мы, и всё также краснеет над нами рябина,
Также часто грустим в неизменном течении буден.

Год — значительный срок, эпоха в стремительном
мире,
Снова осень, а завтра проснемся, зима уже будет.

Продолжается жизнь, тихо падают желтые листья,
Повторяются наши, всё более круглые, даты.

Отдаляется кто-то от нас, может быть, очень
близкий,
И напрасно жалеть, и не нужно искать виноватых.

Мысли те же веками приходят бессонниц ночами,
В них мечта о продлении нам быстротечного
счастья.

Когда рядом любимые, в жизни прекрасно все
с нами,
Загадать всё труднее становится это желанье.

Но, бывает, что вспыхнет рябины осеннее пламя,
И исчезнет в огне наша грусть, наше вечное кредо.

Я на свете живу, потому что ищу лишь тебя я,
И на встречу с тобою, однажды весною, надеюсь.

Родное Миассово

Крутит память немое кино
О земле позабытого рая.
Заблудился в печали давно
Наш тапёр, свой мотив подбирая.

Обручился с водою туман,
День рождается вместе со мною.
Разукрасив земной сарафан,
Солнце выплыло в небо родное…

Растворился туман в голубень,
Дом поплыл, низкой палубой крыши.
Открывает мне окна сирень,
Обнимает черёмуха вишни…

Снова здесь собрались — это мы,
За обычным сидим разговором.
Полегли доски нашей судьбы,
Тени прошлого, павшим забором…

Ты приходишь, ночами во снах;
Дом из детства я издали вижу.
Полечу к тебе, дом, на крылах,
Наяву, сяду, птицей на крышу…

Погрустим мы с тобою вдвоем,
Над ушедшими нами поплачем.
И, закатом, за синей горой
Свою грусть от себя снова спрячем.

Блюз в ночи доиграл пианист.
Жизни крутится плёнка пустая.
День затих, и взлетела зарниц —
Райских бабочек — звёздная стая…

Елена Александровна и Николай Владимирович
Тимофеевы-Ресовские в Миассово, 1965.
Автор фотографии С.В.Тарчевская.

Заповедник Любви

Ильменскому государственному заповеднику им. В. И. Ленина

У каждого свой заповедник, —
Он называется Любовь.
Его уничтожает время,
А он во снах приходит вновь.

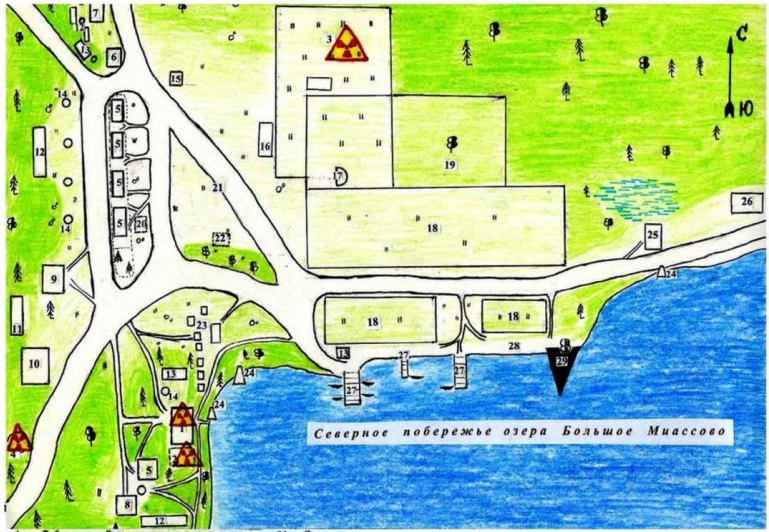
Цветы забвения здесь дремлют
На поле прожитых чудес.
Всё глубже прорастает землю,
Загадочно темнеет лес.

Так, как задумано богами,
Сплелись в небесный хоровод
Узоры лиственниц над нами,
И птичий реквием поёт…

Душа пронизана, любовью,
Одна надежда на неё.
Трава, подушкой к изголовью,
Нашепчет Имя мне Твоё.

Любовь без устали, волною,
Мильоны лет ласкает взгляд
И, заповедною тропою,
Ведет обратно в райский сад.

Там исчезает наше время,
И просыпаемся мы вновь,
Чтобы грядущим поколениям
Сияла Вечная Любовь!



1. Лабораторный корпус с излучателем в подвале
2. Опытная площадка
3. Гамма-поле с излучателем
4. Место для захоронения радиоактивных отходов
5. Жилые дома
6. Жилой дом с магазином
7. Жилой дом с общежитием
8. Жилой дом местных жителей (Шаховых)
9. Клуб
10. Гараж
11. Лесопилка
12. Помещения для скота
13. Складские помещения
14. «Удобства» на улице
15. Трансформаторная будка
16. Навес для трактора, сенокосилки
17. Колодец
18. Огороды
19. Яблоневый сад
20. Детская площадка
21. Футбольное поле
22. Площадка для волейбола, бадминтона
23. Палаточный городок с кухней-столовой под навесом
24. Водокачки
25. Баня
26. Кордон заповедника
27. Пирсы, мостик, лодки
28. Пляж
29. Скала-кораблик

Карта-схема биостанции Миассово.

Подсолнух

Всем любимым людям…

Счастлив тем навсегда,
что любовь постоянно со мной:
Замечательных лиц,
прекрасных людей окружение.

Кораблик. Художник и дизайнер Александр Воронов, 1998.

Слышу времени жизни
несмолкающий, вечный прибой.
И на Млечном Пути
совершаю за Солнцем движение...
Стресс снимаю я спортом,
стихами, едой и вином.
Помогает общение,
дарит надежду и радость.
Иногда выхожу на дорогу,
один и, всё тем же путём,
Я за Солнцем Любви
через поле судьбы направляюсь...
Так и буду шагать
на работу и снова домой,
Удивляясь природе,
Любуясь сезонами года.
И пока это так,
все любимые будут со мной, —
Никуда не ушли,
они здесь — в синеве небосвода...

ЧТО ТАКОЕ «ВАЖНО В-ПЯТЫХ»?

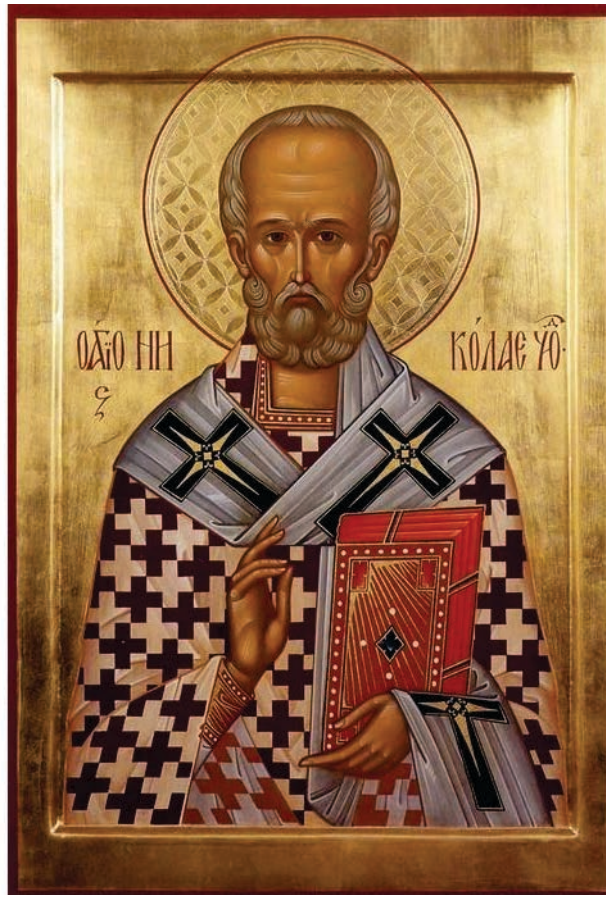
В 1922 году Николай Тимофеев-Ресовский и Елена Фидлер обвенчались в храме Успения Пресвятой Богородицы на Могильцах в Москве. Рисунок Екатерины Осиной.

К началу работы в Атомном проекте СССР в секретной Лаборатории «Б» в 1947 году у Е.А.Тимофеевой-Ресовской были репрессированы брат и две сестры, у Н.В.Тимофеева-Ресовского были репрессированы два брата. Старший их сын Димитрий был репрессирован в Германии. Елена Александровна и её младший сын Андрей были понижены в правах и не имели паспортов вплоть до 1953 года. Судимость с Н.В.Тимофеева-Ресовского была снята только в 1955 году.

Что такое «важно в-пятых»?

> *«А почему сие важно в-пятых?»*
> *Н.С.Лесков, Шерамур, 1879*

Что такое «важно в-пятых»?
Это значит тишина,
Где остались наши даты,
Жизнь которыми полна.
Где, оттаявши весною,
Со скамейки голубей
Я кормлю и, стороною,
Скачет шустрый воробей.
Календарь уносит листья,
Фотографий греет след, —
Поминальная традиция,
Негасимый вечный свет.
Не поймут и не узнают,
Что такое «в-пятых» те,
Кто родных не поминает
В суетливой суете.
Благодать моя и радость,
На земле небесный рай,
Все, что в жизни мне досталось,
Было счастьем через край!
Светят дивные закаты,
Водят звезды хоровод.
Взявшись за руки когда-то,
Вместе мы идем вперед.
Косы белые берёзы
Распускают до земли,
И сиреневые грёзы
Навевают журавли.
Главное пребудет «в-пятых», —
Истина любви проста, —
Воскресение распятого
И безгрешного Христа!



«БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ, И ПРЕБЫВАЮЩИЙ В ЛЮБВИ ПРЕБЫВАЕТ В БОГЕ, И БОГ В НЕМ» (1 ИОАН. 4:16).

Моя Бабушка

Бабушка любила Светлый Праздник,
Убирала дом, двор, огород,
И пекла мне вкусные оладьи,
Даже ночью, мало Ей забот!
  Бабушка молилась на иконы,
  В воздухе крестила, провожая,
  Слышу Воскресенья перезвоны,
  Ангел мой, со мною Ты, живая!
Бабушка молилась на иконы:
Ангел мой всегда меня хранит.
Слышу Воскресенья перезвоны, —
Бабушка со мною говорит…

Аби

Бесконечное начало,
Каждый день звучит намаз, —
Если утром солнце встало,
Значит слышит нас Аллах…
  Вековечные работы
  И молитвы о семье, —
  Обо всех родных заботы,
  Нет и мысли о себе.
Жизнь была, как пост, суровой:
Бедность, трудности, война…
Каждое молитвы слово —
Переполнено сполна…
  Нам завещанные суры,
  Тихий шепот под тасвих, —
  Защищают нас повсюду
  Крылья ангельские их.
Перед памятью склоняюсь,

Последний приезд Н.В.Тимофеева-Ресовского в Москву.
Апрель, 1980. Автор фотографии Н.А.Ляпунова.

Вечным образом, живи!
Пусть Аллах дарует радость,
Я люблю тебя, Аби!

Последний приезд в Москву

Становится наука не важна,
Апокалипсис состоялся в душах,
Лишь чудакам еще чего-то нужно,
Но уезжают, отряхая прах.
    Здесь всё развеяно, остались только мы,
    Но ждёт забвение и нас за поворотом, —
    Уныние — достойно идиота,
    Не знающего собственной страны.
А скольких погубили ни за что!
Мы все друг-друга держим на прицеле,

Бессмысленно, без всякой доброй цели,
Уничтожаем — живо что еще.
    Кто с Хлебниковым — снова на бобах,
    Кто с Перельманом, молодёжи скучен,
    Всеядно шоу разъедает души,
    Всего в избытке, пусто в головах.
И все-таки горит моя звезда,
Звезда любви, забытого романса!
Нет, никогда нам не лишиться шанса
Остаться вместе с нею навсегда!

Перельман

Деньги мы, всё продав, отнесли
В МММ для Мавроди.
Мы поверили в рынок, —
Где доверчивость, там и обман.
Оказался недойным бычок,
Забили его при народе,
Но забыли про то,
Что есть среди нас Перельман.

Облизали мы яйца
Золотому тельцу на Уолстрит,
Погрязли в коррупции
Власти — сброд новых господ.
Только, всё равно, знаю:
Россия любима Господу,
Так как в ней Перельман,
непонятный народу, живет.

Что нам кажется важным,
окажется позже забытым.
Из колоды история
вытащит Божий джекпот.

Рисунок Екатерины Осиной.

Ведь Добро абсолютно,
враги его будут разбиты…
Как всегда, Перельман
В магазин за кефиром пойдет…

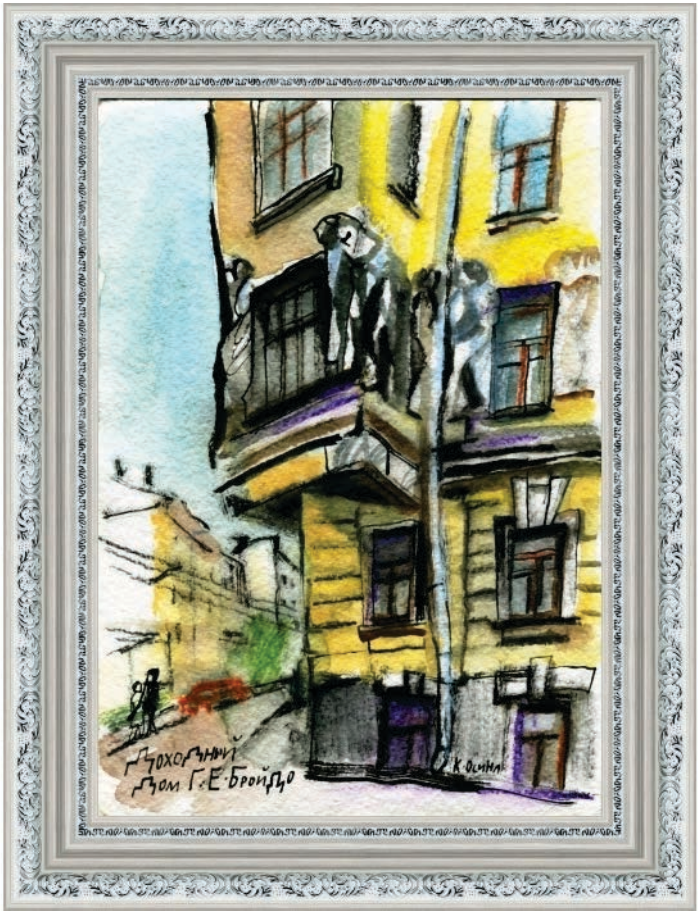
Тимофеевская прогулка по Арбату

Терентьеву Анатолию,
сценаристу и режиссеру

Из Арбатской подземки,
Муравьиной тропой,
В переулок Никольский
Я иду за тобой.

Усадьба Всеволожских XVIII века, где родился
Н.В.Тимофеев-Ресовский.

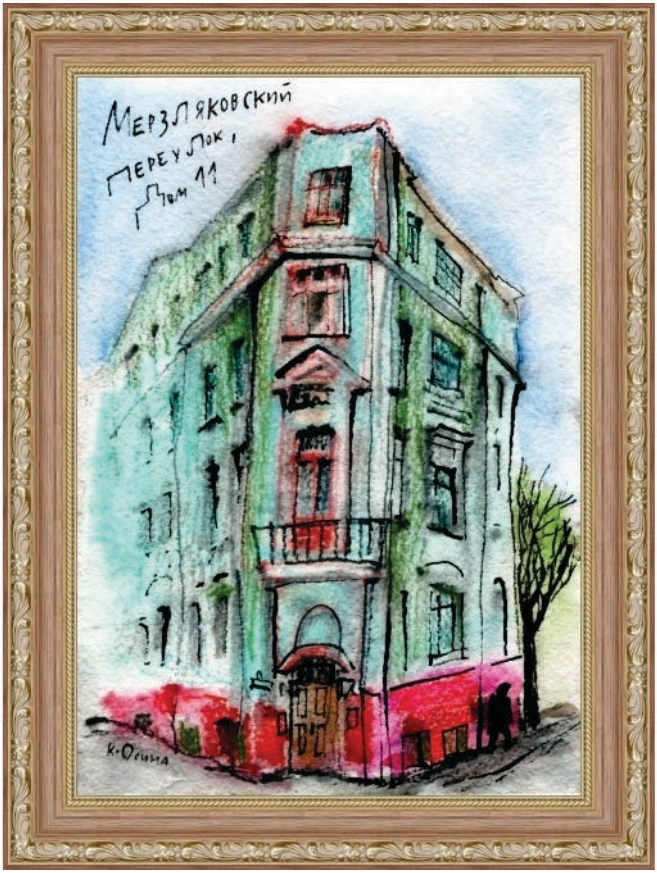
Над надписью окна квартиры Тимофеевых-Ресовских



Соседний с Тимофеевыми дом. Здание украшено ростовыми скульптурами русских писателей с музами в пикантных позах. Среди них можно узнать Гоголя, Пушкина и Льва Толстого. Рисунки Екатерины Осиной.

Дом, где жила семья Фидлеров.

Здание Алфёровской гимназии, где училась Леля Фидлер.



Здание Флеровской гимназии, где учился Николай Тимофеев-Ресовский. Рисунки Екатерины Осиной.

Дом, где жил Н.В.Тимофеев-Ресовский в годы учебы в гимназии и университете. Рисунок Екатерины Осиной.

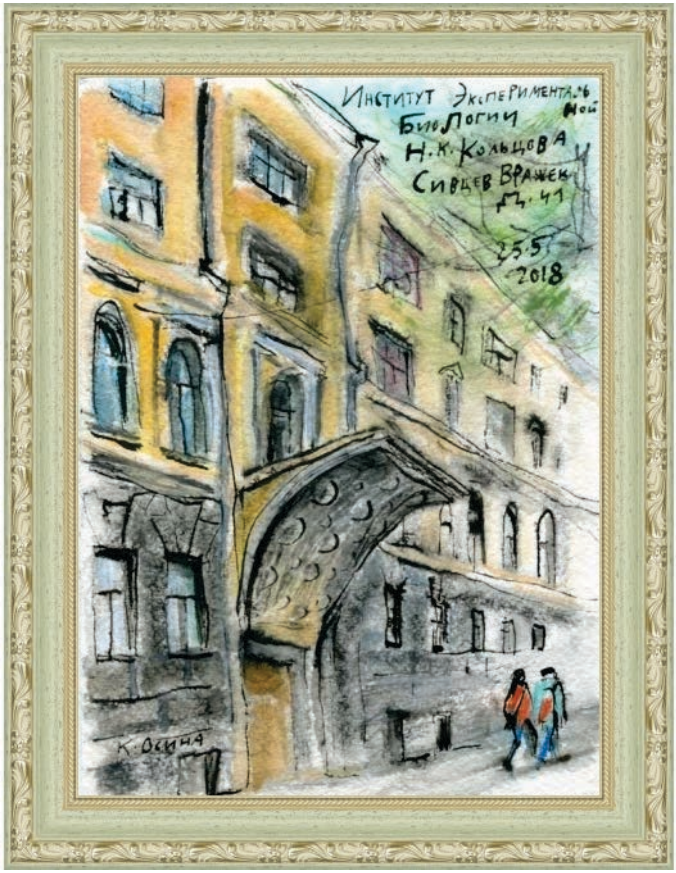
С Окуджавой шагаем,
Солнечной стороной,
Век обратно мотаем,
Шар вращаем земной.
  Здесь Поленов рисует
  Знаменитый этюд,
  И друзья Реформатские,
  И Залогины тут.
  Еще живы фигуры,
  Белоснежен их гипс,
  Замыслы партитуры
  В барельефах слились.

Дом, где жили друзья Реформатские.

Дом, где жили друзья Залогины. Рисунки Екатерины Осиной.

Здание МГУ на Моховой.

Здание Университета имени А.Л.Шанявского.



В этом здании работали Тимофеевы-Ресовские.
Рисунки Екатерины Осиной.

Соседнее здание, где работали Тимофеевы-Ресовские.

В этом здании Пречистенского рабфака и практического института преподавал Н.В.Тимофеев-Ресовский.
Рисунки Екатерины Осиной.

Гоголь, Пушкин, усадьба,
Здесь когда-то Толстой,
Как Наташиной свадьбой,
Любовался Москвой.
Здесь Колюше с Еленой
Улыбались цветы,
Май влюбленно и пенно
Вдохновлял молодых.
  Это центр Вселенной,
  Здесь венчались они,
  Дали клятву на верность, —
  Божья светится нить.
  Также вместе, как в школу,
  Шли Арбатским двором,
  На работу к Кольцову,
  В Институт за углом.
Свои вечные двери,
Открывает Приют,
Рукавишников верил,
Семена прорастут.
Сзади прячется церковь,
Век двадцатый бежит.
И Ресовских, и Фидлеров
Ждет нелегкая жизнь.
  Здесь герой наш родился,
  На Пречистенке, — вновь,
  Видим юные лица
  Освещает любовь.
  Светел дворик московский,
  Мы идем на рабфак,
  На Остоженке корни
  Знаниевых атак.
Круг маршрута обратно
Завернулся кольцом,
Всех увидеть приятно,
Сбылся сладостный сон!

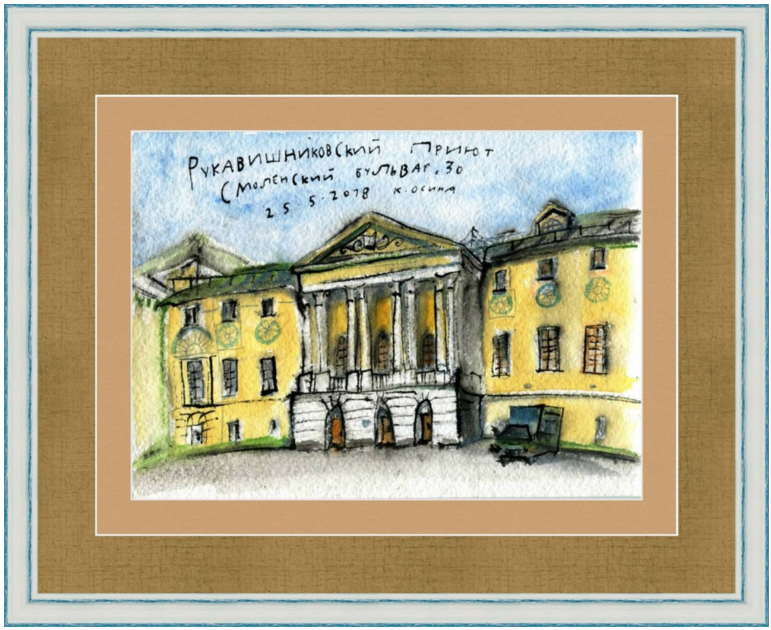
Я ныряю в подземку,
Как простой муравей,
Подставляет ступеньку
Эскалатор теней…

Рукавишниковский приют 1864—1920

Стрекаловой Александре Николаевне (1821—1904),
братьям Рукавишниковым
Николаю Васильевичу (1845—1875) и
Константину Васильевичу (1848—1915),
Фидлеру Александру Александровичу (1850-е-1913),
всем сотрудникам приюта
Москва, Смоленская-Сенная площадь, дом 30.

По Смоленскому бульвару,
По Садовому кольцу,
К Министерству Иностранных
Затруднен проход лицу.
Рядом Церковь Николая
Чудотворца и приют
Рукавишниковский, знаю, —
Банк Райффайзен нынче тут.

Каменные стены эти
Помнят счастливые дни, —
Помогали многим детям,
Стать нормальными людьми.
Всё отдали, что имели,
Души, деньги, свет идей, —
Божьей волей, преуспели
В воспитании детей.
Ни таблички, ни заметы,
Поросло всё, забытьем,
И закрыта церковь эта, —
Непонятно, что за дом.
Иномарок вереница
Выстроилась дорогих, —



Здание бывшего Рукавишниковского приюта, директором которого работал А.А.Фидлер, отец Елены Александровны Тимофеевой-Ресовской. Рисунок Екатерины Осиной.

Государственные лица,
Им сейчас не до святых.
Совесть не находит места
Ни в Москве, ни у страны, —
Видно, здесь не то соседство,
Не тем местом, мы сильны.
Потеряли свою память,
Банк — конечно, хорошо,
Только совесть не исправить, —
Нет в России таких школ.
Бродят призраки святые
В этом Центре Добрых Дел,
Незаметные, простые,

Поминать их — наш удел.
Люди мы — пока известно,
Без табличек и замет, —
Это памятное место,
Где святой России след.

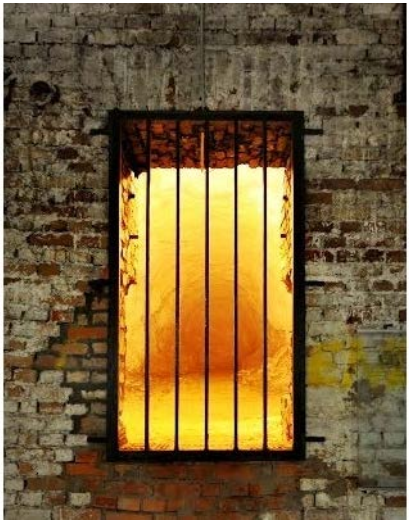
Слава герою-антифашисту

Димитрию Николаевичу
Тимофееву-Ресовскому
(11.09.1923—01.05.1945)

Ты родился в Москве в двадцать третьем,
Жил в Берлине, где встретил войну.
Первокурсником в университете,
В двадцать лет был посажен в тюрьму —
За печатание прокламаций,
Сводок Совинформбюро,
Антигитлеровскую агитацию, —
Боролся, как только мог...
Ты скрывал евреев, и беглых, —
Спасал от полиции их,
Отравить хотел Розенберга,
Генерала Власова с ним.
Год тюрьмы, Маутхаузен после,
В Эбензее в конце войны
Ты погиб... погибали сотни,
Тысячи, миллионы таких.
Взгляд оставил на фото детский,
Письма к матери из тюрьмы,
Стал чужим для граждан немецких,
Для российских не стал своим.
Без гражданства, был патриотом,
Ты за Родину отдал жизнь.
Может быть, тебя вспомнит кто-то,
Ведь, героев мы знать должны...

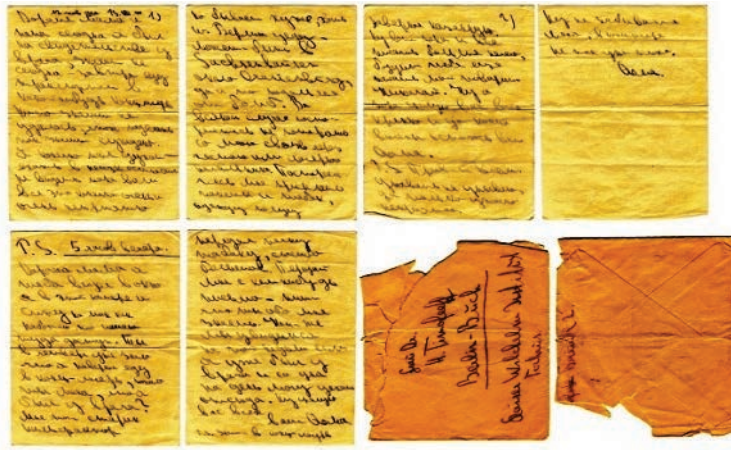
Каменная арка для ворот концлагеря Эбензее. В 1995 году на арке установили памятную табличку с текстом «В память о более чем 8000 людей, которые пришли в концлагерь Эбензее умереть». Сами ворота экспонируются возле входа в штольню.

Коттеджи на месте бывших лагерных бараков. Планировка улиц этого района практически повторяет лагерную.
Автор фото и комментариев А.А.Терентьев.



В музее концлагеря Эбензее (Австрия). Музейная штольня. Это отгороженная решеткой замурованная часть тоннеля. За решеткой висит густой туман, поэтому изображение слегка размыто. Автор Анатолий Терентьев назвал фотографию «Окно в ад».

Вход в одну из штолен (стоимость 4 евро). Музейная экспозиция в штольне.



12 часов дня 13.07. 44 1)
Дорогие мама и
папа сегодня я был
на свидетельстве у
врача, значит не
сегодня - завтра еду
транспортом в
какой-нибудь концлагерь.
Ничего значит не
удалось, что же поделать
так значит суждено.
Я конечно пал духом -
ехать в неизвестность
не видеть пока воли
все это конечно очень и
очень неприятно.

(на обороте)
но бывает хуже, хоть
из Берлина уеду –
может быть в
Sachsenhausen около Oranienburg,
да и на подалее
от бомб. Во
всяком случай поста-
райтесь не потерять
со мной связь через
гестапо или лагерного
начальника. Постарай-
тесь мне присылать
пакеты и табак,
одежду получу

наверное казенную. 2)
Ну вот, пока и все
писать больше нечего,
будет тебе еще
писать мой товарищ
Николай. Ну а
пока целую вас всех
крепко и до конца
войны остаюсь ваш
Фома.
PS. Привет всем.
Унывать не унываю,
да только ужасно
неприятно.

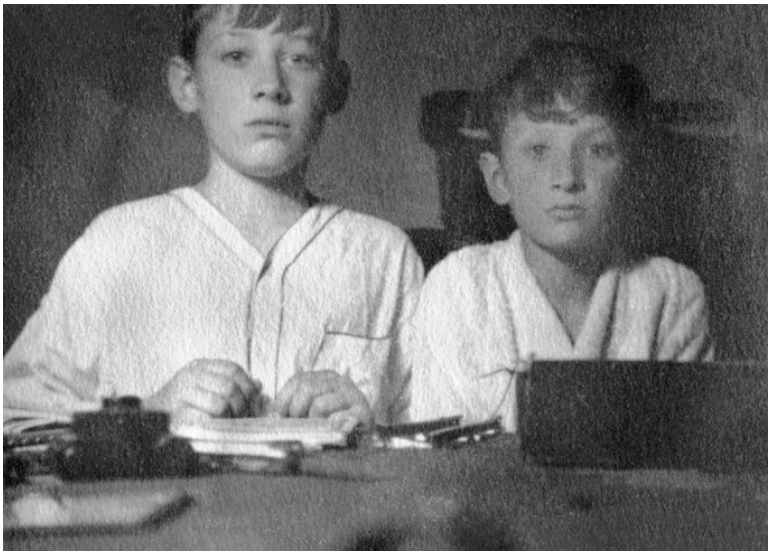
(на обороте)
Ну не забывайте
меня. В концлагере
не так уж плохо.
Фома.

PS. 5 часов вечера.
Дорогая мама, я
тебя видел в окно
я в этой камере не
сижу но так как
работаю то имею
туда доступ. Ты
в четверг уже знала
что я наверно еду
в концлагерь, поняла
ты меня, что я
был у врача?
Мне тот старик
кальфактор

(на обороте)
передал пачку
табаку, спасибо
большое. Передай
мне с кем-нибудь
письма – пиши
что ты обо мне
знаешь. Как-же
мы увидимся
на той неделе если
я уже был у
врача и со дня
на день могу уехать
отсюда. Ну целую
вас всех
ваш Фома.
P.S. Значит в конц-лагерь

Фотография и текст письма Фомы из тюрьмы 13.07.1944

Н.В.Тимофеев-Ресовский с сыном Димитрием (Фомой).
Звенигород, 1924 год.



Братья Димитрий и Андрей Тимофеевы. Берлин-Бух, 1935 год.

Но от Родины нет ответа,
Государство не знает слёз.
Помнят славу геройскую эту
Только ветер и шум берез.

Бессмертный полк

Во фляжке водка убывала,
Дождь до лопаток доставал,
Колонна два часа стояла,
Каждый в руке портрет держал…
Цветы, Георгиевские ленты,
Ура, Катюша, мал, велик…
Бессмертный полк на День Победы
Неиссякаем, как родник.
Мой друг — с отцом, супруга — с дедом,
Сегодня ожил мой герой, —
Частицей каждого, в Победу
Был вклад внесен бесценный свой.
Уже замерзла до предела
Девчоночка, как воробей,
Несет портрет героя-деда,
Прекрасна, в гордости своей…
Сороковые, роковые —
Хранит народный наш архив.
Пока их помним, мы живые,
Они живут среди живых…
Стоим в сторонке, тихо курим
И наливаем по сто грамм,
За вас, родные наши люди,
Пьем с вами чашу пополам…
Идем… теплеет у трибуны,
В нас чувство общее — любви, —
Бессмертный полк навеки будет,
Лишь только б не было войны.

... Я прорицаю, в этом месте —
Придет торжественный момент —
И лет примерно через двести
Вам всем воздвигнут монумент.
Потом, сединами украшен,
Какой-нибудь энтузиаст
Записки все отыщет ваши,
А академия издаст...

из поэмы «Сунгулиада»
Н.В. Лучника

Эпиграфом к книге Лаборатория "Б". Сунгульский феномен. (Емельянов Б.М., Гаврильченко В.С. - Снежинск. Издательство РФЯЦ-ВНИИТФ. 2000) послужили строки из поэмы, написанной Николаем Викторовичем Лучником (1922-1993), одним из крупнейших мировых ученых в области радиационного мутагенеза и генетики человека. Н.В.Лучник работал в Лаборатории "Б" с 1947 по 1955 гг.

С 1947 по 1955 гг. Тимофеевы-Ресовские работали в секретной Лаборатории «Б» МВД СССР, которая была создана в 1946 году около города Касли в Челябинской области, на берегу озера Сунгуль. Н.В.Тимофеев-Ресовский возглавлял Отдел биофизики, Е.А.Тимофеева-Ресовская работала научным сотрудником, их младший сын Андрей работал лаборантом и учился в Уральском университете. В штате были как вольнонаемные, так и заключенные советские специалисты, а также интернированные немецкие ученые и специалисты. Среди немецких ученых были Карл Гюнтер Циммер, Ганс Иоахим Борн, Александр Зигфрид Кач, Иосиф Шинтльмейстер, Вильгельм Менке, Генри Эрнст Ортман, Курт Ринтелен, Рената фон Арденне и другие. С 1950 по 1952 год научным руководителем Лаборатории «Б»

являлся друг Тимофеевых-Ресовских, физик и радиохимик Николаус Риль.

Задачи Отдела биофизики были обусловлены радиоактивным загрязнением окружающей среды при разработке, создании и испытании атомного оружия в СССР. Они включали: изучение действия ионизирующих излучений на живые организмы, в том числе генетические эффекты; изучение путей ускорения выведения радионуклидов из организма животных; изучение влияния малых доз облучения на рост и развитие живых организмов и на урожайность растений; изучение распределения радионуклидов в почвах и водоёмах; биологическую очистку радиоактивных сбросных вод.

В 1948 году был введен в эксплуатацию первый в СССР промышленный реактор для наработки оружейного плутония. Он находился всего в сорока километрах от Лаборатории «Б», что позволяло осуществлять постоянные поставки радиоактивных растворов осколков деления урана, что было необходимо для научно-исследовательских работ.

В результате Лаборатория «Б» выполнила 365 научных отчетов. Все эти отчеты являлись секретными документами до 1954 года. В 1955 году Лаборатория «Б» была ликвидирована, отчеты о научных работах были рассекречены, и стала возможной их публикация.

Н.В.Тимофеев-Ресовский считал эти радиоэкологические исследования на Урале экспериментально наиболее продуктивными в своей научной жизни. Следуя традициям и наследию великих русских ученых В.И.Вернадского, В.В.Докучаева, Г.Ф.Морозова, Б.Б.Полынова и В.Н.Сукачева вместо «радиоэкологии» он предпочитал название «радиационная биогеоценология».

Тотальная инсталляция в здании бывшей Лаборатории «Б» на 6-й Уральской индустриальной биеннале современного искусства. Художник Павел Отдельнов (Москва). Сунгуль, 11.09.2021.

Здесь памятная гекатомба,
Одна из тех гулажных лет,
Уран, плутоний, атом, бомба,
Сунгулевый звенящий след…
    Любовь, защита, смысл жизни,
    Талантливая молодежь…
    Арт-реконструкция Отчизны:
    То, что посеешь, то пожнешь, —
Распад страны, позор кумиру…
В сухом остатке — божий дар —
Мир обезумевшему миру,
Ответный ядерный удар.

Дом Тимофеевых-Ресовских. Сунгуль (Сокол), ул. Парковая, 12.
Автор фотографии Артем Краснов.

Картина «Мушка», 2021. Художник Павел Отдельнов.

Акмолинский Лагерь Жен Изменников Родины

Им нет могил, им ветра стон и плач,
Машина смерти, лагерей, расстрелов,
Без покаяний, счета и пределов, —
Палач в России больше, чем палач.

Отбором эволюции, вохра
Восстановила царские палаты,
Где сталинские алгоритмы святы
В стране освобожденного труда.

Теперь мы топим за капитализм,
Законны олигархия и бедность,
И нет нужды расстреливать за вредность,
За этот, в сущности напрасный, стих.

Степной, буранный и святой АЛЖИР,
Войною обозначенный гражданской,
Кнутом, тоскою, унижением, рабством...
Поверить трудно, как прекрасен мир!

Высшая Мера Социальной Защиты

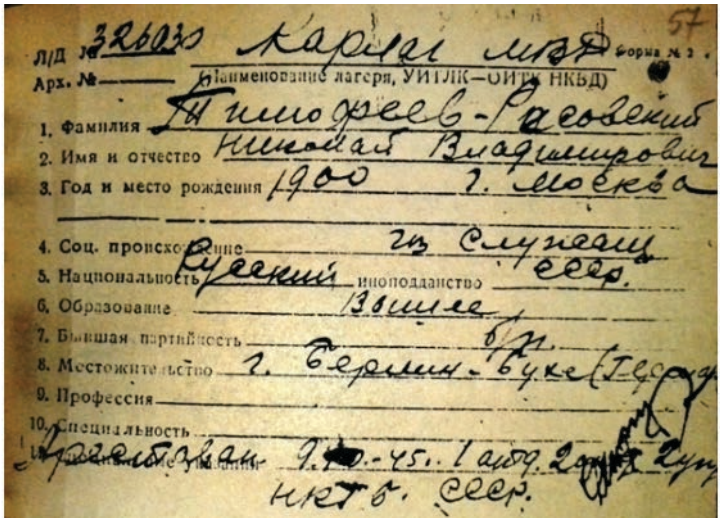
Нам, потомкам даже и не снится,
Что в истории родной страны
Была репрессивная традиция,
И архивы ужасов полны.
По музеям холодеют дула,
Высшей меры свой исполнив долг.
Наша память навсегда уснула,
Всё прощает христианский бог.
Тех же, кто пытается напомнить
О невинных жертвах палачей,
Государство делает юродивыми,
А свою вину — виной ничьей;

Объявляет бывшее-не бывшим,
И шагреневым мартиролог.
Скоро станет социально лишним
Знать, за чьи грехи, распят был Бог.

Безопасная среда и соцзащита:
Лучшее всё — детям, старикам, —
Льготы, помощь, улучшение быта,
Веский материнский капитал…
Управления и министерства —
Кладезь бесконечной доброты,
Человеколюбящего сердца,
Чистой преисполнены мечты.
Вам наград не надо и оваций,
Вы придете, только позови, —
Вывести из трудных ситуаций,
Новый Храм построить на Крови.

Жертвам, чьи могилы разрушены

Сносят могилы, без счета и времени,
Не утруждаясь перечнем, схемами.
Нет бы на карте привязку их к местности
Для виртуального кладбища сделать?
    Значит, специально следы заметают,
    Память угробить, изгоями выставить.
    Вряд ли чудак, дотошный историк
    Сможет в архивах сожженное выследить.
Будет пугать, поведеньем неистовым,
Нас молодежь за могилы убитые.
Плит тектонических следуют сдвиги,
Памятник Ельцину, краской облитый.
    Будет коррупция, злом подогретая,
    Силовики и законы бессильные,
    Ночь, соловьиным разбоем, пропетая,
    Совесть пока не взойдет над Россией.

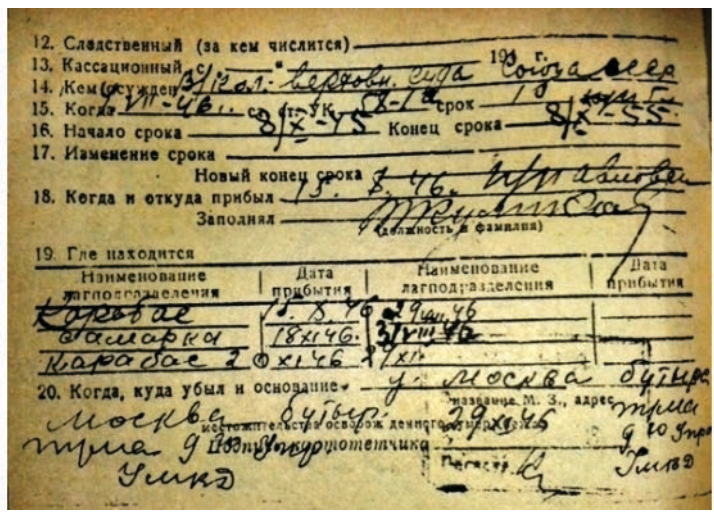


Л/Д № 326030 Карлаг МВД Форма № 2

Арх. № (Наименование лагеря, УИТЛК—ОИТК НКВД)

1. Фамилия Тимофеев-Рясовский
2. Имя и отчество Николай Владимирович
3. Год и место рождения 1900 г. Москва
4. Соц. происхождение из служащ.
5. Национальность Русский иноподданство СССР.
6. Образование Высшее
7. Бывшая партийность б/п.
8. Местожительство г. Берлин-Буке (Германия)
9. Профессия
10. Специальность
11. Специальное указание Арестован 9.10.45. 1 отд. 2 отд. 2 упр. НКГБ. СССР.

Документ из Карлага (лицевая сторона).



12. Следственный (за кем числится)
13. Кассационный с 19 г.
14. Кем осужден Вер. Сл. Верховн. суда Союза ССР
15. Когда VII-46 г. ст. УК 58-1а срок 10 ...
16. Начало срока 8/X-45 Конец срока 8/X-55
17. Изменение срока
Новый конец срока 8.46. Приговор
18. Когда и откуда прибыл 15.8.46.
Заполнял (должность и фамилия)
19. Где находится

Наименование лагподразделения	Дата прибытия	Наименование лагподразделения	Дата прибытия
Карабас	15.8.46	29 VIII 46	
Самарка	18 XI 46.	31 VIII 46	
Карабас 2	8 XI 46	27 XII	

20. Когда, куда убыл и основание у. Москва бутырс. Москва бутыр. 29 XI 46 трма 9 го упр. УМКД

Название М. З., адрес местожительства осворож. денного сумма 9 го упр. УМКД

Подпись корототетчика

Пересылка

Документ из Карлага (оборотная сторона).

«ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БАС ПРОКУРАТУРАСЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ СТАТИСТИКА ЖӘНЕ АРНАЙЫ ЕСЕПКЕ АЛУ ЖӨНІНДЕГІ КОМИТЕТІНІҢ ҚАРАҒАНДЫ ОБЛЫСЫ БОЙЫНША БАСҚАРМАСЫ» МЕМЛЕКЕТТІК МЕКЕМЕСІ

100012, Қарағанды облысы, Қарағанды қаласы, Қазыбек Би атындағы ауданы, Жамбыл көшесі, 97
Тел.: 8(7212) 56-40-90. БСК KKMFKZ2A

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «УПРАВЛЕНИЕ КОМИТЕТА ПО ПРАВОВОЙ СТАТИСТИКЕ И СПЕЦИАЛЬНЫМ УЧЕТАМ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПО КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ»

100012, Карагандинская область, г.Караганда, район имени Казыбек Би, улица Жамбыла, 97
Тел.: 8(7212) 56-40-90. БИК KKMFKZ2A

04.09.2017 № 2-20-17-04954

Тереньтьеву А.А.

Ваше обращение о предоставлении архивных сведений в отношении Тимофеева-Ресовского Николая Владимировича, 1900 г.р., рассмотрено.

Сообщаю, что архивными сведениями Управления Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан по Карагандинской области подтверждается факт отбывания наказания на территории Карагандинской области Тимофеева-Ресовского Николая Владимировича, 1900 г.р.

Тимофеев-Ресовский Николай Владмирович, 1900 г.р., уроженец г.Москвы, образование – высшее, по национальности – русский, местожительство г.Берлин (Германия) (так в документе).

В/коллегией Верховного суда СССР осужден 04 июля 1946 года к 10 годам лишения свободы с п/п 5 лет (так в документе).

Начало срока 08 октября 1945 года, конец срока 08 октября 1955 года.

15 августа 1946 года прибыл из г.Петропавловск в п.Карабасс Карагандинской области (так в документе).

29 ноября 1946 года убыл в Бутырскую тюрьму г.Москвы (так в документе).

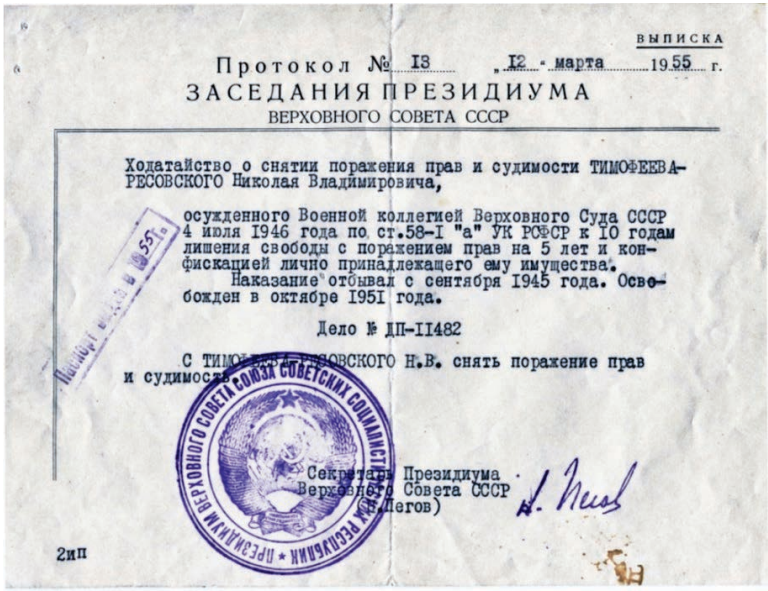
Другими сведениями в отношении вышеуказанного лица архив управления сведениями не располагает. Личное дело на осужденного в архиве управления не значится.

В соответствии со ст.34 Закона РК «О прокуратуре» в случае несогласия с данным ответом, Вы вправе обжаловать принятое решение в Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК, либо в суд.

Заместитель начальника Управления
старший советник юстиции **Е.Нильдибаев**

исп. Байкунаков К.А.
тел. 8(7212) 56-93-83

0047374



ВЫПИСКА

Протокол № 13 „12" марта 1955 г.

ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА

ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Ходатайство о снятии поражения прав и судимости ТИМОФЕЕВА-РЕСОВСКОГО Николая Владимировича,

осужденного Военной коллегией Верховного Суда СССР 4 июля 1946 года по ст.58-1 "а" УК РСФСР к 10 годам лишения свободы с поражением прав на 5 лет и конфискацией лично принадлежащего ему имущества.

Наказание отбывал с сентября 1945 года. Освобожден в октябре 1951 года.

Дело № ДП-11482

С ТИМОФЕЕВА-РЕСОВСКОГО Н.В. снять поражение прав и судимость.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
(Н.Пегов)

2ип

Вследствие официального гонения на генетику во время чисток противников теории Лысенко, большинство лучших генетиков погибли в тюрьмах и трудовых лагерях. Н.И.Вавилов умер от голода в тюрьме в 1943 году. Г.Д.Карпеченко, Г.А.Левицкий и С.Г.Левит также умерли в тюрьме. Были репрессированы учителя Н.В.Тимофеева-Ресовского: С.С.Четвериков был осужден в 1929 году, арестован и сослан в Свердловск (ныне Екатеринбург); он умер в 1959 году; Н.К.Кольцов был преследуем, изгнан со всех должностей и умер в 1940 году, вслед за ним лишила себя жизни его жена Мария Полиевктовна.

Памятник в Мемориально-музейном комплексе памяти жертв политических репрессий и тоталитаризма 30—50 годов в селе Акмол (Казахстан). Звезда проколота штыком. Увековечена память о времени, когда мир был виден сквозь тюремную решетку. Автор памятника и создатель Мемориального комплекса Иван Иванович Шарф (1930—2008). Автор фотографии А.А.Терентьев.

Карлаг

Пройдут года, и день настанет, —
Над пересыльною тюрьмой
Звезда, расколотая, встанет,
И горе, - черною дырой.

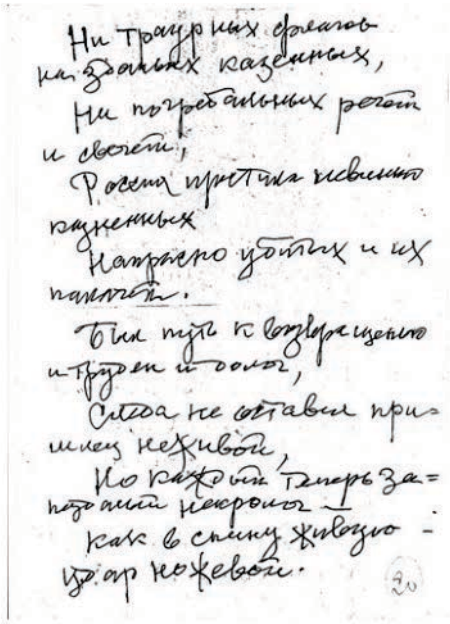
Руины на месте бывшего лагеря в Самарке, где Н. В. Тимофеев-Ресовский отбывал свой срок.

Руины завода ЖБИ в Карабасе (завод отстроили на том самом месте, где была пересыльная тюрьма, где лечили Н.В.Тимофеева-Ресовского, и о которой Солженицын писал, что если делать музей Гулага, то лучшего места не найти). Комментарии и фото А.А.Терентьева.

Художник Михаил Васильевич Нестеров. Картина «Соловки», 1917.

Соловки

Бывает плохо: впереди стена
Непонимания, барьеры отношений,
Обижен, или виноват когда,
Тревоги от обыденных волнений, —
Я прихожу к Тебе на Соловки,
Брожу там по картинкам в Интернете,
И слышу Благовест, — рассудку вопреки,
Становится мне легче жить на свете.
Страдания обитель — мой приют,
Молитвами столетий — за нас, грешных…
  И жизни своей малую тщету
  Кладу здесь на алтарь святой надежды.


Ни траурных флагов
на зданьях казенных,
Ни погребальных речей
и свечей;
Россия простила невинно
казненных
Напрасно убитых и их
палачей.
Был путь к возвращению
и труден и долог,
Следа не оставил при-
шлец неживой,
Но каждый теперь за-
поздалый некролог —
Как в спину живую —
удар ножевой.

Первая половина текста из стихотворения «Боль» (1950-е), его автор поэт Анатолий Преловский (1934—2008). Автор второй половины стихотворения неизвестен.

Н. В. Тимофеев-Ресовский обычно переписывал стихи любимых поэтов, составлял списки авторов и их литературных произведений. Делал он это для чтения во время домашних вечеров с друзьями и гостями. Приведенные выше, написанные Н. В. Тимофеевым-Ресовским, строки его ученик Владимир Ильич Иванов любезно предоставил для презентации доклада Розе-Луизе Винклер на конференции Немецкой ассоциации выпускников и друзей Московского университета им. М. В. Ломоносова, посвященной 100-летнему юбилею выдающегося генетика-радиобиолога Н. В. Тимофеева-Ресовского 15 сентября 2000 года.

ПРОКУРАТУРА

Российской

Федерации

29.06.92 №13/3-1279-92

Москва

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Гр-н Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович

Год и место рождения 1900, г. Москва

Место жительства до ареста г. Берлин-Бух, Германия

Место работы и должность /род занятий/ до ареста Отдел Генетики и биофизики института мозга в г. Берлин-Бухе, руководитель

Когда и каким органом осужден /репрессирован/ арестован 10 октября 1945 г., осужден 4 июля 1946 г. Военной коллегией Верховного суда СССР

Квалификация содеянного и мера наказания /основная и дополнительная/ ст. 58-1 "а" УК РСФСР, 10 /десять/ лет лишения свободы.

На основании ст. 3 п. "а" и ст. 5 Закона РСФСР "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18 октября 1991 года гр-н Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович реабилитирован.

Помощник Генерального

Прокурора Российской Федерации Г.Ф. Весновская

Миассово

Ёжится август осенью ранней,
Альдебаран играет, блесной.
Греют меня воспоминания,
Вновь возвращают в посёлок лесной.
    Слышу идущее с пастбища стадо,
    Скоро пойду за парным молоком, —
    Мне бы сегодня лучше туда бы,
    В мои туманы над Тибром-рекой…
Спит в серебре заветное озеро,
Гордый Кораблик — скала любви,
Через века мчит свой парус березовый
В волнах зеленого моря тайги.
    Мы в этом мире случайные зрители:
    Светят зарницы небес купола,
    Скачет, гремит колесница Юпитера,
    Млечная ночь укрывает поля…
Шепчутся тени с плаксою-свечкой,
В лунном денарии Цезаря лик,
Счастья подкова, ведро у крылечка,
Печка, диван, полка читанных книг,
    Над рукомойником ключик от лодки,
    Удочки, спиннинги, лески, крючки,
    Дверь на веранду, портрет Незнакомки,
    Струганы, кольцами, досок сучки…
В Рим все пути ведут, к отчему дому,
Вижу родителей, брата, друзей, —
Рай на Земле — моё Миассово,
Мой Пантеон, мой Колизей!
    Via est vita, жизнь есть дорога, —
    Те же холмы и звезда над стеной, —
    Там, за последним причалом, у бога,
    Вечный мой город пребудет со мной…

Н.В. Тимофеев-Ресовский с сотрудниками, заведовавшими в разные годы биостанцией Миассово – Н.В. Куликовым, Н.М. Макаровым, О.К. Гусевым. 1962 г.

Родное крыльцо

У каждого своё лицо
Есть то, где суть души сокрыта, —
Ты, моё отчее крыльцо,
С тобою жизнь моя прожита.
    Висит подкова у двери,
    Ключи от дома и от лодки,
    Родные и друзья мои,
    Живые на альбомной фотке…
Ты в памяти, как узелок,
Ты — Родина в высоком смысле,
Ах, если б выразить я мог
Метафорические мысли!
    Родное старое крыльцо —
    Всему начало и причина
    И мой итог в конце концов, —
    Ждёт каждого своя кончина…

Покинутый кабинет Н.В.Тимофеева-Ресовского в Миассово.
Видно, что была выпилена ручка на двери балкона.

Традиция такая есть,
И если путь нам предназначен,
То на дорожку надо сесть,
Чтобы вернуться — не иначе...

Кабинет Н. В. Тимофеева-Ресовского в Миассово

Трава забвения растёт, прости мя грешнаго,
Беспамятство стирает совесть тут...
Мечтаю, — Ангел Эрнста Неизвестного
Здесь окрылит спасительный маршрут!

Сюда стремились съехаться ученые,
Прорвался как-то немец-аспирант, —
Таскали после долго Шефа органы,
Тому два поколения назад.

Здесь точка сингулярности генетики,
Расцвет наук на долгие года, —

Защита жизни, атом энергетики,
Содружество научного труда…

Щитом надежно нас укрыли ядерным,
Страну, природу сберегли, людей, —
За это — благодарность государева, —
Нет хуже, безнадежней и подлей!

Еще немного постоит и рухнет всё,
Утешит Джон Уильямс нам слезу…
Поедем к немцам мы учиться русскости
Науки, … в русском созданной лесу.

Тимофеевский сундук

Не стало места ностальгии,
Её развеяло, как прах.
Места, когда-то дорогие,
Уже не видим мы во снах.
    Насущнейшая проза жизни
    Диктует новые слова,
    В которых паруса повисли,
    Кругом забвения трава…
Сундук — театра старый зритель,
Свидетель, спутник детства, друг,
Зачем вернул меня в обитель,
И отогрел от зимних вьюг?
    Только любовь рождает смыслы,
    Где мчится образ впереди,
    И в небе радуг коромысла
    Несут счастливые дожди.
Те, приснопамятно грибные,
Под теплой маминой рукой,
Что возвращают ностальгию
И дарят радость и покой.

Кресло

Забытый Фирс с вишневым садом,
Пепел обугленных глазниц, —
Он Хатико, собачьим взглядом
Из-под заснеженных ресниц.
Кусты и лиственниц деревья,
Безлюдье на семи холмах, —
Так исчезают поколения,
Амортизируя во мхах.
Давно изъедены пружины
С тех пор, как был оставлен трон, —
По полной, не наполовину,
Испил до дна всю чашу он.
Ему не надо реставраций,
Символ ушедший, но живой.
Живущим здесь — реабилитация
Нужна, — глаза нам, Фирс, открой!

Памятная дверная ручка

Ничего там не будет,
Всё останется здесь.
Непонятная людям,
Манит область чудес.
    Потяну я за ручку,
    Не откроется дверь, —
    Артефакт это, случай, —
    Лишь, музейный теперь.
Не эстетика это,
Никакая, не связь, —
С унесенными ветром
Нить оборвалась.
    они здесь — в синеве небосвода...

Разваливающийся лабораторный корпус в Миассово. 2015.

Дом Тимофеевых-Ресовских в Миассово утонул в лесной чаще. 2015.

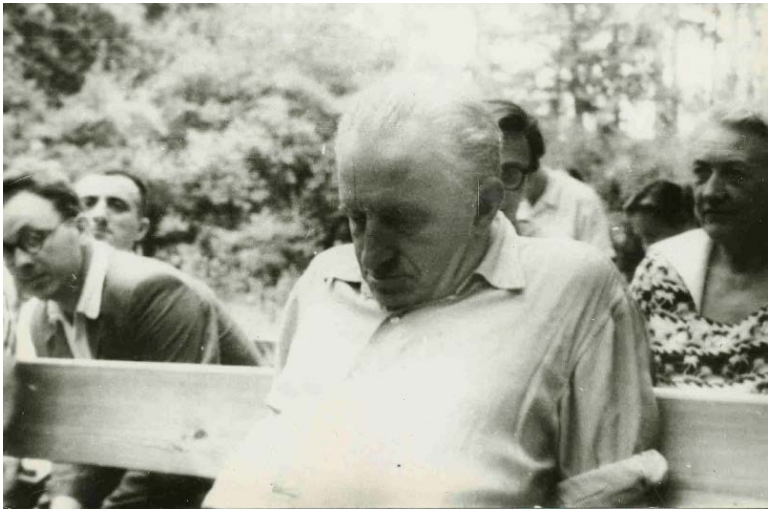
Сундук Тимофеевых-Ресовских в Миассово.

Кресло Н. В. Тимофеева-Ресовского.
Автор фотографий Светлана Игнатьева. Миассово, 2015.

Экспонат дверной ручки из кабинета Н.В.Тимофеева-Ресовского в музее Снежинска. Автор фотографии Светлана Игнатьева. 2015.

Просто ручка дверная, —
Дверь вела на балкон
Незабвенного рая, —
В каждой жизни был он.

Память счастье разбудит, —
Рай откроется вновь...
Ничего там не будет,
Разве только — любовь!



Зубр.

Есть что-то...

Есть что-то в этом мире, верьте,
Необъяснимое словами,
Где все мы будем после смерти,
Где до рождения бывали,
    Где чудо жизни в каждом миге,
    Поля заоблачных фантазий,
    Любви и сказочных религий
    Вселенские взаимосвязи;
Следы нетленной паутины,
Ветвистые тропинки судеб,
Всегда единые с живыми,
Любимые, родные люди...
    А, если просто, — это память
    Шлёт безответные вопросы, —
    Свеча, икона, Божья Матерь,
    Бессонница и папиросы...

Встреча

Весной, когда уходит снег,
Жизнь пробуждается лучами,
И начинает свой разбег
Земля, капелью и ручьями.
Кораблик детства моего
Спешит под парусом надежды
Туда, где лето ждёт его,
Где все мы вместе, как и прежде…

Сегодня за большим столом
Семья, родители, родные,
Друзья мои, бокал с вином
За вас! — я поднимаю ныне,
За ваши добрые глаза,
За всё, что прожили мы вместе,
За памятные голоса,
Звучащие, любимой песней…

Сегодня этот стол стоит
На берегу, где все начала
И будущие дни мои —
До тихой гавани причала.
Струится теплый райский свет
Любви с лазурного амвона,
И льется, музыкой планет,
Улыбка звездная Мадонны…

За много, много лет и зим,
За жизнь и будущие встречи,
Где каждый миг неповторим,
Рождением души отмечен,
За то, что вместе собрались,
Как здорово! … — поется в песне,

Встреча А. Н.Тимофеева с другом детства Рупрехтом Цвирнером через 70 лет. Екатеринбург, 2008.

Цвирнеры: мать и дети. Рупрехт крайний справа. Семья Цвирнеров были соседями Тимофеевых-Ресовских в Торхаузе. 1942.

В картинной галерее. Екатеринбург, 2008.

Рупрехт Цвирнер (1929—2010), профессор хирургии, заведующий хирургическим отделением и главный врач районной больницы в Германии. Награжден медалями Альберта Швейцера и Парацельса. Вечная Память!

Мы радостно наполним жизнь,
Весною солнечной, чудесной!

Каждый миг впервые

Здесь, в жизни, каждый миг — впервые,
Мы перед завтра — молодые,
И постепенно глубже разум
Сканирует миры иные.

Так в жизни часто происходит,
Что из неё кто-то уходит,
Теряет жизнь своё название,
Судьба — земное пребывание.

Теряют нас друзья, родные,
Лишь в снах приходим мы живые.
Но есть взаимное влияние —
Молитвенное поминание.

Лежит в младенческой улыбке
Вселенная, как в детской зыбке.
Всё впереди всегда и всюду
Нас ждёт, когда мы здесь не будем.

Когда опять туда уходим,
Мы в переходе свет находим.
Как светлячки, ночами, светим
На нашей маленькой планете.

А дальше… строчки в Интернете,
И чья-то память о поэте,
Чей Ангел добрый и лучистый,
К тебе на звездных крыльях мчится…

Нина Алексеевна Тимофеева

Больше, чем любовь

Светлой памяти
Нины Алексеевны Тимофеевой (1927—2014)

Большая любовь
Никогда не угаснет...
Уходим, до встречи,
Иначе нельзя...
    Нам солнечный луч
    Улыбнется прощально...
    И скроется дальше,
    По крышам
    скользя...
Достойная жизнь,

Печальная старость...
Внезапный уход —
Такая судьба...
А все-таки, нам
Её солнце осталось...
Пребудет рассвет
Вместе с ней
навсегда...
Небесная высь
В лазоревом цвете...
Медово минуты
Текут, как во сне...
И вся наша жизнь,
Теряется в Лете...
А мысли опять
Потянулись
к весне...

Весна рисует жизнь

Жизнь нарисована пред нами,
Окрашены её ростки
В цвета природы, где мы с вами —
Картин живущие мазки.
Сережки тонкие качает
Весенний ветер молодой,
Березку нежно обнимает,
Поет, прозрачной синевой.
Проснувшейся листвою сада,
Палитра ладит акварель.
Бодрящей утренней прохладой,
Май наступает на апрель.
Все оживает и ликует
Под кистью, новые штрихи
Жизнь возрождает и рисует,
Нам иллюстрирует стихи...

Весна пришла, в любви кружится
Волшебных красок хоровод.
Художник полотном гордится,
Пока в душе любовь живёт!

Жаворонков день

Марине Triua

Ты лети, лети
 птица-жаворонок,
Принеси милой
 от дружка колечко,
     Красны девицы
      и добры молодцы
     Станут песни петь,
      хороводы водить.

Ты лети, лети,
 птица-жаворонок,
Принеси любимой
 узелок синий,
     В сладком пряничке,
      да на тряпочке,
     Подари его
      красной девице.

Ты лети, лети,
 птица-жаворонок,
Принеси милому
 копеечку,
     Не на тряпочке,
      в сладком пряничке,
     Подари её
      добру молодцу.

Ты лети, лети,
птица-жаворонок,
Принеси людям
свет Солнышко.
Будем петь, плясать,
да, весну встречать!
Будем все мы
вместе радоваться!

Дружба

Я проникнут судьбою Твоей,
в ней родные мне судьбы…
А сейчас подарила мне дружба
последний привет,
К нему вся моя жизнь
была только короткой прелюдией,
В ней Тебе одному
известен заветный сюжет…

Всё не сразу случилось,
я был этим правом означен,
И держу я в руках
Твою драгоценную жизнь,
Нет, не Понтий Пилат,
всего лишь земной обыватель,
В это лето вступаю, как в Лету,
и двигаюсь вниз…

Груз истории давит,
отношения порчу легко я,
Пусть смыкается круг
блокады довольных врагов…
Настроение отвратное
лечу и лечу алкоголем,
И курю блок за блоком,

без пределов и без берегов…

Слово доброе «дружба»
понятнее с каждой минутой,
От судьбы не уйти,
мне жертвы не надо такой,
И смываю грехи я
прохладной водой, ранним утром,
И уносит река
опостылевший мне алкоголь…

Остановок часов не люблю…

Остановок часов не люблю, завожу их на счастье,
Жизнь бежит веселее, если тикают рядом они,
Если стрелки кружат, и время спешит на запястье,
То за ним календарь открывает всё новые дни.

Остановок часов не люблю, Ваш заслуженный Сименс,
Я ношу мастерам, как старый потертый пиджак,
Починить — их прошу, оплачу, сколько им и не снилось,
Но, как мудрый хирург, молчат они… значит никак.

Последнее лето

Поколению победителей

Старик на скамейке
Среди голубей…
Почти не осталось
На свете друзей.

В руке сигарета,
В сиянии лик,

Последнее лето
Проводит старик.

Любовь и защита,
Величье судьбы,
Ничто не забыто,
Никто не забыт…

Один на скамейке —
Понятен итог,
Твоё поколение
Приветствует Бог…

Всегда вы живые,
Всегда вы со мной,
Мои дорогие,
Старик мой родной…

325-летию Французской гимназии в Берлине

Над Берлином сирены,
Вестники Нюрнберга,
Сорок третий, в сирени
Год учебный последний…
  Огненный сорок пятый,
  Вдоль по берегу Шпрее,
  Набережная Рейхстага,
  Выжженные аллеи.
Здесь намолено место, —
В юность шло из столетий
Наше милое детство,
Отраженное в Лете.
  А сейчас без бомбежки
  Мы стоим на бульваре,
  Свою старость до крошки
  Делим вместе с друзьями.
Вспоминаем учебу,

Памятный знак в Берлине на месте снесенного здания Французской гимназии.

Все походы и братство.
Мы пришли сюда, чтобы,
Жизнь могла состояться.
    Чтобы с учителями
    Постоять и подумать
    Над рекой изменений
    И причудами судеб.
Триста двадцать пятый,
То же буйство сирени,
Нам традиции святы,
Неподвластные времени.

Андрей Николаевич Тимофеев

Волшебство

Светлой памяти
Андрея Николаевича Тимофеева (1927—2014)

... день девятый.
Есть, очевидно, волшебство
На свете, и тому примета, —
Сегодняшнее число, —

В права вступило бабье лето…
Семнадцатое сентября,
Сусальным золотом медали,
С небес летит к ногам листва,
Чтоб утолить мои печали…
Меня Вы станете там ждать,
За журавлиным поворотом,
Как много нам еще сказать
Осталось, и курить охота…
Поднимем стопки за столом,
Задумаемся, молча выпьем,
Как много красоты кругом,
Мы друг от друга не отвыкнем…
И долго будем вспоминать
Молитвы наши и секреты,
Друзей, записанных в тетрадь,
Их телефоны и конверты…
И вырезанные адреса,
Простые строчки на открытках,
Раз жизнь волшебною была —
Осталось солнце в её слитках…
Родные, милые друзья,
Коллеги, осень всем прощает
Грехи… и унывать нельзя,
Зима весну нам обещает…
Сезонов новых волшебство —
На смену старых декораций,
Но, исчезая, всё равно
Что-то должно от нас остаться…
Благословенна Благодать
Покои вечные остудит,
В пределе жизни — умирать,
И знать, что продолженье будет…

До свидания, брат мой...

Моему брату Владимиру (1954—2018)
The Beatles: «Life is very short...»

Обнялись, прощаясь у порога,
Оказалось, это навсегда.
Ты, братан, сейчас уже у бога,
Подожди, и я приду туда.

Передай привет родным и близким,
Не погаснет звездный свет любви.
Я пишу за упокой записки
С именами в Храме на Крови...

Батюшка, молитвою, помянет,
Свечка у иконы догорит,
Ночь пройдет, живое солнце встанет,
Над землею небо озарит.

Был сегодня вечер, будет утро,
Каждому началу — свой итог.
Знаем, навсегда прощаться трудно,
Верим, что молитвы слышит бог...

До свидания, брат мой, так случилось,
Ты прости, неумолима жизнь!
Льется звездный свет, как божья милость,
Любит нас неведомая высь.

Катятся вперед колеса буден,
Горести и радости деля, —
Мы с тобой навеки вместе будем,
Неразлучны небо и земля...

Моим ангелам

На Пасху мои ангелы приходят,
Витают в синем небе надо мной.
По стуку сердца, адрес мой находят,
И каждый, удивительно, живой.
Становится их, год от года, больше, —
Мы вместе с ними, за одним столом,
А жизни нить — запутанней и тоньше,
Схожу я лучше в лавку, за вином…
Простите, ангелы! Христос Воскресе!
Пусть я не оправдал ваших надежд, —
Когда-нибудь взлечу к вам в поднебесье,
Ну а пока что здесь несу свой крест.
Не чокаясь, за вас, родные, выпью.
Дороже с каждым годом и нежней,
Любимее вы стали мне и ближе,
Под колокольный звон пасхальных дней…

21 сентября 2014 года

Пресвятая Мария —
Долгожданная радость…
Купола золотые,
Лета бабьего сладость…
Под дымок русской бани
Спелых яблок медовость,
Лист упавший на землю,
С пашни поднятый колос…
Иоакина и Анны
Пресвятое Семейство,
На заре Назарет,
Рождество как Блаженство…
Дева, Божия Матерь,
Честь и слава вовеки —
Твоя белая скатерть

Наши скроет огрехи…
Дочь Отца, Матерь Сына,
Святый Духа Невеста,
В сердце каждого смертного
От Любви станет тесно…
Радуйся, Приснодева!
Грех в унынье зверином…
Слова Божьего тема
Осеняется Сыном…
Аминь.

На последние стихи Державина

> **«Река времен в своем стремленьи**
> **Уносит все дела людей**
> **И топит в пропасти забвенья**
> **Народы, царства и царей.**
> **А если что и остается**
> **Чрез звуки лиры и трубы,**
> **То вечности жерлом пожрется**
> **И общей не уйдет судьбы.»**
> Г.Р.Державин, 6 июля 1816 года

Пронизывает жизнь всё вещество,
Отбор Добра проходит во вселенной.
И чувствует душа своё родство
С материей извечною, нетленной…
        Нет, не в уходе общая судьба,
        Река времен — чудесное явление,
        Полны очарованьем берега,
        И небеса даруют наслаждение…
И камни из веков нам говорят,
Поют моря, ветер стихи разносит,
В капле росы рождается заря,
Живая сущность продолженья просит…
        Нет, не в уходе общая судьба,
        Река времен — чудесное явление,
        Полны очарованьем берега,

И небеса даруют Откровение…
Круговоротом вертится спираль,
Нет черным дырам злого пессимизма,
Зовет в дорогу утренний мистраль,
Любовью, наполняет смысл жизни…
Нет, не в уходе общая судьба,
Река времен — чудесное явление,
Полны очарованьем берега,
И небеса даруют нам Спасение…
В туманном, вечно юном, далеке,
Где радость пенит волны у причала,
Отбросим все печали, налегке,
Счастливые, мы всё начнем сначала…
Нет, не в уходе общая судьба,
Река времен — чудесное явление,
Полны очарованьем берега,
И небеса даруют Воскресение…

Позднее прозрение

В бессюжетную неопределенность,
Непонятную суетность жизни
Мы привносим свои законы
На основе научных мыслей.
Манит нас перспектива пользы,
Но приходит прозрение поздно:
Не ответы нужны, а вопросы, —
Задают их дети и звезды…
Сущность жизни, самое главное, —
Добрый Свет за иконы оконцем,
Начинаем Дорогу к Храму,
И встречаем Любовь и Солнце…
Мы с тобою мечтаем о Чуде,
Мы надеемся на Спасение, —
Даст бог, — всё еще будет,
Нет Любви ничего сильнее!

Детский рисунок Фомы.

Моя любовь

Любви горбушку разломлю,
Отдам своей родной природе,
Где детство в памяти таю,
Пока оно со мной — жив, вроде.

Полбулки матери, отцу,
На столик накрошу могильный.
Стечет слезою по лицу
Прошедших лет, поток бессильный.

Оставшееся разделю
Между друзьями и родными,
Своей любовью накормлю,
Пока все чувства не остыли.

С тобой, любимая, вдвоем,
Останемся наедине мы,
Безо всего, с чем мы живем,
Со всем, что мы отдать сумели.

Главная мысль

Во вселенной духовное поле,
Необъятных размеров оно, —
Но для каждого сердца не более,
Чем любви бесконечной зерно.

Скрыты в малом великие тайны,
Сердцу каждому — вечность дана,
Все открыты пути мироздания
В Абсолюте любви и добра.

Все явления материальные
Воскресают на свет вполне
Наяву, из духовного плана, —
От любви жизнь вечна на Земле.

Но зашоренность нас пугает,
Объяснений наводим лоск, —
Будто образ любимый мешает,
И молитву не помнит мозг.

Переходим в духовное поле,
Проживаем недолгую жизнь.
До заката последнего гоним
О Спасении хрупкую мысль.

Могилы Тимофеевых-Ресовских Елены Александровны и Николая Владимировича на Кончаловском кладбище в г. Обнинске Калужской области.

Семейное захоронение Ремезовых на Старом кладбище в г. Касли Челябинской области, где похоронены Тимофеевы Нина Алексеевна и Андрей Николаевич.

Наш путь

Летим во мраке,
хладною вселенной,
на одинокой голубой Земле.
Жизнь оставляем,
точкою мгновенной,
на бесконечной времени стреле.

Туда, где гаснет звездный свет,
Молчание
и вакуум за черною дырой,
Наш путь несет смятение,
отчаяние,
Забвения предельного покой.

И, если бы не Бог,
то все земное —
бессмысленной, являлось суетой,
Где мать, отец, друзья,
и ты со мною, —
любви сердечной, творческий настрой.

Слова любви —
не только утешение.
Они начало жизни всюдно ткут,
Рождают
и несут нашу вселенную
туда,
где нас с тобой,
с любовью,
ждут...

Слава Богу!

Оказалось, жизни мало,
Не хватило для любви.
Пока время не настало,
Каждый миг её лови!
    Разум не даёт ответа.
    Льёт небесная лазурь
    Океан добра и света,
    Продолжается июль…
Солнце дальше покатило,
Утро обещает зной…
Слава богу, счастье было!
И останется со мной!

К сожалению, по настоящее время судьба памяти о Тимофеевых-Ресовских в России не решена. Н.В.Тимофееву-Ресовскому установлены лишь четыре мемориальные доски: в Обнинске, Челябинске, в поселке Сунгуль и на здании ИЭРЖ УрО РАН в Екатеринбурге. Кроме того, в Музее истории Обнинска представлена экспозиция «Комната Н. В. Тимофеева-Ресовского», а в Медицинском радиологическом научном центре им. А. Ф. Цыба в 2016 году открыт мемориальный кабинет. В городском музее Снежинска Б. М.Емельяновым и В.В.Ананийчуком была организована замечательная выставка документов и фотографий, посвященная Лаборатории «Б» и Н. В. Тимофееву-Ресовскому. Эта выставка неоднократно демонстрировалась в Екатеринбурге.

Но всех этих примеров явно недостаточно для нашей страны, чтобы люди помнили о великом ученом XX столетия. Как следствие, в марте 2020 года Администрация Екатеринбурга переименовала улицу Тимофеева-Ресовского, что вызвало недоумение и протесты со стороны не только ученых, но и широкой общественности.

Замалчивание памяти, по своей сути, продолжает прижизненную травлю, вредит нормальному воспитанию молодежи, способствует забвению лучших научных традиций в России.

Адрес Тимофеевых-Ресовских в 1964—1981 гг. Обнинск,
ул. Лейпунского, 2 (до 1972 года Солнечная).

Екатеринбург, ул. Малышева, 129. УКМ (угол Комсомольской-Малышева). Здесь жили Тимофеевы-Ресовские в 1956—1964 гг.
и далее до 2014 года семья Тимофеевых А. Н. и Н. А.
Автор фотографии Елена Шукаева.
* В 1964 году партийное руководство УФАН СССР вынудило Тимофеевых переехать из 3-х ком.
в 2-х ком. квартиру в этом же доме

Роза-Луиза Винклер, профессор, исследователь из Берлина, провела исследование об участии Димитрия Тимофеева-Ресовского в Сопротивлении. Слева А. Н. Тимофеев. Екатеринбург, 2002.

Наталия Алексеевна Ляпунова, Юрий Федорович Богданов и Мария Александровна Реформатская во время Международной конференции, посвященной 115-летию Н.В.Тимофеева-Ресовского. Санкт-Петербург, 2015.

Остановка и улица Тимофеева-Ресовского в Екатеринбурге
в 2020 году были переименованы в честь академика В.В.Парина

Исчезнувшая памятная табличка у входа в здание УрФУ на ул. Куйбышева, 48 (до 2011 года УрГУ), вместе с такими же досками, посвященными С.В.Вонсовскому, С.С.Щварцу и А.Т.Мокроносову. Были открыты в 2000 году, сняты в 2011 году.

Мемориальная доска в Обнинске.

Мемориальная доска в поселке Сунгуль.

На здании Института экологии растений и животных
в Екатеринбурге.

Мемориальная доска в Челябинске на ул. Цвиллинга, 36.

Комната Н. В.Тимофеева-Ресовского в Музее истории города Обнинска. http://www.museum.ru/

Кабинет-музей Н.В.Тимофеева-Ресовского в Обнинске

Здание лаборатории медицинской геномики имени Н.В.Тимофе-ева-Ресовского в Берлин-Бухе

Музей расположен в бывших кабинетах
Н.В. и Е.А. Тимофеевых-Ресовских в Берлин-Бухе

Мемориальная доска Н.В.Тимофееву-Ресовскому в Берлин-Бухе

Памятная доска на стене Торхауза в Берлин-Бухе, сентябрь 2000 года

Сын Н.В. Тимофеева-Ресовского Андрей Николаевич Тимофеев
(фото из книги В.В. Бабкова и Е.С. Саканян
"Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский")

Перед зданием лаборатории медицинской геномики имени Н. В. Тимофеева-Ресовского в Берлин-Бухе установлен его скульптурный бюст, созданный Стефаном Кене в 2006 году. Автор фотографии А.А.Терентьев.

Круги любви

Всё кончается, начало
Остается далеко.
Даже долгой жизни мало
Перед таинством веков.

Все отмерены отрезки,
Для всего есть свой удел.
Оживил, Любовью, клетки
Бог и жить нам повелел.

Это творчество природы,
Перебор небесных струн,
Новые рисует всходы
На полях своих лагун.

Комбинации с участием
Тех, кто нами так любим,
Распадаемся на части
Из которых состоим.

Вечные Любви частицы
Светлой радости полны.
Озаряют наши лица,
Все в кого-то влюблены.

Всё кончается, начало
Начинается опять.
Нас Любовь соединяла
И продолжит повторять...

Автор портрета — Рюрик Константинович Саляев.

Не понимаем мы, откуда
Внезапно возникает всё.
Для нас, что было — это чудо, —
Что есть и будет, и пройдёт...
Мы снова станем повторяться
В детях и внуках впереди.
Нам суждено в Любви остаться
И воскресать на том пути...
Снежинка звёздная растает
Над новой зеленью листа.
И жизнь — как прежде, молодая,
Польётся, солнечно чиста.
Обыкновенным, милым чудом,
В нас послезимье оживёт.
Любовь рождается повсюду,
И к пониманию ведёт...

Тимофеев-Ресовский Димитрий Николаевич
(11.09.1923–01.05.1945)
Фотография 1942 года.

ХОДАТАЙСТВО О НАГРАЖДЕНИИ ГЕРОЯ-АНТИФАШИСТА Д.Н.ТИМОФЕЕВА-РЕСОВСКОГО (ФОМЫ)

В Приемную Президента Российской Федерации,
Президенту Российской Федерации,
полномочному представителю Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе

Письменное обращение

Прошу считать это обращение инициативой о представлении Тимофеева-Ресовского Димитрия Николаевича (11.09.1923–01.05.1945) к государственной награде Российской Федерации посмертно за совершение им подвига, проявленные мужество, смелость и отвагу в активном сопротивлении нацистскому режиму в Германии, ведении просоветской и антигитлеровской агитации среди иностранных рабочих, в результате чего он был арестован гестапо, осужден и уничтожен в концлагере.

Обращаюсь к Вам ввиду уникальности данного случая, его международной и российской общественно-политической значимости, многочисленных авторитетных сведений, представленных об этом человеке и его подвиге в информационных, литературных и кинодокументальных источниках за последние более чем 20 лет, а также на основании своего личного убеждения в целесообразности представления Тимофеева-Ресовского Д. Н. к государственной награде. Определенные далее обстоятельства

подчеркивают особое значение для того, чтобы эта инициатива исходила из Екатеринбурга.

Димитрий Николаевич Тимофеев-Ресовский родился в Москве 11 сентября 1923 года в семье научных сотрудников биологов-генетиков Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского (1900—1981) и Елены Александровны Тимофеевой-Ресовской (Фидлер) (1998—1973), работавших в то время в Московском университете под руководством Н.К.Кольцова и С.С.Четверикова. 11 мая 1925 года Тимофеевы-Ресовские, по распоряжению Народного комиссариата здравоохранения, были направлены в командировку в Германию с целью научной работы в Неврологическом институте в Берлине сроком на один год. Однако, их командировка неоднократно продлялась, а в 1937 году они приняли решение не возвращаться в СССР по соображениям собственной безопасности. В 1927 году в Берлине у них родился второй сын Андрей. Таким образом, семья Тимофеевых-Ресовских проживала в Германии, начиная с мая 1925 года и до ареста Н.В.Тимофеева-Ресовского и его принудительного возвращения в СССР в сентябре 1945 года, а также до последующего добровольного переезда в СССР Е.А.Тимофеевой-Ресовской с младшим сыном в 1947 году. Старший сын Димитрий был арестован гестапо 30 июня 1943 года, при нем были листовки антигитлеровского содержания. Из написанного его отцом в конце 40-х письма А.П.Завенягину следует, что Димитрий был арестован «по обвинению в просоветской и антигитлеровской агитации среди иностранных рабочих». Как сложилась его судьба, — оставалось неизвестным вплоть до середины 90-х годов, хотя его родители, неоднократно обращались для его розыска в разные инстанции.

В семье Димитрия обычно звали Фома. Он учился в Народной школе по месту жительства в берлинском пригороде Бухе с 1930 по 1933 год; далее с 1933 по 1943 год во Французской гимназии в Берлине. В последнем классе гимназии Димитрий оставался на второй год. Окончив гимназию, в мае 1943 года он

поступил на первый курс Берлинского университета, факультет зоологии, так как с детства увлекался изучением растений и животных. В карточке на Димитрия Тимофеева-Ресовского из картотеки Министерства науки, воспитания и народного образования, заполненной 05.05.1943, в п. 01 «национальность» указано «русский», в п. 02 «государственная принадлежность» указано «без гражданства». В июне 1941 года он получил немецкий паспорт иностранного гражданина, который ему продлевали ежегодно по 1944 год. (у меня хранятся файлы всех его аттестатов, паспорта, документов по его розыску после войны).

Димитрий был талантлив артистически, участвовал в спектаклях Русского театра в Берлине, отлично играл на балалайке, знал пять европейских языков, увлекался легкой атлетикой. С детства он получил патриотическое воспитание и был проникнут любовью к Родине, — поэтому после начала войны, руководствуясь своими убеждениями, вступил в Берлине в антифашистскую подпольную организацию, в деятельности которой принимал активное участие. После ареста, начиная с сентября 1943 по август 1944 года Димитрий находился в Берлинской тюрьме, в конце августа 1944 года он был перевезен в концентрационный лагерь Маутхаузен в Австрии, а в марте 1945 года в концентрационный лагерь Эбензее в Австрии, где погиб 01.05.1945, о чем свидетельствует документальная справка.

В 2012 году в Эбензее был открыт мемориал, в котором имя Димитрия Тимофеева значится среди тысяч погибших узников. В июле 2014 года в Эбензее была установлена табличка его памяти с текстом и фотографией, а также сделан посвященный ему фотоальбом на немецком языке (оригинальный вариант и файлы альбома хранятся у меня).

Антифашистская деятельность подпольной группы, в которую входил Димитрий Николаевич Тимофеев-Ресовский и его личное участие в этой группе нашли свое отражение в романе Д.А.Гранина «Зубр», фильме Н.С.Михалкова «Берлинские звезды. Ирина Пабст», книгах В.В.Бабкова и Е.С.Саканян, документальной кинотрилогии Е.С.Саканян, в современных публикациях из-

вестного немецкого социолога Розы-Луизы Винклер, которая продолжает исследование в этом направлении, а также в газетных публикациях, документальных свидетельствах, письмах. У меня хранятся оригиналы некоторых документов, а именно письма Димитрия и его друзей из тюрьмы, письма к нему его матери, письмо участника вышеуказанной подпольной группы М.И.Иконникова, а также справки из международной организации по розыску, из Маутхаузена и Эбензее. По этим материалам можно было бы сделать историческую экспозицию.

5 мая 2003 года в газете Французской гимназии в Берлине появилась статья современного её ученика Андреаса Нерлиха «Мальчик с мышонком», написанная под впечатлением того, что ему рассказал профессор Гюнтер Темрок. В ней автор делает следующий вывод: «На основании всего, что известно, Димитрий Тимофеев-Ресовский является единственным учеником французской гимназии, который активно участвовал в сопротивлении нацистскому режиму. Так разве это не особенное!» Очевидно, что те же слова можно было бы сказать о Димитрии Тимофееве-Ресовском и по отношению ко всей студенческой среде Берлинского университета военных лет.

Учитывая накопленный документальный исторический материал о жизни Димитрия Николаевича Тимофеева-Ресовского в Германии, его активном личном, вплоть до самопожертвования, участии в сопротивлении фашизму и гитлеровскому режиму в годы Великой Отечественной войны; а также то, что, начиная с 90-х годов в России и в мире постоянно растет общественный интерес к семье его родителей — выдающихся русских ученых Н.В. и Е.А.Тимофеевых-Ресовских (в частности, одна из будущих улиц Екатеринбурга в новом районе города названа именем Тимофеева-Ресовского[1], а в Германии в Берлин-Бухе именем Н.В.Тимофеева-Ресовского названы исследовательский институт, библиотека, мемориальный кабинет, перед входом в здание ему

[1] Увы, в 2020г. улица Тимофеева-Ресовского была переименована!

установлен памятник); также учитывая предстоящее в этом году празднование 70-летия со дня освобождения узников концентрационного лагеря Эбензее (Австрия), и 70-летие со дня Великой Победы, — имеется достаточно оснований, представляется по-человечески справедливым и необходимым ходатайствовать о посмертном награждении Димитрия Николаевича Тимофеева-Ресовского (1923—1945) государственной наградой Российской Федерации за то, что проживая в Берлине в годы Великой Отечественной войны, он принял активное участие в сопротивлении нацистскому режиму в Германии, вёл просоветскую и антигитлеровскую агитацию среди иностранных рабочих, в результате чего был арестован гестапо, осужден и уничтожен в концлагере.

Прошу Вас принципиально решить вопрос о целесообразности ходатайства к представлению Димитрия Николаевича Тимофеева-Ресовского к государственной награде, и в случае положительного решения оказать помощь в правильном оформлении соответствующего ходатайства в соответствии с Положением о Комиссии при Президенте Российской Федерации по государственным наградам (утв. Указом Президента РФ от 2 декабря 2008 г. №1712, с изменениями и дополнениями от 7 сентября 2010 г. №1099 и от 25 августа 2012 г. №1217) и Положением о государственных наградах Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 7 сентября 2010 г. 1099, с изменениями и дополнениями от 6 декабря 2011 г., 12 апреля, 3 мая 2012 г., 14 января, 29 марта 2013 г., 25 июля 2014 г.)

Примечание. Тимофеевы-Ресовские жили и работали в Свердловске с 1955 по 1964 год до своего переезда в город Обнинск, а их сын Андрей Николаевич Тимофеев (1927—2014) и его жена Нина Алексеевна Тимофеева (1927—2014) остались жить и работать в Свердловске (Екатеринбурге). Мне посчастливилось дружить с ними с начала 60-х годов, то есть со своего раннего детства и до их последних дней, а в 2014 году помогать Андрею Николаевичу вместе с Розой-Луизой Винклер и архитектором из Австрии Гюнтером Эберхардтом заниматься увековечением памяти его брата Димит-

рия (Фомы). В результате этой работы считаю необходимым ходатайствовать о посмертном награждении Димитрия Николаевича Тимофеева-Ресовского, подвиг которого считаю достойным примером бесстрашного антифашистского сопротивления и большой любви к родной России.

Регистрационный номер:66074; **Дата:25.01.2015**

Куликов Сергей Николаевич,
канд. мед. наук, доцент кафедры социальной работы
и кафедры анатомии человека Уральского
государственного медицинского университета

Исходящий номер: А26-21-6607411; **Дата:26.01.2015**

Текст уведомления:

Ваше обращение на имя Президента Российской Федерации, направленное 23.01.2015 г., полученное 25.01.2015 г. в форме электронного документа и зарегистрированное 25.01.2015 г. за №66074, рассмотрено и направлено в Министерство обороны Российской Федерации в целях объективного и всестороннего рассмотрения с просьбой проинформировать Вас о результатах рассмотрения (часть 3 статьи 8 Федерального закона от 2 мая 2006 года №59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»).

Президенту Российской Федерации В. В. Путину

Здравствуйте! Спасибо Вам! Получил ответ на свое обращение, которое Вы переслали в МО РФ. Этот ответ прилагаю. Буду дальше пытаться как-то добиться награждения погибшего в 1945 году известного героя-антифашиста. Полагаю обратиться на днях в городскую Приемную Президента, может там мне посоветуют, от кого конкретно в Екатеринбурге инициировать исходное ходатайство о награждении государственной наградой в данном случае. Или, может Вы посоветуете? Еще раз большое спасибо!

Регистрационный номер:255816; **Дата:13.03.2015**

Куликов Сергей Николаевич

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)
ОБЪЕДИНЁННОЕ
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ
КОМАНДОВАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ВОЕННОГО
ОКРУГА
УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ
г. Екатеринбург, 620219
«26» 02 2015 г. № 42/3/2305
На №

Куликову Сергею Николаевичу.
620075, г.Екатеринбург,

На УГ-4892нс 28.01.2015г., № 61/483ж от 04.02.2015г.

Уважаемый Сергей Николаевич!

Ваше обращение, адресованное в Управление Президента Российской Федерации по работе с обращениями граждан, по поручению рассмотрено в управлении кадров Центрального военного округа.

В соответствии с Положением о государственных наградах Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 года № 1099, ходатайство о награждении государственной наградой возбуждается по разделу II. п.16.17.(по месту основной работы, коллективами организаций, государственными органами или органами местного самоуправления).

На основании ходатайства о награждении государственными наградами формируются документы о награждении, которые направляются главе муниципального образования.

Глава муниципального образования рассматривает документы о награждении и направляет их для дальнейшего рассмотрения высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации.

Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации рассматривает документы о награждении и направляет полномочному представителю Президента Российской Федерации по федеральному округу, который представляет их в Администрацию Президента Российской Федерации.

По результатам согласования документов о награждении может быть принято положительное или отрицательное решение.

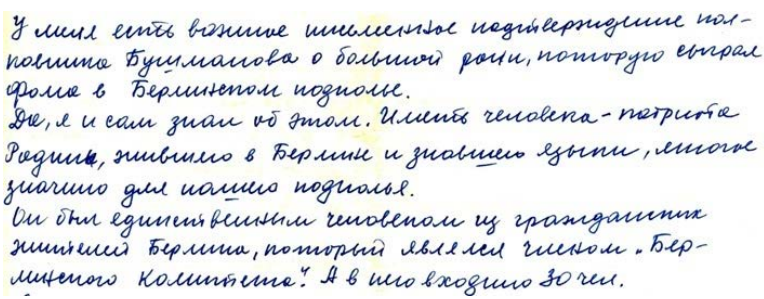
Врио начальника управления кадров
Центрального военного округа

М.Бутырин

Ответ на обращение к Президенту РФ, пересланное в Министерство Обороны России.

Члены Берлинского комитета ВКПБ. В среднем ряду второй справа руководитель подполья Н.С. Бушманов, перед ним сидит Фома Тимофеев. Ресторан «Медведь», 1943 год. Из архива К.П. Богачева

Фома Тимофеев среди товарищей по антинацистской работе. Берлин, 1943.



У меня есть важные письменные подтверждения полковника Бушманова о большой роли, которую сыграл Фома в Берлинском подполье.
Да, я и сам знаю об этом. Иметь человека-патриота Родины, жившего в Берлине и знающего языки, многое значило для нашего подполья.
Он был единственным человеком из гражданских жителей Берлина, который являлся членом Берлинского комитета. А в него входило 30 чел.

Из письма М.И.Иконникова Андрею Николаевичу Тимофееву 12.04.1988 об участии Фомы в Сопротивлении.

Отец о сыне

В 1975 году в магнитофонных записях В. Д. Дувакина Н. В. Тимофеев-Ресовский счел нужным рассказать о Фоме следующее: «Летом года был посажен мой сын старший, так и пропал. Он работал лаборантом в Kaiser-Wilhelm-Institut'e и учился в университете. И вот занимался этой политикой. Он действительно возглавлял маленькую группу молодежи, распространявшую листовки в лагерях для пленных и в лагерях для добровольно-принудительных рабочих, согнанных со всей Европы. Он прекрасно владел французским языком, немецким, английским и русским. Переводил всякие военные сводки, английские, русские, всякие, и распространял. Я им фальшивые западноукраинские документики на машинке печатал. Каждую неделю подпиливал отдельные буковки, чтобы почерк машинки нельзя было узнать, менял буквы, шрифт. Потом выяснилось, что, как всегда, у них оказался провокатор, который посадил их. Русский немец такой, говоривший по русски молодой человек. И мы имели о сыне сведения до конца года. Можно было посылать ему посылки раз в месяц, и он присылал такую печатную, заполненную от руки карточку, что все в порядке.

А потом кончилось, кажется, в ноябре 1944 года. Посылки не возвращались, карточки не приходили. И только уже на объекте в Сунгуле узнали мы от австрийца одного, что в лагере (а сын был в Маутхаузене) югославы, болгары и русские — братья-славяне — устроили очень здорово восстание в начале весны 1945 года, когда подходили союзники, но немножко рано. Удалось почти всем заключенным драпануть, но сразу были брошены эсэсовские части, и всех перебили. Так мы толком ничего и не знаем. Но он, конечно, в этом участвовал. Он был активный в этом смысле».

(Из книги В.В.Бабкова и Е.С.Саканян «Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский», М.: Памятники исторической мысли, 2002)

Детский рисунок Фомы Тимофеева.

Мемориал погибшим узникам концлагеря Эбензее в Австрии.

Среди 8412 тысяч имён значится **TIMOFEJEW DIMITRRIJ**. Автор фотографии и текста режиссер А.А.Терентьев: " В 2011 году вдоль северной стены мемориального кладбища возвели новый монумент, а его торжественное открытие состоялось 12 мая 2012 года. За несколько лет до этого был объявлен открытый конкурс «Вернем жертвам имена», его выиграла заявка местного (из «райцентра» Гмундена) художника Курта Эллмауэра (Kurt Ellmauer). Все 8412 имен известных на момент создания мемориала жертв концлагеря Эбензее (их с 1980 года последовательно выявлял в разных архивах Флориан Фройнд) увековечены на 156 прозрачных стеклянных панелях (стекло символизирует тот факт, что преследования и убийства людей в концентрационных лагерях не происходили независимо от общества, в котором они жили). Имена выгравированы лазером. Общая длина памятника впечатляет — 20 метров. А вот высота панелей на деле оказалась очень небольшой — 1 метр, т.е. совсем не такой монументальной, какой она кажется на фотографиях. Стоит отметить, что авторы памятника решили написать имена погибших именно в той немецкой транскрипции (высота букв 1 см), в которой они проходили по лагерным документам.»

Sterbeurkunde G

(Standesamt Sonderstandesamt Arolsen, Abteilung I -/-

Nr. 2975/1996)

Dimitrij Timoféeff-Ressovsky, griechisch-orthodox, -/-

wohnhaft in Berlin-Buch, -/-

ist am 01. Mai 1945 -/- um -/- Uhr -/- Minuten

in Ebensee, Bezirk Gmunden

verstorben.

Der Verstorbene war geboren am 11. September 1923 -/-

in Moskau. -/-

Der Verstorbene war nicht verheiratet. -/-

Der Standesbeamte des Sonderstandesamtes Arolsen (Siegel)

Arolsen, den 11. Dezember 1996

Der Standesbeamte

60 9 8 7 6 5 5 4 3 2 1

Sterbeurkunde
Bestell-Nr. 15/405
Verlag für Standesamtswesen GmbH, Frankfurt am Main · Berlin

15/405

Свидетельство о смерти Фомы получено в 1996 году.

Генерал-лейтенанту А.П.Завинягину,
9 управление МВД СССР, Москва.

Позволяю себе обратиться к Вам с личной просьбой. Мой старший сын, Дмитрий Николаевич Тимофеев-Ресовский летом 1943 года был арестован немцами в Берлине по обвинению в просоветской и антигитлеровской агитации среди иностранных рабочих. Просидев почти год в Гестапо и в тюрьме на Александерплатце в Берлине он был отправлен в концентрационный лагерь Маутхаузен около Линца в Австрии, откуда в ноябре 1944 года мы с женой получили от него "лагерную открытку". С тех пор мы не получали ни от него, ни о нем никаких сведений. После оккупации Германии, летом и осенью 1945 года в Берлине были получены сведения о погибших заключенных в разных лагерях, в том числе и в Маутхаузене; в этих списках он не значился. Были также получены сведения, что все выжившие Русские заключенные были из Маутхаузена вывезены особой Советской комиссией. Моей жене в Берлине не удалось, несмотря на все старания, получить какие-либо официальные сведения о судьбе нашего сына. В 1946 году приезжавший в Берлин знакомый сообщил моей жене, что нашего сына его приятель /неизвестный моей жене, но знавший моего сына/ видел живым и будто бы в советской военной форме в каком-то южно-австрийском городке. Но и после этого сообщения никаких конкретных сведений о том, жив ли наш сын, или погиб, моей жене получить не удалось.

К настоящему времени должны быть более или менее полные данные о заключенных, погибших в лагере Маутхаузен; если же наш сын жив, то он несомненно должен либо находиться на службе в каких-либо советских организациях, либо по какой-нибудь причине находится в лагерях. Возможно, что он значится не под фамилией Тимофеев-Ресовский, а под фамилией Тимофеев- Дмитрий Николаевич /родился в Москве 11 сентября 1923 года/. Очень прошу Вас дать распоряжение о выяснении судьбы моего сына.

/Н.В.Тимофеев-Ресовский/

Лаборатория "Б"
9 упр. МВД СССР
Сунгуль.

Документ начала 1950-х годов.

СССР
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
СОЮЗА ОБЩЕСТВ
КРАСНОГО КРЕСТА И КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА
Москва, Ж-ж, ул. Остоженка д. 4 Телефон Б 8-20-22

№ _____ Москва, 21 августа 1962
ДЕЛО 39550/22 г. Свердловск, ул. Малышева, д.129 кв.8

Гр-же Тимофеевой-Ресовской Елене Александ

Уважаемая Елена Александровна!

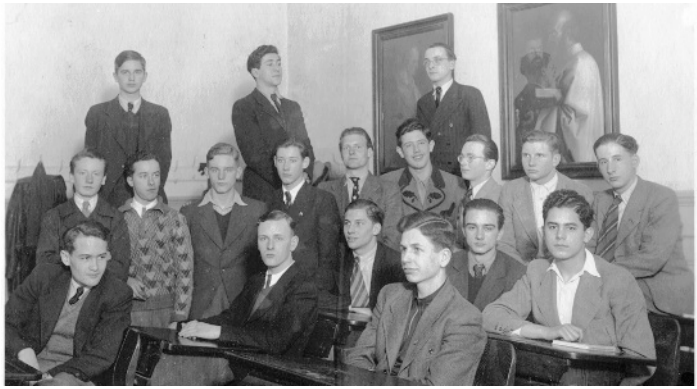
По Вашей просьбе нами производился розыск Вашего сына Тимофеева или Ресовского Дмитрия Николаевича, за пределами Советского Союза и на его территории.

В процессе розыска было установлено, что Ваш сын 14.11.44г. был переведён из концлагеря Маутхаузен в команду Мелк и дальнейший розыск положительных результатов не дал.

Мы очень сожалеем, что не удалось установить местонахождение или судьбу Вашего сына.

Начальник Отдела Бюро Розыска Исполкома СФКК и КП СССР / Кипятков

Фотографии Фомы в разные годы его жизни.
Один из ответов на его розыски.



Фома среди одноклассников во Французской гимназии, 1940.

Student der Berliner Universität im Widerstand

Die Humboldt-Universität besinnt sich zunehmend der Aufdeckung ihrer NS-Vergangenheit und dem Gedenken an die Opfer der NS-Diktatur. Zu ihnen gehörte der russische Student Dmitrij Timoféeff-Ressovky. Er war mit seinen Eltern, dem berühmten Genetikforscherpaar Elena und Nikolai Timoféeff-Ressovsky, nach Berlin gekommen, die 1925 auf Einladung von Oskar Vogt als Gastforscher ans Institut für Hirnforschung der Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft verpflichtet wurden, und wuchs mit seinem Bruder Andrej Timoféeff (geb. 1927) in Berlin-Buch auf.

Die Timoféeff-Ressovskys entschieden sich 1937 aufgrund der Stalinschen Repressionen, die auch die Genetik betrafen, nicht in die UdSSR zurückzukehren. Die wissenschaftliche Stellung von Nikolai V. Timoféeff-Ressovsky in der Genetik, die Unterstützung von deutschen Fachkollegen, eine gehörige Portion Zivilcourage und unerschütterlicher Patriotismus ermöglichte ihnen die Weiterführung ihrer wissenschaftlichen Arbeiten. So konnte Dmitrij Timoféeff-Ressovsky 1943 das Studium der Zoologie an der mathematisch-naturwissenschaftlichen Fakultät der Universität Berlin aufnehmen. Im Verzeichnis der Studierenden der Berliner Universität wird er unter seinem vollen Namen im Sommer- und Winter-Semester 1943; 1943/44 – Registriernummer 12/A 3163 – geführt.

Dmitrij beherrschte mehrere Sprachen (russisch, deutsch, französisch, englisch), deren Kenntnis ihm bei der Widerstandsarbeit zugute kamen. Nach Aussagen eines vermeintlichen Freundes, der ihn an die Abwehr verriet, bildete sich unter der russischen Emigrantenorganisation NORM (Nationale Organisation der russischen Jugend) im Mai 1943 eine Widerstandsgruppe, die die Soldaten der sogenannten Vlasov-Armee zum Partisanenkampf aufrief. Initiator und Koordinator dieser Widerstandsaktionen war ein „Berliner Komitee" der Russischen Kommunistischen Partei.

aus: Nachlass Timoféeff

Dmitrij Timoféeff-Ressovky, geb. am 11. September 1923 in Moskau, umgekommen am 1. Mai 1945 im KZ Mauthausen/Nebenlager Ebensee. Das letzte Foto vor seiner Verhaftung 1943.

Im Sommer 1943 wurde Dmitrij verhaftet. Das missglückte Attentat auf Hitler vom 20. Juli 1944 hatte unmittelbare Auswirkungen für alle Inhaftierten, auch für Dmitrij. In dieser Zeit wurde sein Vater Nikolai Timoféeff-Ressovsky ersucht, sich an einem „Sterilisierungsprogramm" für die slawische Bevölkerung zu beteiligen oder seinen Namen dafür herzugeben. Seine Absage bedeutete für Dmitrij die Überstellung ins Konzentrationslager. Am 10. August 1944 kam Dmitrij in das KZ Mauthausen. Dmitrij organisierte auch im KZ Mauthausen sowie in den Nebenlagern Widerstandszellen. Am 14.11. 1944 wurde Dmitrij in das Nebenlager Melk überstellt, das am 15. April 1945 aufgelöst wurde. Die Häftlinge wurden in Evakuierungsmärschen in das KZ Mauthausen sowie in die Nebenlager Gusen und Ebensee überstellt. Im Frühjahr 1945 wurde von den Häftlingen in Mauthausen beim Herannahen der verbündeten Armeen ein Aufstand organisiert. Vielen gelang es zu fliehen. Aber es wurden sofort SS-Truppen eingesetzt, die alle Zurückbleibenden niedermetzelten. Erst im Juli 1995 erhielt Prof. Andrej Timoféeff vom Suchdienst des Roten Kreuz die Bestätigung über den Tod Dmitrijs am 1. Mai 1945.

Daniil Granin verfasste eine Roman-Biografie über Timoféeff-Ressovsky: „Sie nannten ihn Ur", Berlin: Verlag Volk und Welt 1988.

Der Student Dmitrij Timoféeff-Ressovsky hätte es verdient, einen Ehrenplatz an der Humboldt-Universität unter den Opfern des NS-Regimes zu erhalten.

Dr. Rose-Luise Winkler

Статья немецкого социолога Розы-Луизы Винклер «Студент Берлинского университета в Сопротивлении».

Литература о Д.Н. Тимофееве-Ресовском (Фоме)

1. Тимофеев-Ресовский Н. В. Воспоминания: Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами / сост. и ред. Дубровина Н. — М.: Согласие, 2000. — 880 с.

2. Бабков В. В., Саканян Е. С. Николай Тимофеев-Ресовский / Отв. ред. акад. Б. С. Соколов. М.: Памятники исторической мысли, 2002. — 672 с.

3. Любовь и защита: приношение Елене Саканян / М.: НИА-Природа, 2006. — 279 с.

4. Саканян Е. С. Кинотрилогия о Зубре (1988—1991)

5. Гранин Д. А. Зубр. Л.: Советский писатель, 1987.

6. Гранин Д. А. Берлинский комитет. Статья / Точка опоры: Статьи. Беседы. Портреты / Д. Гранин. — М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1989. — С. 72—79.

7. Попов А. Н. Русский Берлин. Изд-во «Вече». — 2010 г. — 392 с.

8. Тюрюканов А. Н. Из воспоминаний о Н.В.Тимофееве-Ресовском / А.Н.Тюрюканов Избранные труды. К 70-летию со дня рождения. Издательство РЭФИА, М., 2001, С. 277—283.

9. Терентьев А. А. Лагерная история Дмитрия Тимофеева-Ресовского. http://ipaattravel.ru/foma.htm

10. В.А.Гончаров, В.В.Нехотин. Неизвестное об известном. По материалам архивного следственного дела на Н.В.Тимофеева-Ресовского // Вестник РАН. №3. 2000. С.249–257.

11. Рассекреченный Зубр. Следственное дело Н. В. Тимофеева-Ресовского. Документы / Рокитянский Я. Г., Гончаров В. А., Нехотин В. В. (сост.) — М.: Academia, 2003. 576 с.

12. Добразова Д. А. Фома Тимофеев — соратник Мусы Джалиля / V Всероссийский научный медицинский форум студентов и молодых ученых с международным участием «Белые цветы», Казань, 4—6.04.18

13. Добразова Д. А., Вараксина Е. Н., Куликов С. Н. Психологический анализ рисунков героя-антифашиста Дмитрия Тимофеева-Ресовского / Материалы IV Международной (74 Всероссийской) научно-практической конференции молодых ученых

и студентов. УГМУ. — Екатеринбург. — 2019. С. 142—145.

14. Rose-Luise Winkler und Tamara I. Nikišanova Leibniz Online, Jg. 2015, Nr. 17 Dimitri Timoféeff-Ressovsky, genannt Foma S. 21 v. 21 (также газетная статья Розы-Луизы Винклер на стр. 291)

15. Куликов С. Н., Мхитарян М. Г., Новоселова Э. В., Мальцев К. А. Перевод писем Е.А.Тимофеевой-Ресовской сыну, арестованному гестапо во время Великой Отечественной войны / Материалы I Международной науч.-практ. конф. молодых ученых и студентов. — Екатеринбург: Изд-во УГМУ, 2016. Том 1.

16. Мхитарян М. Г., Новоселова Э. В. Дмитрий Николаевич Тимофеев-Ресовский (Фома) — герой-антифашист / Сборник тезисов XII Международной (XXI Всероссийской) Пироговской науч. мед. конф. студентов и молодых ученых. М., 2017. — С. 174—175.

17. Куликов С. Н., Литовский В. В., Терентьев А. А. Андрей Николаевич Тимофеев: «Я –каслиянец!». Эко-Потенциал №4 (12). — Екатеринбург. — 2015. С. 100—116.

18. Литовский В. В., Куликов С. Н., Терентьев А. А. Андрей Николаевич Тимофеев: Путь от Берлина до Каслей / Наука Урала. №18 (1124). — Екатеринбург. — Сентябрь, 2015. С.6—7. Путь от Берлина до Каслей (окончание) / Наука Урала. №19 (1125). — Екатеринбург. — 2015. С.6.

19. Куликов С. Н. Бесценные письма. Письма сына / Георгиевская лента: 75 лет Победы. Книга тринадцатая. — М.: Издательство РСП, 2020. — С. 11—12.

20. Manfred Rajewsky: Nikolai V. Timofeeff-Ressovsky (1900–1981), published in: Geneticists in Berlin-Buch, by the Max Delbruck Center for Molecular Medicine (MDC), May 2008. / Перевод В. Л. Корогодиной. — Письма в Вавиловский журнал «История генетики» 2016. — С. 3—16.

21. S. N. Kulikov (2021): Elena Alexandrovna Timofeeva-Resovskaya at the forefront of radiobiology in the XX century, International Journal of Radiation Biology, DOI: 10.1080/09553002.2021.1941381

МОИ БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарю всех авторов фотографий: С.В.Белковского, С.В.Игнатьеву, А.А.Терентьева и других. Некоторые фотографии процитированы из открытых источников: челсити.рф; https://urochishe.ru/ и http://new.fizikotekhnik.ru/

Спасибо художнику и архитектору Екатерине Андреевне Осиной (Москва) за прекрасные рисунки, посвященные Тимофеевым-Ресовским. Полностью, серию этих рисунков можно увидеть здесь https://katyaosina.com/po-sledam-nikolaja-timofeeva-resovskogo/

Спасибо режиссеру и сценаристу Анатолию Анатольевичу Терентьеву (Москва), современному биографу Н.В.Тимофеева-Ресовского. Вы составили http://ipaattravel.ru/foma.htm, — это наиболее полное документальное описание судьбы Д.Н.Тимофеева-Ресовского (Фомы); провели меня по историческому Тимофеевскому маршруту на Арбате. Спасибо Вам за всё!

Спасибо моему другу, замечательному хранителю и популяризатору исторической памяти об уральских ученых, доктору географических наук Владимиру Васильевичу Литовскому (Екатеринбург) за постоянную поддержку и помощь. Надеюсь, мы еще напишем книгу «Миассовский феномен».

Большое спасибо Виктории Львовне Корогодиной (ОИЯИ РАН, Дубна) и Rose-Luise Winkler, Dr, PhD in Philosophy, senior researcher (Берлин, Германия) за поддержку в работе.

Выражаю благодарность российскому литературному порталу Стихи.ру, предоставляющему авторам возможность свободной публикации своих произведений.

Огромная благодарность всем, подписавшим мою петицию «Против переименования улицы Тимофеева-Ресовского в Екатеринбурге» на сайте Change.org, а также многочисленным российским и зарубежным ученым, поддержавшим эту петицию

С Фомой Тимофеевым в рядах Бессмертного полка.

и направившим свои протесты в адрес Администрации Екатеринбурга. Так, примечательны слова сына академика Василия Васильевича Парина, российского театроведа, музыкального критика, писателя, переводчика и поэта Алексея Васильевича Парина: *«Мы, Парины, за Тимофеева-Ресовского!»* Благодаря вашей поддержке, а также обращениям Свердловского областного отделения Русского географического общества, Совета молодых ученых РАН и ученых Института экологии растений и животных УРО РАН, появился шанс назвать именем Н.В.Тимофеева-Ресовского одну из улиц Екатеринбурга в будущем. По крайней мере, комиссия по наименованиям топонимических объектов муниципального образования «город Екатеринбург» приняла такое решение в октябре 2020 года.

Ваш Сергей Куликов,
11.09.2021

Сергей Николаевич Куликов

В ГОСТЯХ У ТИМОФЕЕВЫХ-РЕСОВСКИХ

СТИХИ

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Куликов Сергей Николаевич, 1959 г.р., кандидат медицинских наук, доцент Уральского государственного медицинского университета, Екатеринбург

Посвящается семье Тимофеевых-Ресовских и столетию со дня рождения Димитрия Николаевича Тимофеева-Ресовского (Фомы).
Имя великого русского ученого Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского (1900—1981) широко известно, как одного из основателей современной биологии, биофизики, радиационной генетики, радиоэкологии, микроэволюции и синтетической теории эволюции.
Он является героем книги Д. А. Гранина «Зубр», кинотрилогии режиссера Е. С. Саканян «Рядом с Зубром», «Охота на Зубра», «Герои и предатели», а также автором «Историй, рассказанных им самим...».
Был репрессирован в 1945 и реабилитирован в 1992 году.
Елена Александровна Тимофеева-Ресовская (1898—1973) — выдающийся ученый-радиобиолог. В семье было два сына: старший Димитрий, которого все звали Фомой (1923—1945), и младший Андрей (1927—2014).
Старший сын был арестован гестапо в 1943 году за антинацистскую деятельность в составе подпольной организации «Берлинский комитет ВКП (б)», осужден, отправлен в концлагерь Маутхаузен и расстрелян в концлагере Эбензее (Австрия) 01.05.1945. Автор обращается в Администрацию Президента РФ о посмертном награждении героя-антифашиста Димитрия Тимофеева-Ресовского государственной наградой России.
На обложке детские рисунки Фомы, с изображениями отца и матери.
Светлая память!